

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА — 1984

Перельмутер И. А. (Ленинград). Индоевропейский медий и рефлексив	3
Аксенов А. Т. (Москва). К проблеме экстралингвистической мотивации грамматической категории рода	14

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Конецкая В. П. (Москва). О системности лексики	26
Бурт Э. М. (Ленинград). Научные понятия как системы и их описание в толковых терминологических словарях	36
Улуханов И. С. (Москва). Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы	44
Ширяев Е. Н. (Москва). Основы системного описания бессоюзных сложных предложений	55
Панфилов В. С. (Ленинград). Исходные понятия вьетнамского синтаксиса	66

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Яцкевич Л. Г. (Гомель). Средства выражения предметности в русском языке	77
Канонич С. И. (Москва). Принципы типологии контекстных грамматических категорий	84
Востокова Г. В. (Москва). Семантическая мотивация сложного слова	90
Бухарин В. И. (Калуга). Вводные слова в аспекте актуального членения	101
Антонова Т. И. (Москва). Текстовые формулировки научного определения	106

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Горсуева И. Г. (Москва). Современная проблематика интонационных исследований	116
--	-----

Рецензии

Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. (Москва). <i>Peruzzi E.</i> <i>Musceneans in early Latium</i>	127
Винокур Т. Г. (Москва). Типы наддиалектных форм языка	132
Даниленко В. П. (Москва), Панько Т. И. (Львов). Интернациональные элементы в лексике и терминологии	135

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	138
--------------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Г. Гак, А. В. Десницкая, Ю. Д. Дешериев, А. И. Домашнев, Ю. Н. Караулов, Г. А. Климов (отв. секретарь), А. Н. Кононов, В. З. Панфилов (зам. главного редактора), Б. А. Серебренников, Н. А. Слюсарева, В. М. Солнцев (зам. главного редактора), Г. В. Степанов (главный редактор), О. Н. Трубачев, Д. Н. Шмелев

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, редакция журнала «Вопросы языкознания». Тел. 203-00-78

Зав. редакцией *И. В. Соболева*

ПЕРЕЛЬМУТЕР И. А.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ МЕДИЙ И РЕФЛЕКСИВ

(Опыт функционального анализа)

Вопрос о первоначальном значении индоевропейского медиа принадлежит к числу наиболее дискуссионных в индоевропейском языкознании. О первоначальном значении и.-е. медиа высказываются различные, порой совершенно исключают друг друга мнения. Широко распространено представление о необычайной сложности и даже неразрешимости этого вопроса. Между тем, на наш взгляд, наука о языке располагает в настоящее время данными, позволяющими существенным образом приблизиться к решению проблемы.

Медиальные формы глагола древнегреческого, древнеиндийского, авестийского, хеттского, тохарских языков обнаруживают между собой явное сходство как со стороны материальной, так и по своему значению: они широко используются для образования интранзитивных форм от транзитивных глаголов и, кроме того, сами могут выступать в транзитивном употреблении. В латинском и других италийских языках, в готском, а также в кельтских языках представлена система личных окончаний глагола, генетически восходящих к и.-е. медию, но по своему функционированию медиальные формы в этих языках отличаются от медиальных форм в языках, перечисленных выше, и прежде всего тем, что в них соответствующие формы глагола не выступают в транзитивном употреблении. Общеизвестно, что функционирование медиальных форм в древнегреческом, древнеиндийском, авестийском, хеттском и тохарских языках отражает более древнее состояние. Все дальнейшее наше изложение ориентировано на медий в этих языках, сохраняющий основные особенности (материальные и функциональные) и.-е. медиа.

При рассмотрении функциональной сферы и.-е. медиа обычно указывается на ее близость к функциональной сфере рефлексива. «Медий обозначает особое отношение между глагольным действием и его субъектом, близкое ко многим значениям русского средневозвратного на -ся, который, по обычному (надо думать, справедливому) мнению, заменил собой древний медий» [1, с. 88].

Действительно, функционально-семантическая сфера и.-е. медиа поразительно близка к сфере функционирования возвратных форм глагола в современных и.-е. языках, прежде всего в таких, где рефлексив объединяет в своей функциональной сфере прямо-возвратную функцию, связанную с непосредственным употреблением форм глагола, и косвенно-возвратную функцию, связанную с употреблением переходным. К языкам такого типа относятся, в частности, балтийские языки — литовский и латышский.

В XIX в. и начале XX в. была распространена точка зрения, согласно которой рефлексивная функция и.-е. медиа и была его первоначальной функцией. Такое представление отражено, в частности, в работах эллиниста Джилдерслива [2], индологов Итона [3] и Шпейера [4], в трудах видных русских компаративистов Ф. Ф. Фортунатова [5], В. К. Поржезинского [6], В. А. Богородицкого [7]. Позднее эта точка зрения, хотя она и не была подвергнута сколько-нибудь основательной критике, высказывалась редко. Подавляющее большинство компаративистов нашего века полагали, что рефлексивные функции медиа появились лишь в процессе относительно позднего развития, что первоначальная функция и.-е. медиа отличалась от рефлексивной.

В первые десятилетия нашего века был опубликован ряд исследований, авторы которых стремились показать, что активные и медиальные окончания представляют собой фонетические варианты одних и тех же морфологических формантов [8—11]. Отсюда делался вывод, что актив и меди́й первоначально не различались между собой по значению. Появившееся позднее семантическое различие между активом и меди́ем было, по мнению сторонников этой точки зрения, на первых порах минимальным. Медиальная форма отличалась по значению от соответствующей активной лишь указанием на заинтересованность субъекта в действии: «В индоиранском и греческом окончания среднего залога показывают, что субъект лично заинтересован в процессе» [12]. В 1950 г. Э. Бенвенист писал о том, что существует «...формула, которая почти дословно повторяется у всех компаративистов: средний залог, по-видимому, указывает только на определенное отношение между действием и субъектом, а именно на „заинтересованность“ субъекта в действии» [13]. Сторонники рассматриваемой точки зрения не показали, какими путями из дополнительного оттенка значения, первоначально отличавшего медиальную форму от соответствующей активной, развились разнообразие исторически засвидетельствованные значения меди́я. Насколько можно судить, никто из этих исследователей даже не ставил перед собой такой задачи.

Приблизительно в середине века широкое распространение получила иная точка зрения на природу и.-е. меди́я, в соответствии с которой и.-е. меди́й был первоначально связан с обозначением состояния, с интранзитивностью. Легко заметить, что это воззрение по самой своей сути прямо противоположно рассмотренному выше. Там говорилось об особой заинтересованности субъекта в том или ином процессе, следовательно, о его повышенной активности, здесь — о состоянии, субъект которого всегда инактивен. Можно только удивляться тому, что, по-видимому, никто из многочисленных сторонников первой из рассмотренных точек зрения не попытался отстаивать ее в полемике с ее противниками. Единственное вероятное объяснение этого странного факта состоит в том, что в распоряжении сторонников первой концепции не оказалось достаточно веских аргументов, опираясь на которые они могли бы вести полемику.

На формирование представления об изначальной связи и.-е. меди́я с обозначением состояния решающее влияние имела гипотеза, выдвинутая в 30-х годах Е. Куриловичем [14] и Х. Стангом [15], которые усмотрели наличие сходных черт в системе личных окончаний и.-е. меди́я и и.-е. перфекта. Предположение о формальном сходстве между этими грамматическими категориями заставляло вести поиски сходных черт и в сфере функциональной. Поскольку перфекты, относящиеся к древнейшему слою форм рассматриваемой грамматической категории в некоторых и.-е. языках (в древних индоиранских и в древнегреческом), большей частью выражают физические и психические состояния, то у исследователей возникало побуждение рассматривать обозначение состояния также в качестве древнейшей функции меди́я. Эту точку зрения отстаивает, в частности, Э. Ной: «Поскольку у истоков медиальной диатезы находится обозначение состояния, то так называемый рефлексивный меди́й мог возникнуть лишь в процессе позднейшего развития» [16, с. 146]. Сходные мнения высказывались и советскими компаративистами [17, с. 59; 1, с. 90]. Некоторую модификацию этой точки зрения представляет концепция Я. Гонды, усматривающего древнейшую функцию меди́я в указании на произвольное действие, на событие [18, 20]. В соответствии с этим значением, по мнению Я. Гонды, находилось и синтаксическое «поведение» медиальных форм — первоначально присущая им интранзитивность [18, с. 54]; рефлексивные функции меди́я, как указывает Я. Гонда, возникли на относительно поздних этапах его функционально-семантической эволюции [18, с. 57; 19].

В последние годы многие компаративисты начинают проявлять критическое отношение к этой точке зрения. К. Уоткинс, разделяющий мнение Е. Куриловича о генетических связях между окончаниями меди́я и окончаниями перфекта, полагает все же, что из наличия таких связей

еще «вовсе не следует, то обе эти категории были первоначально функционально тождественными» [21, с. 69]. Против мнения о первоначальной идентичности функционально-семантических сфер медиа и перфекта выступает О. Семереньи, подчеркивающий такие особенности функционирования медиа, которые сближают его скорее с активом презентно-аористной системы, чем с перфектом [22]. М. М. Гухман считает, что «вопрос о соотношении перфекта и медиума... и поныне остается дискуссионным» [23, с. 194]. Рассматривая медиальные глаголы древнегреческого и древнеиндийского языков, являющиеся, по ее мнению, наиболее древними, М. М. Гухман отмечает: «здесь затруднительно было бы выделить такие смысловые категории, как непереходность и состояние» [23, с. 184].

Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время вообще нет такого воззрения относительно первоначальной функции и.-е. медиа, которое пользовалось бы широким признанием. В науке господствует представление о крайней сложности и даже неразрешимости этого вопроса. Многие современные исследователи охотно присоединяются к высказыванию Ж. Вандриеса: «Пытаться определить исходный пункт развития этих разнообразных значений (имеются в виду различные значения и.-е. медиа. — П. И.) было бы задачей рискованной, да, пожалуй, и неразрешимой» [24].

На наш взгляд, однако, дело обстоит далеко не так безнадежно. Концепции, рассмотренные выше, сформировались под влиянием различных методов анализа формальных показателей и.-е. медиа. Ни один из этих методов анализа не привел к убедительным результатам. Представляется целесообразным на данном этапе исследования интересующего нас вопроса отказаться от формального анализа и попытаться выявить первоначальную функцию и.-е. медиа, исходя из данных анализа функционального. История науки о языке свидетельствует о том, что при изучении многих проблем функциональный анализ оказывался гораздо более плодотворным.

Начнем с фактов, давно установленных наукой и не вызывающих разногласий, а именно — с перечисления таких особенностей, которые являются общими для функционально-семантической сферы медиа в древних и.-е. языках и для соответствующей сферы рефлексива во многих новых и.-е. языках: 1) прямо-возвратная функция; 2) косвенно-возвратная функция (глагольные формы, выступающие в этой функции, обозначают действие, совершаемое субъектом в своих интересах, в свою пользу, а также действие, совершаемое субъектом над предметом, принадлежащим к его сфере; косвенно-возвратная функция характерна в первую очередь для таких новых и.-е. языков, в которых — как в литовском и латышском — рефлексивные формы могут выступать в транзитивном употреблении); 3) взаимно-возвратная функция; 4) функция образования интранзитивных форм от транзитивных глаголов (на основе этой функции возникла в ходе исторического развития функция образования форм с пассивным значением); 5) функция обозначения особо интенсивного действия (*medium intensivum, medium dynamicum*); эта функция характерна для возвратных глаголов многих новых и.-е. языков [25, с. 100 и сл.]; 6) отсутствие различий по значению между обеими залоговыми формами глагола: медиальной и активной в древних и.-е. языках, рефлексивной и нереплексивной в новых и.-е. языках [25, с. 101]; 7) лексико-семантическая дифференциация залоговых форм (медиальных и активных в древних и.-е. языках [26], рефлексивных и нереплексивных в новых и.-е. языках [тип *прочать/прочаться*]); 8) наряду с глаголами, которые могут выступать в обеих залоговых формах, имеются глаголы, которые выступают только в одной из них: *activa tantum* и *media tantum* древних и.-е. языков, *activa tantum* и *reflexiva tantum* новых и.-е. языков.

Разумеется, абсолютно полного совпадения функциональных сфер медиальных и рефлексивных форм в разных языках нет и быть не может: каждый язык характеризуется в этой области, как и во всех прочих, неповторимым своеобразием. Можно, однако, утверждать, что нет таких функциональных особенностей, которые объединяли бы медию в различ-

ных древних и.-е. языках и одновременно противопоставляли бы его рефлексиву в различных новых и.-е. языках: медий отличается в функциональном плане от рефлексива не в большей мере, чем рефлексивы разных новых и.-е. языков различаются в этом отношении между собой.

Вряд ли кто-либо из современных компаративистов будет оспаривать приведенные факты. Но надо признать, что очень большое сходство между функциональной сферой медиа и рефлексива само по себе еще не решает окончательно вопроса об исторических связях между различными функциями медиа. Именно здесь и возникают разногласия. Наиболее дискуссионным является вопрос о соотношении в плане диахронии между прямо-возвратной функцией медиа и функцией интранзитивации. В соответствии с широко распространенной точкой зрения, прямо-возвратная функция медиа развилась из функции интранзитивации [27; 28; 17, с. 80 и сл.]. Многие данные служат, однако, подтверждением того, что историческое развитие протекало в обратном направлении, что функция интранзитивации развилась из прямо-возвратной функции. Обратимся к данным лингвистической типологии. Процесс возникновения функции интранзитивации на основе прямо-возвратной функции прослеживается на материале очень многих языков. Мы наблюдаем его, в частности, в истории рефлексивных глаголов славянских, балтийских, германских и романских языков. О первичности прямо-возвратной функции здесь свидетельствует уже этимология формального показателя рефлексивности, восходящего по своему происхождению к возвратному местоимению. Среди возвратных глаголов русского языка «собственно-возвратные глаголы являются исторически древнейшими, а все прочие (имеются в виду «возвратные глаголы». — П. И.) сложились на их основе в результате сложного взаимодействия лексических, морфологических и контекстуально-синтаксических факторов» [29, с. 67]. Аналогичный процесс функционально-семантического развития произошел у местоименных форм глагола во французском языке [30, с. 212 и сл.], а также у рефлексивных форм глагола многих других новых и.-е. языков. Между тем исследователи, по мнению которых развитие медиа шло от функции интранзитивации к прямо-возвратной функции, не приводят в пользу своей точки зрения никаких данных, которые бы показывали, что постулируемую ими эволюцию в функционально-семантической сфере можно наблюдать в истории каких-либо языков.

В и.-е. языках представлены различные формально-грамматические категории, служащие для выражения состояния, для образования интранзитивных форм от транзитивных глаголов. Сюда относятся, в частности, глагольные основы с исходом на $\bar{e}$ -, древнеиндийские презентные основы так называемого IV класса с суффиксом $-ya-$, глаголы со словообразовательным суффиксом $-na/-no-$ в готском и скандинавских языках, глаголы с назальным суффиксом в славянских языках. Указанные форманты широко используются в функции интранзитивации, причем функционально-семантическая сфера глаголов, основа которых содержит эти суффиксы, во многом совпадает с функционально-семантической сферой медиа, с той, однако, существенной разницей, что выражение прямо-возвратного значения им совершенно не свойственно. Таким образом, для формально-грамматических категорий глагола в и.-е. языках, которые обозначают стательность и интранзитивность, не характерно выражение собственно-возвратных значений. Из этого можно сделать, по крайней мере, один вывод, но вывод очень важный: функция интранзитивации вовсе не обязательно порождает прямо-возвратную функцию.

Функция интранзитивации, не являясь первоначальной функцией рефлексива, на определенном этапе исторического развития становится его основной функцией. Это верно, в частности, по отношению к современному русскому языку: «Общая функция $-ся$ — устранение переходности глагола» [31]. Так обстоит дело не только в современном русском языке. Функция интранзитивации представляла собой основную функцию возвратных глаголов на протяжении многих веков истории русского языка [29, с. 72]. С другой стороны, для семантического развития возвратных

глаголов в русском языке характерно постепенное угасание прямо-возвратной функции. Прямо-возвратное значение очень неустойчиво. Многие глаголы, которые были способны в прошлом (еще в XIX в.) выражать прямо-возвратное значение, в современном русском языке эту способность утратили [32, с. 49]. В русском литературном языке XI—XV вв. возвратные формы глагола с прямо-возвратным значением были гораздо более употребительны, чем в современном языке [29, с. 72].

Итак, функция интранзитивации доминирует в функциональной сфере русских возвратных глаголов. Можно было бы ожидать, если исходить из той точки зрения, что прямо-возвратная функция возникает на основе функции интранзитивации, что доминирующее положение функции интранзитивации способствует оживлению и широкому распространению прямо-возвратной функции. В действительности мы наблюдаем картину совершенно противоположную: прямо-возвратная функция рефлексивных глаголов русского языка постепенно угасает, прямая возвратность находит новое формальное выражение в описательных конструкциях, образуемых сочетанием глагола с возвратным местоимением в форме винительного падежа. Те же процессы наблюдаются в истории местоименных глаголов французского языка: усиление доминирующей роли функции интранзитивации сопровождается постепенным затуханием прямо-возвратной функции [30, с. 200, 201, 212, 213].

Если обратиться к функциональной сфере древнегреческого медиа, то можно обнаружить очень сходную картину. Уже у Гомера функция образования интранзитивных форм от транзитивных глаголов — наиболее живая и продуктивная функция медиа [17, с. 10, 34]. В дальнейшей истории древнегреческого языка ее доминирующее положение в функциональной сфере медиа становится еще более явным. Совершенно иную судьбу имела прямо-возвратная функция древнегреческого медиа. У Гомера прямо-возвратное значение выражалось еще по преимуществу медиальными формами; лишь в единичных случаях для этой цели использовалось сочетание глагола с возвратным местоимением. По наблюдениям Боллинга, подобные конструкции встречаются в Илиаде не более десяти раз [33]. В прозе классического периода (V—IV вв. до н. э.) прямо-возвратное значение в подавляющем числе случаев передается описательной конструкцией, образуемой сочетанием глагола с формой возвратного местоимения. Медиальные формы с прямо-возвратным значением встречаются крайне редко. Таким образом, и в древнегреческом медиа расширение сферы функции интранзитивации сопровождается сужением сферы прямо-возвратной функции.

Важные данные по интересующему нас вопросу можно извлечь из материалов хеттского языка. Медиальные формы хеттского глагола, наряду с другими значениями, передают также прямо-возвратное значение. Кроме медиальных форм, не осложненных никакими дополнительными показателями, для выражения прямо-возвратного значения здесь используются также медиальные формы, снабженные афигированной возвратной частицей *-za*. Э. Ной указывает на то, что медиальные формы с прямо-возвратным значением, оформленные рефлексивной частицей *-za*, встречаются главным образом в более поздних памятниках, но вывод, который он делает из этого факта, безусловно ошибочен: «По всей вероятности, с этим вторичным, относительно поздним формированием рефлексивного значения медиа можно поставить в связь тот факт, что рефлексивная частица *-za* часто наблюдается в более поздних памятниках в таких случаях, в которых на более ранних этапах развития языка она отсутствует» [16, с. 146]. Факты, которые приводит Э. Ной, явно противоречат его выводу. Прямо-возвратное значение, как на это указывает сам Э. Ной, на более ранних этапах развития языка выражалось с помощью медиальных форм, не снабженных никакими дополнительными показателями; на более поздних этапах существования языка в этом значении выступают по преимуществу медиальные формы с афигированной возвратной частицей. Перед нами тот же процесс обновления формального выражения прямо-возвратной функции, который мы наблюдаем в истории древнегрече-

ского, русского и многих других и.-е. языков. Это значит, что старая форма утрачивает способность к выражению соответствующего значения. Прямо-возвратная функция хеттского медиа постепенно угасает так же, как это происходит в древнегреческом языке.

Важно отметить при этом, что наиболее продуктивную функцию медиа в хеттском языке, как и в древнегреческом, образует функция интранзитивации [17, с. 46]. В хеттском языке, таким образом, как и в языках, о которых шла речь выше (славянских, романских, древнегреческом), угасание прямо-возвратного значения медиа происходит на фоне доминирующей роли функции интранзитивации.

Постепенное сужение сферы прямо-возвратной функции, происходящее параллельно усилению доминирующей роли функции интранзитивации, трудно согласовать с представлением о том, что функция интранзитивации порождает прямо-возвратную функцию. Создается впечатление, что функция интранзитивации не только не образует основы для возникновения прямо-возвратной функции, но служит помехой для ее существования, вытесняет ее, способствует ее постепенному затуханию.

В свете всего изложенного возникает возможность по-новому рассмотреть вопрос об исторических связях между прямо-возвратной функцией и функцией интранзитивации. Многие данные приводят к выводу о том, что прямо-возвратная функция исторически предшествует функции интранзитивации, что функциональное развитие имеет здесь однонаправленный характер: от выражения прямо-возвратного значения к выражению интранзитивности во всех ее проявлениях, но не наоборот. Применяя этот вывод к вопросу о первоначальной функции и.-е. медиа, мы можем заключить, что свойственная медию функция интранзитивации развилась из прямо-возвратной функции и, следовательно, функцию интранзитивации нельзя рассматривать как древнейшую функцию и.-е. медиа. Здесь мы полностью присоединяемся к мнению А. В. Десницкой о вторичном, относительно позднем возникновении функции интранзитивации в функционально-семантической сфере медиа [34]. Как показала А. В. Десницкая, в отдаленном прошлом и.-е. языков глаголы в своем большинстве были нейтральны по отношению к оппозиции «переходность — непереходность». В условиях, когда одна и та же форма глагола могла выступать как в переходном, так и в непереходном употреблении, не возникало необходимости в специальных грамматических способах интранзитивации [34]. В дальнейшем изложении мы попытаемся показать, что не только функция интранзитивации, но и все другие исторически засвидетельствованные функции медиа развились на основе его возвратной функции.

Прежде всего рассмотрим вопрос о соотношении прямо-возвратной и косвенно-возвратной функций медиа. Один из немногих современных компаративистов, придерживающихся мнения об изначально рефлексивной природе и.-е. медиа, — В. И. Георгиев полагает, что окончания и.-е. медиа восходят по своему происхождению к личным, указательным и возвратным местоимениям. При этом в одних случаях исходное местоимение имело форму винительного падежа, в других — форму дательного. Иначе говоря, по мнению В. И. Георгиева, и.-е. медий возник в результате смешения глагольных форм с аффигированным местоимением в форме винительного падежа, служивших для выражения прямо-возвратного значения, и глагольных форм с аффигированным местоимением в форме дательного падежа, служивших для выражения косвенно-возвратного значения [35].

Этимология личных окончаний и.-е. медиа, предлагаемая В. И. Георгиевым, весьма гипотетична. Более убедительным представляется то решение интересующей нас проблемы, которое выдвигает А. В. Десницкая, связывающая возникновение косвенно-возвратной функции медиа с особым характером функционирования винительного падежа в древних и.-е. языках. В этих языках формы винительного падежа выступают не только в роли прямого дополнения, но часто обнаруживают обстоятельственные значения, указывая в подобных случаях на сферу, в которой осуществ-

вляется данное действие [36]. В традиционной грамматике эта функция винительного падежа получила название «винительного отношения» (*accusativus relationis*). Представленная и в других древних и.-е. языках, эта функция особенно характерна для древнегреческого языка [37]. Поскольку винительный падеж мог выступать как в функции «винительного объектного», так и в функции «винительного отношения», то нередко возникала возможность его двоякого осмысления. Эта возможность возникла, в частности, и в сочетаниях формы винительного падежа с медиальной формой глагола. Такое высказывание, как εἶσατο δὲ φθογγὴν οὐ Πριάμου Πολίτη (II. 2, 791; пример А. В. Десницкой), может быть понято двояким образом: 1) «Она [богиня Ирида] уподобилась (εἶσατο — медиальная форма в непереходном, прямо-возвратном значении) в отношении голоса (φθογγὴν — „винительный отношения“) сыну Приама Политу»; и 2) «Она уподобила свой голос (медиальная форма в переходном, косвенно-возвратном значении в сочетании с формой „винительного объекта“) сыну Приама Политу». Осмысление формы «винительного отношения» в качестве формы «винительного объектного» приводило к тому, что медиальная форма глагола с прямо-возвратным значением воспринималась как форма с косвенно-возвратным значением, управляющая винительным падежом прямого дополнения. Таким путем А. В. Десницкая дает очень убедительное объяснение соотношению между прямо-возвратной и косвенно-возвратной функциями медиа.

Обратимся теперь к другим функциям и.-е. медиа. Вполне понятно, что действие, совершаемое субъектом в своих интересах, в свою пользу, производится с повышенной интенсивностью, что субъект действия проявляет в подобных случаях особую заинтересованность. Таким образом, обозначение особой заинтересованности субъекта в действии, которое рассматривалось многими исследователями как первоначальная функция и.-е. медиа, теснейшим образом связано с косвенно-возвратной функцией и вторично по отношению к ней. То же самое можно сказать и об обозначении повышенной интенсивности действия.

В древних и.-е. языках имеется большое количество глаголов, активные формы которых переходны, а медиальные — непереходны. Семантические отношения между переходными активными и непереходными медиальными формами глаголов очень разнообразны. Они находятся в тесной зависимости от лексического значения исходных глаголов. Пожалуй, наиболее характерными для медиальных форм этой группы глаголов можно считать следующие значения: 1) перемена положения и перемещение в пространстве, 2) произвольное действие, 3) состояние (физическое и психическое) или переход в определенное состояние. Указанные значения будут здесь проиллюстрированы материалами древнегреческого языка (соответствующие примеры из других древних и.-е. языков можно найти как в специальных исследованиях, так и в фундаментальных грамматиках этих языков); 1) κλίνω, актив «наклонять», медий «наклоняться», τρίπω, актив «поворачивать», медий «поворачиваться», αἶρω, актив «поднимать», медий «подниматься» и т. д.; 2) ἀμείρω, актив «лишать», медий «лишаться», ἐγείρω, актив «пробуждать», медий «пробуждаться», βραίνω, актив «обрызгивать», медий «обрызгиваться», πληπλημι, актив «наполнять», медий «наполняться», λείβω, актив «лить», медий «литься»; 3) τήνω, актив «плавить», медий «плавиться, таять», καίω, актив — «жечь, зажигать», медий «гореть», ἀθαίνω, актив «супшить», медий «сохнуть», φοβέω, актив «пугать», медий «пугаться», λυπέω, актив «печалить», медий «печалиться» и т. д.

Итак, медиальные формы со значением произвольного действия и состояния образуются путем интранзитивации от глаголов с определенными лексическими значениями. Функция интранзитивации, как мы стремились показать, развилась из прямо-возвратной функции медиа. Исходя из возвратной функции как первоначальной функции медиа, вполне можно объяснить появление медиальных форм со значением произвольного действия и состояния. Но если присоединиться к тем современным компаративистам, которые усматривают в обозначении произвольного

действия и состояния древнейшую функцию медиа, то возникновение возвратных функций медиа не получает удовлетворительного объяснения. Во всяком случае, сторонники указанной точки зрения такого объяснения не предложили.

В древних и.-е. языках наряду с глаголами, от которых образуются как активные, так и медиальные формы, представлены глаголы, употребляющиеся только в медиальной форме, так называемые *media tantum*. В компаративистике уже давно рассматривается вопрос об историческом соотношении между двудиатезными глаголами и *media tantum*: следует ли признать более древним употребление двудиатезных глаголов или же первоначально существовал лишь особый класс медиальных глаголов *media tantum*, а двудиатезные глаголы появились позднее. В нашем столетии явно возобладала вторая точка зрения, хотя до недавнего времени никто даже не сделал попытки ее обосновать [38, с. 415 и сл.; 39; 16, с. 93; 21, с. 78; 17, с. 31; 23, с. 179 и сл.].

Надо признать, что представление, в соответствии с которым *media tantum* исторически предшествуют глаголам с двойной диатезой, абсолютно не совместимо с отстаиваемой нами точкой зрения о возвратной функции как древнейшей функции медиа. Глагольные формы с прямо-возвратным значением предполагают наличие неререфлексивных форм того же глагола. Формы с прямо-возвратным значением, не имеющие соотносительных неререфлексивных форм, встречаются лишь как редкое исключение. Неоспоримые факты свидетельствуют, на наш взгляд, в пользу вторичности *media tantum* по отношению к двудиатезным глаголам. Обращает на себя внимание уже то обстоятельство, что при очень большом количестве двудиатезных глаголов, имеющих надежные этимологические соответствия в разных древних и.-е. языках, этимологически тождественных *media tantum* засвидетельствовано ничтожно мало [38, с. 417].

И все же чисто количественный момент имеет второстепенное значение. Гораздо важнее другое. Если рассматривать *media tantum*, представленные этимологически тождественными формами в разных древних и.-е. языках, или даже привлечь дополнительно *media tantum*, засвидетельствованные только в отдельных древних и.-е. языках, то можно обнаружить очень пестрый конгломерат глаголов с самыми разнообразными лексическими значениями. Следует согласиться с М. М. Гухман о том, что чрезвычайно существенным для определения статуса *media tantum* является вопрос о наличии смыслового инварианта, объединяющего глаголы, входящие в эту группу [23, с. 181]. Все это совершенно справедливо, но трудность в том и заключается, что смысловой инвариант здесь обнаружить не удастся. Относительно семантического инварианта *media tantum* М. М. Гухман приходит к следующему выводу: «Единственным действительно общим смысловым показателем является обязательная соотносительность с одушевленным субъектом» [23, с. 183]. Из дальнейшего изложения М. М. Гухман становится, однако, ясным, что соотносительность с одушевленным субъектом у глаголов *media tantum* наблюдается все же не всегда, что среди *media tantum* древнегреческого языка и в еще большей мере среди древнеиндийских *media tantum* встречается много глаголов, нейтральных в отношении выбора субъекта, что здесь можно говорить не об обязательной, а лишь о преимущественной соотносительности с одушевленным субъектом. Но этот признак нельзя рассматривать в качестве семантического инварианта *media tantum* хотя бы уже по той причине, что преимущественная соотносительность с одушевленным субъектом свойственна глаголам в древних и.-е. языках (и, по-видимому, не только в них) как лексико-грамматическому классу слов в целом. Подсчеты, произведенные нами по материалам словарей древнегреческого языка, показали, что число глаголов, сочетающихся только с одушевленным субъектом, намного превосходит число глаголов, нейтральных в отношении выбора субъекта, а число глаголов, сочетающихся только с неодушевленным субъектом, очень невелико.

Таким образом, если исходить из представления о первичности в плане диахронии *media tantum* по отношению к двудиатезным глаголам, то

в совокупности лексических значений *media tantum* можно усматривать лишь случайный набор самых разнообразных и разнородных элементов. Картина в большой мере проясняется, если рассматривать *media tantum* как исторически сравнительно позднее явление, вторичное по отношению к двудиагезным глаголам. Большинство глаголов *media tantum* соответствует по своей семантике различным группам медиальных форм двудиагезных глаголов. Среди *media tantum* имеются глаголы с возвратным значением, в том числе — глаголы со значением прямо-возвратным (ἀπολομαίνομαι «очищать себя от скверны», καυχάομαι «восхвалять себя», ἀπολομέομαι «защищать себя»), глаголы со значением косвенно-возвратным (ἀρνύομαι «добывать», ἰλάσσομαι «примирять с собой, склонять на свою сторону», κτάομαι «приобретать» и т. д.), глаголы с взаимно-возвратным значением (ἀντιομαι «встречаться», διτέομαι «делить между собой», μάρναομαι «сражаться» и т. д.).

Среди *media tantum* широко представлены глаголы, сопоставимые по своему значению с приведенными выше непереходными медиальными формами, образованными от переходных глаголов. Сюда относятся глаголы, обозначающие перемену положения и передвижение (ἄλλομαι «прыгать», ἰδνύομαι «сгибаться», πέτομαι «лететь», ἔπομαι «следовать; идти», νεόμαι «идти, возвращаться» и т. д., а также глаголы, обозначающие физические и психические состояния (θερρομαι «нагреваться», πύθομαι «гнить», τέρσομαι «высыхать», ἄγαμαι «восторгаться», γάνομαι «радоваться», зήφομαι «сердиться» и т. д.). Примерно тот же круг значений характерен для *media tantum* древнеиндийского языка [3, с. 40 и сл.].

В целом можно сказать, что картина, которую представляют *media tantum* древних и.-е. языков, во всех существенных чертах сходна с той картиной, которую представляют *reflexiva tantum* новых и.-е. языков. Подводя итог рассмотрению *reflexiva tantum* современного русского языка, А. М. Пешковский заключает, что внутри *reflexiva tantum* ясно различаются все те значения, которые передаются возвратными формами глаголов, образующих также и невозвратные формы [40, с. 134]. К аналогичному выводу пришли и мы: в большинстве случаев глаголы *media tantum* сопоставимы по своему значению с медиальными формами двудиагезных глаголов.

Правда, среди *media tantum* встречаются глаголы, не сопоставимые по своей семантике с такими медиальными формами двудиагезных глаголов, значение которых образует регулярную функционально-семантическую оппозицию со значением активной формы соответствующего глагола. Следует, однако, учесть, что и у глаголов с двойной диагезой нередко наблюдается лексико-семантическая дифференциация залоговых форм, при которой медиальная форма выступает в значении, не образующем регулярной функционально-семантической оппозиции ни с одним из значений активной формы соответствующего глагола [26]. Подобное явление наблюдается и у *reflexiva tantum* новых и.-е. языков. А. М. Пешковский отмечает, что у некоторых возвратных глаголов русского языка, не имеющих соответствующих форм без *-ся*, «значение залоговой формы, действительно, трудно уловимо» [40, с. 135]. Таким образом, *media tantum* древних и.-е. языков обнаруживают явное сходство с *reflexiva tantum* новых и.-е. языков. Этот факт служит еще одним доводом в пользу представления о возвратной функции как первоначальной функции и.-е. медиа.

В предшествующем изложении были подвергнуты критическому анализу наиболее распространенные воззрения на первоначальную функцию и.-е. медиа; было показано, что в качестве таковой нет оснований рассматривать ни обозначение особой заинтересованности субъекта в действии, ни обозначение состояния или непроизвольного действия, ни функцию интранзитивации. Функциональный анализ привел нас к заключению, что рефлексивная функция и.-е. медиа была его первоначальной функцией. В своих истоках и.-е. медиа был, по-видимому, рефлексивом, функциональная сфера которого объединяла прямо-возвратную и косвенно-возвратную функции. В сфере функционирования медиальных форм нет таких явлений, происхождение которых нельзя было бы объяснить,

исходя из рефлексивной функции медиа. Никакие явления этой сферы не побуждают нас предполагать, что рефлексивной функции медиа предшествовала какая-либо иная его функция. Вывод, к которому мы пришли, получен только на основании анализа функционирования медиальных форм. Разумеется, вопрос о первоначальной функции и.е. медиа может быть решен окончательно только в том случае, если удастся убедительным образом объяснить происхождение его формальных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тронский И. М. Общеиндоевропейское языковое состояние (Вопросы реконструкции). Л., 1967.
2. Gildersleeve B. L. Syntax of classical Greek from Homer to Demosthenes. Pt. I. New-York, 1900, p. 61.
3. Eaton A. J. The Atmanepada in Rigveda. Leipzig, 1884.
4. Speyer J. S. Vedische und Sanskrit-Syntax. Strassburg, 1896, S. 47.
5. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков. — В кн.: Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957, с. 264 и сл.
6. Поржезинский В. К. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. М., 1903, с. 106.
7. Богородицкий В. А. Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков. Казань, 1917, с. 184.
8. Brugmann K. Zur Frage des Ursprungs der Personalendungen des indogermanischen Verbuns. — IF, 1921, Bd 39, S. 131.
9. Meillet A. Remarques sur les désinences verbales de l'indo-européen. — BSLP, 1922, t. 23, fasc. 1.
10. Chantraine P. Le rôle des désinences moyennes en grec ancien. — Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes, 1927, t. 53, p. 153 и сл.
11. Hirt H. Indogermanische Grammatik. Tl. 4. Heidelberg, 1928, S. 127 и сл.
12. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. — Л., 1938, с. 257.
13. Бенвенист Э. Активный и средний залог в глаголе. — В кн.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 186.
14. Kuryłowicz J. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite. — BSLP, 1932, t. 33, p. 2 и сл.
15. Stang Chr. S. Perfectum und Medium. — NTS, 1932, Bd. 6, S. 29 и сл.
16. Neu E. Das hethitische Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen. Wiesbaden, 1968.
17. Савченко А. Н. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону, 1960.
18. Gonda J. Reflections on the Indo-European medium. I. — Lingua, 1960, v. 9, № 1, p. 49, 53, 66.
19. Gonda J. Reflections on the Indo-European medium. II. — Lingua, 1960, v. 9, № 2, p. 175.
20. Gonda J. The medium in the Rgveda. Leiden, 1979, p. 1, 2, 16, 17, 24, 27.
21. Watkins C. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. — In: Indogermanische Grammatik. Bd. 3. Tl. 1. Heidelberg, 1969.
22. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980, с. 347 и сл.
23. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
24. Vendryès J. Une catégorie verbale: le mode de participation du sujet. — BSLP, 1948, t. 44, fasc. 1, p. 3.
25. Перельмутер И. А. Индоевропейские истоки древнегреческого медиа и категория переходности в структуре предложения. — В кн.: Структура и объем предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1981.
26. Перельмутер И. А. Общепиндоевропейский и греческий глагол. Л., 1977, с. 154 и сл.
27. Margulies A. Verbale Stammbildung und Verbaldiathese. — KZ, 1931, Bd. 58, Hf. 1/2, S. 113 и сл.
28. Kuryłowicz J. The inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 56 и сл.
29. Данков В. Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола. М., 1981.
30. Реферовская Е. А. Местоименная форма — форма непереходности. — Уч. зап. ЛГУ, 1957, № 204, сер. филол. наук, вып. 29.
31. Виноградов В. В. Русский язык. М. — Л., 1947, с. 630.
32. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. М., 1971.
33. Bolling G. M. Personal pronouns in reflexive situations in the Iiad. — Language, 1947, v. 23, № 1, p. 23.
34. Десницкая А. В. Из истории развития категории глагольной переходности. — В кн.: Памяти академика Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 142.

35. *Georgiev V. J.* Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien. — Балканско езикознание, 1975, XVIII, 3, S. 42 и сл.
36. *Десницкая А. В.* К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках. — ИАН ОЛЯ, 1947, № 6.
37. *Десницкая А. В.* Значение винительного падежа в языке «Илиады» Гомера. — В кн.: Научная сессия, посвященная 25-летию Института языка и мышления им Н. Я. Марра АН СССР (Московское отделение): Тезисы докладов. М., 1947.
38. *Delbrück B.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Tl. 2. Strassburg, 1897.
39. *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2-te Bearb. Bd. 2. Tl. 3. Lf. 2. Strassburg, 1916, S. 590.
40. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

АКСЕНОВ А. Т.

К ПРОБЛЕМЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА

Дискуссия между представителями различных школ и направлений языкознания по вопросу мотивации грамматической категории рода, начавшаяся после того, как Протогор [1, с. 14] распределил имена существительные древнегреческого языка по трем родам (мужскому, женскому и «роду вещей»), продолжается и по сей день. Между полярными точками зрения Э. Сепира, видевшего в категориях языка «систему пережившей себя догмы» [2, с. 78], и А. М. Пешковского, считавшего, что грамматический род символизирует «реальные половые различия» [3, с. 112], можно расположить многочисленные точки зрения других лингвистов, каждая из которых, хотя и не совпадает полностью с другими, все же примыкает к одному из двух противоборствующих направлений: одно из них в принципе признает экстралингвистическую мотивацию грамматического рода, а другое — в принципе ее отрицает.

Эти различия во взглядах находят выражение в определениях понятия грамматической категории рода. По мнению Г. Свита, «род является выражением половых различий при помощи грамматических форм» [4, с. 52]. Это определение было явно навеяно идеями латинской грамматической школы, один из постулатов которой «Genus est sexus discretio» пользовался большой популярностью в ранних грамматиках английского языка [5, с. 55; 6, с. 82]. О. Есперсен неоднократно указывал на наличие связи между полом и родом: «В природе мы различаем пол, мужской и женский; неодушевленные предметы бесполо. В грамматике мы говорим о родах» [7, с. 188]. Формулируя свою теорию «экстралингвистических» или «понятийных категорий», О. Есперсен демонстрирует ее на примере взаимоотношений понятийной категории «пол» и грамматической категории «род» [8, с. 55—57]. По мнению представителей другого направления, род есть совокупность формальных (условных) классов существительных, используемая для синтаксической связи слов в предложении средствами согласования [9, с. 204; 10, с. 1—2; 11, с. 133].

Мы исходим из того, что род, как и другие грамматические категории, есть некое единство планов содержания и выражения. В связи с этим возникает необходимость сначала рассмотреть вопрос о плане выражения этой категории, ибо от его решения зависит причисление того или другого языка к числу родовых языков, т. е. языков, характеризующихся наличием грамматической категории рода. В современном языкознании достаточно ярко проявляется тенденция к абсолютизации значимости согласования в роде как единственного средства выражения этой категории [12, с. 25]. Эта тенденция проявляется в двух направлениях: 1) сужение понятия «план выражения рода» до рамок согласования в роде и 2) расширение понятия «согласование в роде» путем подключения к нему тех средств выражения рода, которые не имеют никакого отношения к согласованию в роде.

Первое направление нашло выражение во многих определениях понятия «род» [9, с. 204; 10, с. 1—2]. Представители этого направления исходят из того, что род имен существительных выражается в их дифференцированной избирательной способности сочетаться со словоформами родоизменяемых элементов предложения (ср., например, *хорошой дом*, *хорошая дом, *хорошее дом; *хорошая комната*, *хороший комната, *хорошее комната и т. д.). Подобная трактовка рода справедлива, однако,

только для тех языков, в которых родовая классификация существительных выражается исключительно словоформами родоизменяемых элементов предложения. В действительности же это далеко не так. Во многих языках родовая классификация существительных выражается в их избирательной способности сочетаться с любыми элементами предложения, различающимися по роду. К ним могут быть отнесены артикли, местоимения-существительные, местоименные артиклоиды, изафетные показатели, релятивные частицы и другие средства выражения родовых классификаций существительных в различных родовых языках мира, выходящие за рамки понятия «согласование в роде».

Проиллюстрируем это положение на примере английского языка, дискуссия о наличии или отсутствии рода в котором продолжается на протяжении всей истории описания его грамматического строя. Приведенные ниже диагностические контексты четко указывают на то, что существительные современного английского языка обладают ятой дифференцированной способностью сочетаться с различающимися по роду элементами предложения (личными, притяжательными и возвратными местоимениями 3-го лица ед. числа): 1) *Tell the boy that he (*she, *it) must do his (*her, *its) home-work himself (*herself, *itself)* «Скажи мальчику, что он должен сам делать свое домашнее задание»; 2) *Tell the girl that she (*he, *it) must do her (*his, *its) home-work herself (*himself, *itself)* «Скажи девочке, что она сама должна делать свое домашнее задание». В этих предложениях существительные *boy* «мальчик» и *girl* «девочка» дифференцированно относятся к выбору местоимений из общего набора английских местоимений, различающихся по роду: *boy* сочетается в предложении только с местоимениями мужского рода, а *girl* — только с местоимениями женского рода; 3) *Where is your house? It is far from here* «Где ваш дом? Он далеко отсюда» (невозможно: **He is far from here; *She is far from here*); *The war came to its end* «Война подошла к своему концу» (невозможно *The war came to *his end; The war came to *her end*); *The quarrel stopped by itself* «Ссора прекратилась сама собой» (невозможно: *The quarrel stopped by *himself; The quarrel stopped by *herself*).

В этих предложениях имена существительные *house* «дом», *war* «война» и *quarrel* «ссора» проявили способность сочетаться только с местоимениями среднего рода.

Дифференцированная способность к сочетанию с местоимениями, различающимися по роду, опирается на родовую классификацию английских имен существительных, согласно которой существительное *boy* «мальчик» относится к мужскому, существительное *girl* «девочка» — к женскому, а существительные *house* «дом», *war* «война» и *quarrel* «ссора» к среднему родовым классам.

В основе дифференцированной способности русских и английских существительных сочетаться с определенными, различающимися по роду элементами предложения, лежит единая трехродовая классификация. В каждом из этих языков имеется средство для выражения этой единой классификации. Различие заключается лишь в несовпадении этих средств (согласование в роде в русском языке и местоименная соотнесенность в английском). Однако это различие не является существенным: важно то, что оба средства с одинаковой точностью и строгостью выполняют единую грамматическую функцию.

Другим проявлением указанной тенденции является расширительное толкование понятия «согласование в роде». Некоторые лингвисты относят сюда и местоименную соотнесенность, и артикль, и ряд других средств выражения категории рода, не имеющих отношения к согласованию. Авторы «Грамматики современного английского языка» писали: «Личные имена существительные 3-го лица согласуются со своими antecedентами как в числе, так и в роде (в случае местоимений 3-го лица единственного числа *he* „он“, *she* „она“ и *it* „оно“» [13, с. 369]. Отсюда следует, что они исходят из наличия категории рода, выражаемой при помощи местоимений, однако этот способ выражения рода относится ими к согласованию. С этим труд-

но согласиться, поскольку согласование в роде опирается на различия словоформ, а местоименная соотнесенность — на различающиеся по роду слова; местоимения *he* «он», *she* «она» и *it* «оно» — различные местоимения-существительные, а не словоформы одного слова. По мнению М. И. Стеблина-Каменского, «принадлежность существительного к тому или другому роду выражается в норвежском языке в согласуемых с этим существительным артиклях, а также местоимениях и прилагательных...» [14, с. 29] (разрядка наша. — А. А.).

Обратимся к артиклю как средству выражения рода. Различия между родовыми словоформами, например, имен прилагательных, и родоуказательными артиклями очевидны. Особенно ярко эти различия проявляются в тех языках, в которых употребляются постпозитивные «суффижированные» артикли, например, в норвежском языке *boken* есть сочетание существительного *bok* «книга» и артикля *en*, указывающего на принадлежность этого существительного к среднему роду. Объем данной статьи не позволяет остановиться более подробно на описании других средств выражения родовых классификаций имен существительных в различных языках мира. Укажем только, что даже в относительно узких рамках и.-е. языков наблюдаются несколько различающихся по своему характеру средств выражения рода, в том числе такие переходные типы, как местоименные артиклоиды [15, с. 22], являющиеся одним из наиболее последовательных способов выражения родовых классификаций в ряде иранских языков. Отсюда следует вывод, имеющий принципиально важное значение для общей теории грамматического рода: согласование не является универсальным средством выражения рода; род не может быть сведен к согласованию потому, что согласование является лишь частным случаем выражения рода и не может быть единственным признаком, на основании которого можно было бы судить об отсутствии или наличии его в языке. В связи с развитием в и.-е. языках аналитических тенденций согласование в роде в ряде языков отошло как средство выражения рода на второстепенные и третьестепенные позиции, а в некоторых языках оно сохранилось в виде остаточных явлений или исчезло совсем [16, с. 96—97; 17, с. 49—50].

Таким образом, необходимо критически пересмотреть широко распространенные в современном языкознании мнения о роли и месте согласования в системе грамматического рода. Мы не можем принять тезис Ж. Вандриеса, согласно которому индоевропейский род сводится исключительно к согласованию [18, с. 85], не можем мы согласиться и с высказыванием Л. Ельмслева о том, что род служит «простым целям согласования» [11, с. 115], поскольку во многих современных и.-е. родовых языках согласование явно идет на убыль, а в некоторых языках — прекратило свое существование, уступив место другим средствам выражения рода. Более того, множественный характер средств выражения рода, существенно различающихся между собой, ставит перед нами вопрос о необходимости пересмотра и тех определений категории рода, данных в общеторетическом плане, в которых в той или иной форме проявляется тенденция к абсолютизации роли согласования в системе грамматического рода. Поэтому, исследуя проблему экстралингвистической мотивации грамматической категории рода в языках различного строя, мы относили к числу родовых языков не только те языки, в которых родовая классификация имен существительных выражается согласованием в роде, но и те, в которых указанная классификация выражается местоименной соотнесенностью, артиклями, изафетными показателями, релятивными частицами, местоименными артиклоидами и другими средствами, отмеченными авторами описаний различных родовых языков, распространенных в Европе, Азии, Африке, Америке и Австралии.

Различные средства выражения рода объединяются единством их функциональной задачи: они призваны выразить на грамматическом уровне родовую классификацию особых слов, обладающих предметным значением — имен существительных. Если исходить из справедливости данного положения, то естественна постановка двух вопросов: 1) существует

ли какая-либо связь между родовой отнесенностью имен существительных и их предметными значениями?; 2) существует ли какая-либо связь между предметными значениями существительных и некоторыми качественными определенностями предметов объективной действительности? Говорить об экстралингвистической мотивации рода можно только при получении положительных ответов на эти вопросы.

Мы говорим о немотивированности рода русских существительных *дом*, *стена* и *окно* именно потому, что не обнаруживаем никаких связей между их родовой отнесенностью и предметными значениями, с одной стороны, и предметными значениями данных существительных и качественными характеристиками обозначаемых ими предметов, с другой. Однако мы обнаруживаем определенную связь между родовой отнесенностью существительных *мужчина* и *женщина* и их предметным значением, а также связь между последним и определенным качественным различием между лицами мужского и женского пола. В данном случае мы имеем основания говорить о мотивированности рода указанных существительных.

В идеале решение вопроса об экстралингвистической мотивации рода должно основываться на материале всех родových языков мира. Однако, если учесть весьма значительное число родových языков, а также то, что многие родových языки пока еще не изучены в достаточной степени, а некоторые из них вообще не изучены, приходится ограничивать материал исследования.

Известно, что Дж. Гринберг [19, с. 64—72] выявлял полные и неполные универсалии на весьма ограниченном материале 30 специально отобранных языков. Наше исследование опирается на описания 150 языков, распространенных в различных регионах мира.

Исследование проходило в двух направлениях.

1. Поиск языков с немотивированным родом, т. е. таких родových языков, в которых распределение имен существительных всех разрядов, включая и личные имена существительные, было бы основано на чисто грамматическом принципе (подобно нем. *das Mädchen* «девушка», ср. р., *das Weib* «женщина» ср. р., франц. *la sentinelle* «часовой» ж. р. и т. д.). Это имело бы, на наш взгляд, существенное значение для общей теории грамматического рода, т. к. дало бы возможность сопоставлять языки-эталон с нулевой степенью мотивированности родových классификаций с другими языками, в которых родových классификации проявляют различную степень мотивированности. Нас не интересовали отдельные случаи нарушения мотивированности рода, продемонстрированные выше, ибо все указанные слова на фоне многих тысяч личных существительных немецкого и французского языков, род которых мотивирован референтной соотносительностью с полом лиц, представляют собой редчайшие исключения, лишь подчеркивающие закономерность мотивированности рода личных существительных в указанных языках. Тем более, что все эти исключения могут быть объяснены данными истории этих языков.

2. Поиск языков с различной степенью мотивированности родových классификаций. Этот вопрос также представляет значительный интерес для общей теории рода, поскольку в родových языках в основе различия в степени мотивации могут проявляться как интрасистемные, так и экстрасистемные факторы, а иногда и комплексы факторов обоего типа.

Следует сразу же оговориться, что в многочисленных описаниях языков, с которыми нам пришлось иметь дело, обнаружился совершенно разный подход авторов к интересующей нас проблеме: одни авторы четко и определенно высказываются о степени мотивации родových классификаций имен существительных, другие говорят об этом менее определенно, не указывая на имеющиеся исключения. Поэтому предлагаемые ниже результаты нашего исследования не могут считаться окончательными и исчерпывающими. Тем не менее, по ряду основных вопросов, интересовавших нас в данном исследовании, у нас сложилось совершенно определенное мнение. Прежде всего, мы можем сказать, что наши поиски родových языков с немотивированными классификациями имен существительных успеха не принесли: во всех привлеченных к исследованию языках наличие

мотивированности родовых классификаций очевидно, хотя колебания в степени мотивированности весьма значительны. Этот отрицательный результат поиска последовательно немотивированного рода позволяет совершенно по-иному взглянуть на грамматическую категорию рода в общетеоретическом плане: если в оппозиции «мотивированность рода — немотивированность рода» провести разграничительную линию между членами этой оппозиции, то все без исключения родовые языки окажутся слева от этой разграничительной линии. Иными словами, нет языков с немотивированным родом, род во всех языках является в принципе мотивированным, и различия между родовыми языками заключаются в степени мотивированности родовых классификаций имен существительных. Но это лишь различия в степени одного качества.

В работах по общему языкознанию, как правило, категория рода в общетеоретическом плане описывается на материале и.-е. языков, причем вопрос о мотивированности — немотивированности рода рассматривается на основе противопоставления «личность (одушевленность) — неличность (неодушевленность)». Обычно утверждается, что если род личных и части одушевленных существительных (фаунонимов) можно считать мотивированным на основе противопоставления по признаку пола, то род неодушевленных существительных лишен мотивированности. Наше исследование показало, что данное утверждение справедливо не для всех и.-е. языков.

Выше мы коснулись процесса качественных изменений в плане выражения и.-е. рода. Изменения происходят и в плане его содержания. Они выражаются в том, что в ряде и.-е. языков расширяется семантическая база родовых классификаций имен существительных за счет новых семантических противопоставлений, примающих к первичному противопоставлению по признаку пола. Так, в некоторых новых индоарийских языках денотативная значимость категории рода расширилась на основе противопоставления по величине (размеру) однотипных предметов. Это явление на материале языка хинди было описано В. П. Липеровским, который, рассмотрев родовые оппозиции неодушевленных существительных типа *палā* м. р. «ковш» — *палī* ж. р. «ковшик», пришел к выводу о наличии денотативной значимости категории рода по отношению к неодушевленному существительным [20, с. 219]. В структурном отношении эти оппозиции строятся на противопоставлении родовых маркеров *-ā* м.р. — *-ī* ж. р. (ср. *лаṛkā* м. р. «мальчик» — *лаṛkī* ж. р. «девочка»).

Интересно, что в ряде иранских языков также отмечается противопоставление по величине однотипных предметов, выражаемое средствами грамматического рода. Однако, в отличие от хинди, в иранских языках мужской род связан с выражением меньшей величины, а женский род — большей величины предмета [21, с. 98]. Иранисты указывают на некоторые другие семантические противопоставления, расширяющие число родовых значений категории рода: «Актуальность рода в шугнанской группе, — пишет В. С. Соколова — поддерживается развившимся в нем особым грамматическим значением, связанным с выражением общего и отдельного. Женский род выражает отдельное, единичное, в значении же собирательного или общего понятия это слово переходит в мужской род» [22, с. 180] (разрядка наша. — А. А.). В. С. Соколова указывает при этом, что род в шугнанской группе языков не является простым остатком древнеиранского состояния, а представляет собой результат видоизменения на собственной языковой основе. Все эти инновации безусловно свидетельствуют об укреплении и расширении семантических основ родовых классификаций в ряде и.-е. языков, в результате чего в сфере семантических противопоставлений, выражаемых формами грамматического рода, вовлекаются широкие слои неодушевленных существительных.

В группе иранских языков наиболее серьезным качественным изменениям подверглись основы родовой классификации язгулямского языка: «Другой принцип родовой дифференциации выработался в язгулямском языке, в котором мужской род включает существительные, обозначающие

лиц мужского пола и неодушевленные предметы, а женский род — существительные, обозначающие лиц женского пола и животных (вне зависимости от пола). Таким образом, если исключить существительные со значением лица того или иного пола, то оппозиция „мужской род — женский род“ сводится в язгулямском к противопоставлению неодушевленных предметов, с одной стороны, именам, обозначающим животных, — с другой» [16, с. 44]. Иными словами, в язгулямском языке в компактную двухродовую классификацию имен существительных комплексно вписались две оппозиции: «личность (мужск. пол — женск. пол)» и «одушевленность — неодушевленность».

Расширение сферы денотативной значимости категории рода в ряде и.-е. языков не приводит к изменениям в системах родовых классификаций имен существительных; не образуются новые, дополнительные родовые классы (классы больших и малых предметов, единичных предметов и совокупностей предметов, конкретных предметов и абстрактных понятий) с особыми средствами их грамматического выражения. Новые противопоставления в и.-е. языках примыкают к первичному противопоставлению по признаку пола, «вписываясь» в уже имеющуюся структуру грамматической категории рода.

Английский род на более ранних этапах языкового развития характеризовался незначительной степенью мотивации: неодушевленные существительные относились ко всем трем родам, имелись случаи нарушения референтной соотнесенности между родом и полом. Так, существительные *mæzden* «девушка» и *wif* «женщина» относились к среднему роду, а слово *wifman* «женщина» — мужскому. Подобные несоответствия объясняются тем, что род английского существительного в условиях флективно-синтетического строя определялся падежно-родовой парадигмой. Существительное *mæzden* «девушка», например, склонялось по среднему роду в связи с тем, что в его состав входил общегерманский суффикс среднего рода *-en* (ср. нем. *das Mädchen* «девушка», которое до сих пор относится по той же причине к среднему роду).

Переход к авалитическому строю совершил подлинный переворот в распределении имен существительных по родам: английское существительное, освобожденное от парадигматических «пут», получило возможность избирательно относиться к средствам выражения рода, находящимся за пределами его морфологической структуры. Произошла массовая родовая редистрибуция английских имен существительных на основе их значения. Были ликвидированы и несоответствия между полом лиц и родом (в современном состоянии английского языка существительные *maiden*, *woman* и *wife* относятся к женскому роду). Видимо, процесс родовой редистрибуции существительных был аналогичен тому же процессу в язгулямском языке. Различия заключаются только в том, что более узкие рамки двухродовой классификации язгулямских существительных привели к «совмещению» противопоставлений лиц по признаку пола и одушевленности — неодушевленности в границах мужского и женского родов, а трехродовая система английского языка позволила выделить фаунонимы и неодушевленные существительные в отдельный (средний) род. Имена существительные в язгулямском и английском языках лишены морфологических признаков рода — род выражается местоименной соотнесенностью.

Эти факты не являются случайными: в них просматривается определенная закономерность, подтверждающая нашу мысль о том, что при отсутствии морфологического критерия распределения имен существительных по родам вступает в силу с е м а н т и ч е с к и й к р и т е р и й, в результате чего увеличивается степень мотивации родовых классификаций имен существительных.

Воздействие экстралингвистических факторов на грамматическую категорию рода может выражаться не только в расширении числа семантических противопоставлений и в родовой редистрибуции имен существительных, — эти факторы могут вносить изменения и в семантику рода, основанную на одном противопоставлении (например, противопоставление

лиц по признаку пола), внося, в конечно счете, определенные изменения и в план выражения категории рода. Как известно, категория рода в русском языке наиболее последовательно выражается синтаксически и менее последовательно — на морфологическом уровне. У многих личных существительных противопоставление по роду проявляется в бинарных оппозициях, корреляты в которых создаются при помощи словообразовательных аффиксов соответствующего рода: *племянник* — *племянница*; *чиновник* — *чиновница* (т. е. «жена чиновника»); *купец* — *купчиха* («жена купца» и «женщина-купец»); *тракторист* — *трактористка*.

При анализе приведенных выше родовых оппозиций можно убедиться в том, что родовые аффиксы здесь не однозначны. За различиями между родовыми аффиксами кроется не только механика распределения существительных по родам, но и определенное различие между денотатами, причем различие не одноплановое, а многоплановое.

Результатом воздействия экстралингвистических факторов является и асимметрия объемов родовых значений личных имен существительных, которая в литературе обобщенно трактуется как «немаркированность мужского» и «маркированность женского» родов. При обозначении лиц обоего пола по профессиональному признаку и ряду других признаков родовые оппозиции стали подменяться функциональными оппозициями, оба члена которых являются существительными мужского рода:

лицо муж. пола	лицо жен. пола
<i>преподаватель м. р.</i>	<i>преподавательница ж. р.</i>
<i>преподаватель м. р.</i>	<i>преподаватель м. р.</i>

Нарушение принципа соответствия рода многих личных существительных полу обозначаемых ими лиц привело к тому, что имена существительные мужского рода, характеризующие лиц по профессии и общественной занятости, потеряли способность выражать пол денотатов. В одних случаях это представляет определенные удобства, но в тех случаях, когда говорящий хочет подчеркнуть пол лица, — существительное мужского рода неуместно. Необходимость в выражении пола называемых лиц вызвала к жизни новый тип согласования, точнее, новую согласовательную модель, при которой существительные, обладающие явными морфологическими признаками мужского рода, стали сочетаться с формами женского рода глаголов. Это был качественный скачок в системе русской категории рода, значение которого трудно переоценить: асимметрия объемов родовых значений породила тенденцию к превращению самого обширного слоя русских личных имен существительных — названий лиц по профессии и общественной занятости мужского рода — в имена существительные обоего рода.

Мы не можем согласиться с мнением тех лингвистов, которые поспешили отнести русские имена существительные *профессор*, *инженер*, *архитектор* и др. к именам существительным общего рода только на основании этой согласовательной модели [23, с. 203], но сам факт наличия такой тенденции несомненен. Эта тенденция буквально на наших глазах быстро набирает силу, привлекая к новой согласовательной модели не только глаголы, но и другие слова: «Но инспектор милиции, п р и в ы к ш а я вразумлять одну нерадивую мать, одного подростка, н е д о о ц е н и л а обстановку» (Лит. газета, 1981, 17 июня), «Его помощник Н. Горбань, п р о в е р я в ш а я материалы о простоях цистерн, из органов прокуратуры у в о л е н а» (Правда, 1981, 31 сент.); «Главврач б ы л а н е у м о л и м а . О н а сказала, что у н е е инструкция...» (Правда, 1981, 20 сент.) [разрядка наша. — А. А.].

Для экономии места мы не приводим здесь примеров употребления форм имен прилагательных женского рода при существительных в именительном падеже типа *молодая геолог*, *талантливая композитор*, широко распространенных в художественной литературе и в языке прессы, радио, телевидения. Как следует из приведенных выше примеров, в орбиту новой согласовательной модели вовлечены не только глаголы, но и местоимения, все типы причастий (страдательного и действительного залогов, полные и краткие) и имена прилагательные, т. е. все типы слов, при помощи ко-

торых может быть выражен русских имен существительных. Однако тенденция к переходу указанных выше слов к общему роду в настоящее время пока еще окончательно не реализована. На пути к ее окончательной реализации стоит серьезное препятствие — многопадежная система склонения имени, закрепленная в течение многих столетий. Иными словами, мы сможем считать, например, слово *врач* существительным общего рода только тогда, когда в русском языке общепринятыми станут следующие формы согласования: *И. наша врач; *Р. нашей врача; *Д. нашей врачу; *В. нашу врача* и т. д.

Эти формы согласования кажутся нам не только необычными, странными, но и неприемлемыми. Но разве не казались русским людям странными и необычными формы согласования *наш сирота, наш его сироты, нашему сироте, нашего его сироту, наших сиротой, наших сироте* в период перехода некоторых существительных женского рода в общий род?

В принципе и в этом случае действовала одна и та же тенденция — привести род существительного в соответствие с полом лица. Как показывают примеры, эта тенденция в основном уже реализовалась во всех сферах синтаксического выражения рода имен существительных типа *врач, директор* и др., за исключением атрибутивных сочетаний в косвенных падежах. Однако эта тенденция начинает пробивать себе дорогу и в эту сферу: «...реакционная хунта... запретила бы в ш е й главе государства покинуть страну» (Правда, 1980, 17 авг.) «Через два часа после отбытия следователя, и с п о л н и в ш е й свой долг...» (Крокодил, 1980, № 26) [разрядка наша.— А. А.].

Рассматривая проявления новой согласовательной модели, мы абстрагировались от понятия языковой нормы (т. е. от того, какие случаи ее проявления можно уже считать языковой нормой, а какие — нет). И сделали это сознательно, поскольку описываем здесь не норму языка на сегодняшний день, а тенденцию приведения рода существительного в соответствие с полом денотата, в которой отражается воздействие экстралингвистических факторов как на план содержания, так и на план выражения категории рода. Что же касается языковой нормы, то она, как известно, текуча. Ведь какие-нибудь двадцать лет назад во всех грамматиках русского языка употребление форм глагола женского рода при существительных типа *врач* не признавалось нормативным.

Подводя итог рассмотрению вопроса о мотивированности категории рода в и.-е. языках, можно сделать вывод, что сфера семантических противопоставлений категории рода чрезвычайно разнообразна: в одних языках она ограничена рамками личных и, частично, одушевленных существительных, а в других языках ее рамки значительно расширяются за счет вовлечения в нее многих неодушевленных имен существительных на основе новых семантических противопоставлений, примыкающих к первичному противопоставлению по признаку пола; в отдельных случаях можно говорить о почти полной или полной мотивированности рода.

Категория рода в и.-е. языках не является «палеонтологическим отложением отживших языковых идеологий» [24, с. 78] — это постоянно изменяющаяся под воздействием как экстрасистемных, так и интрасистемных факторов грамматическая категория, причем в процесс постоянных изменений вовлечены как план содержания, так и план выражения этой категории.

Коротко остановимся на характеристике мотивированности рода в языках за пределами и.-е. семьи. По свидетельству Ф. Боаса, среди языков американских индейцев «истинно родовые языки» — довольно редкое явление [25, с. 36]. К их числу, в частности, принадлежит язык чинук. Он характеризуется наличием пятичленной родовой классификации: мужской, женский, средний, двойственный и множественный роды. К мужскому и женскому роду относятся названия лиц по признаку пола; своеобразна мотивация родовой дистрибуции фаунонимов: они распределяются между мужским, женским и средним родами на основании различий по размеру (названия крупных животных относятся к мужскому ро-

ду, названия мелких животных — к женскому, а очень мелких — к среднему роду). Значения мужского и женского рода, по мнению Ф. Боаса, осложнились вторичным противопоставлением по увеличительности—уменьшительности (*largeness—smallness*) однотипных неодушевленных предметов (судя по приведенным примерам — это противопоставление аналогично описанному выше на материале новых индоарийских и иранских языков). К двойственному роду относятся существительные, обозначающие предметы, «двойственные по природе» (*naturally dual*). К ним относятся слова, выражающие понятия «очки», «стрела с двойным наконечником», «двухствольное ружье» и т. д. К множественному роду относятся слова, обозначающие предметы, «множественные по природе» (*naturally plural*), типа «песок», «трава», «собственность». Ф. Боас считает, что эта пятичленная родовая классификация сложилась в результате пересечения двух семантических противопоставлений — по полу и числу [25, с. 574].

Необходимо отметить, что в родовых классификациях имен существительных в различных языках находит выражение довольно сложное переплетение двух логических категорий — качества и количества: в противопоставлениях по полу, личности—неличности и одушевленности—неодушевленности мы усматриваем грамматическое выражение логической категории качества, в которой отражаются некоторые качественные определенности предметов окружающей действительности. В то же время в родовых классификациях существительных находят выражение и противопоставления по единичности—множественности, единичности—совокупности, увеличительности—уменьшительности и др., которые можно отнести к логической категории количества [26, с. 301—311]. В и.-е. языках выражение количественных отношений средствами грамматического рода — явление более позднего порядка: оно паложилося на уже сложившуюся родовую классификацию существительных.

Язык чинук относится к языкам с неполной степенью мотивированности рода, однако степень мотивированности здесь достаточно высокая в связи с большим разнообразием родовых значений, вовлекающих в сферу семантических противопоставлений значительное число неодушевленных существительных. В американских северных ирокезских языках существует трехродовая классификация имен существительных, основанная на противопоставлении «личность (муж. пол — жен. пол) — неличность». Отсюда три рода: мужской личный, женский личный и неличный. Сами существительные лишены родовых форм, и род выражается в формах согласования глагола в 3-м лице ед. числа. Для общей теории грамматического рода значительный интерес представляет предложенная У. Чейфом гипотеза о происхождении ирокезского рода. У. Чейф считает, что формирование ирокезского рода произошло под воздействием сменяющих друг друга и видоизменяющихся семантических категорий (количества, личности, которая впоследствии «расщепилась» на семантические категории «мужской пол — женский пол»). Анализируя маркеры согласования в роде, он пришел к выводу, что они первоначально возникли как маркеры согласования в числе, позже реформировались в маркеры выражения противопоставления «личности—неличности» и впоследствии превратились в согласовательные маркеры категории рода. На основании ряда сопоставительных исследований У. Чейф приходит к выводу, что ирокезский род — инновация, сложившаяся совсем недавно [27, с. 496—498]. Гипотеза У. Чейфа сопоставима с гипотезой А. Мейе о происхождении и.-е. рода в результате «расщепления» категории одушевленности («одушевленного рода», по терминологии А. Мейе) [28, с. 205—207].

Системы грамматического рода в африканских языках характеризуются наличием в большинстве случаев компактной (двухродовой или трехродовой) классификации имен существительных, свойственной и.-е. роду. Четырехродовые классификации встречаются реже, еще более редкими являются пятиродовые классификации. Например, в языке занде существует четырехчленная родовая классификация имен существительных: названия лиц распределяются между мужским и женским родами в за-

висимости от пола, названия животных без различия по признаку пола относятся к неличному одушевленному роду, а неодушевленные существительные — к неодушевленному роду. Этим они существенно отличаются от классных языков банту, характеризующихся множественностью именных классов.

Категория рода в ряде африканских языков характеризуется множественностью семантических противопоставлений, выступающих в комплексе с противоположением по признаку пола. Исследователи отмечают, что, например, в группе языков кадугли-кронго (за исключением одного языка — кейга) существует три рода: мужской, женский и средний, связанные с полом, но покрывающие также и различные понятийные категории (notional concepts). К числу этих категорий они относят ряд противопоставлений, основанных на различиях в физических качествах предметов (толщина, длина, прочность предметов и др.). Например, названия толстых предметов относятся к мужскому роду, а названия тонких предметов — к женскому. Названия лиц и животных распределяются по родам по признаку пола.

В языках бари, тесе и маасаи к мужскому роду относятся названия живых существ мужского пола, а также названия больших, толстых предметов, активных агентов действия и инструментов; к женскому роду — названия живых существ женского пола, маленьких, тонких предметов, пассивных реципиентов действия и т. д. [29, с. 146, 304, 466].

Если сопоставить и.-е. род и род в языках Африки в общем плане с точки зрения степени мотивированности родовых классификаций имен существительных, то родовая классификация в последних представляется более мотивированной благодаря множественности родовых значений, вовлекающей в семантическую сферу рода значительные массы неодушевленных существительных.

Компактность родовых классификаций при наличии множественности родовых значений может служить указанием на то, что родовые классификации складывались первоначально на основе первичного противопоставления по полу с последующим присоединением вторичных противопоставлений по различным качественным признакам предметов.

На наш взгляд, появление новых грамматических значений рода в африканских языках является результатом контактов с племенами — носителями классных языков.

Взаимосвязи между классными и родовыми языками проявляются и в некоторых языках Австралии. Иногда исследователи испытывают определенные затруднения при отнесении тех или иных языков к группе родовых или классных языков, поскольку в них могут проявляться характерные особенности как тех, так и других. Например, в одном из языков подобного типа — джингили — различаются три родовых класса: мужской, женский и средний, причем последний включает названия неодушевленных предметов и фитонимы. Поэтому средний родовой класс подразделяется на два подкласса. Следует иметь в виду, что выделение класса «растений» — одна из типичных черт именных классификаций не только классных языков Австралии, но и африканских и американских классных языков. К мужскому и женскому родовым классам соответственно относятся названия лиц и животных в зависимости от пола (названия мелких животных относятся к существительным «общего» рода — они могут употребляться то в мужском, то в женском родах). Это указывает на близость к типичной родовой классификации существительных.

Н. Чадвик относит язык джингили к классным языкам [30, с. 17—19], хотя, по нашему мнению, этот язык ближе к родовым. Дело в том, что последовательным средством выражения классификации имен существительных в джингили является только согласование имен прилагательных, что в принципе не свойственно классному согласованию, охватывающему все элементы предложения [31, с. 136]. Кроме того, в этом языке родовая принадлежность существительных может (как дополнительный признак) выражаться родовыми флексиями, что также не свойственно классным языкам.

Исследователи дравидийских языков указывают на полную мотивированность родовых классификаций дравидийских имен существительных. Характеризуя дравидийский род, М. С. Андронов отмечает, что «он опирается на лексическое значение слова» [32, с. 19].

Особенностью дравидийских имен существительных является отсутствие у них морфологических признаков рода: «Грамматический род имени,— замечает М. С. Андронов,— выражается в согласовании между именами и соответствующими родовыми формами глагола и личных местоимений. Это единственное, что позволяет говорить о наличии здесь этой категории, так как различные типы склонений, а также изменяющиеся по родам прилагательные и другие определители, согласующиеся с определяемым в роде, в дравидийских языках отсутствуют» [33, с. 47].

Факты дравидийских языков еще раз подтверждают высказанную нами выше мысль о том, что при отсутствии морфологического критерия распределения имен существительных по родам в силу вступает семантический критерий, в результате чего увеличивается степень мотивации родовых классификаций имен существительных.

Общие результаты нашего исследования категории рода на основе описаний 150 языков, распространенных в различных регионах мира, можно суммировать следующим образом:

1. Все родовые языки подразделяются на два подмножества: языки с неполной мотивированностью родовых классификаций (различающиеся между собой степенью мотивированности — от незначительной до почти полной) и языки с полной степенью мотивированности. Различие между языками обоих подмножеств не является принципиальным, поскольку в нем выражается различие в степени одного и того же качества.

2. Грамматическая категория рода представляет собой довольно сложное диалектическое единство планов содержания и выражения: она возникает, формируется и видоизменяется под комплексным воздействием экстрасистемных и интрасистемных факторов.

Воздействие экстрасистемных факторов на грамматический род продолжается на протяжении всего периода существования этой категории в том или другом языке; оно проявляется в многочисленных изменениях в семантической сфере рода в результате присоединения к ней новых семантических противопоставлений, выражаемых родовыми формами, а также в родовой редистрибуции имен существительных. С другой стороны, само появление рода как грамматической категории возможно только в том случае, если грамматическая система языка выработает определенную последовательность форм, служащих для его выражения. Эта последовательность форм является неотъемлемой частью грамматической системы языка и подчиняется внутренним законам ее развития. Процесс внутрисистемных изменений может решающим образом влиять на структуру рода (например, переход в ряде и.-е. языков от трехродовой к двухродовой структуре объясняется развитием аналитических тенденций и переходом от флективно-синтетического к аналитическому строю). При полном стирании различий в родовых формах грамматическая категория рода прекращает свое существование.

3. Грамматическая категория рода не может быть «сведена к согласованию» и не служит «исключительно целям согласования» в связи с множественностью средств или способов грамматического выражения рода, существенно различающихся по своему характеру. Во многих родовых языках категория рода вообще не выражается средствами согласования; есть немало языков, в том числе и индоевропейских, в которых согласование в роде играет в настоящее время второстепенную или третьестепенную роль. Эти факты ставят под вопрос актуальность «согласовательной» теории грамматического рода и позволяют по-новому подойти к трактовке сущности этой категории.

4. Несмотря на существенные различия между средствами выражения рода, они объединены единым функциональным признаком — все они служат инструментом выражения родовых классификаций имен существительных на грамматическом уровне.

1. *Robins R. N.* Ancient and mediaeval grammatical theory in Europe. London, 1951.
2. *Сенир Э.* Язык. М., 1934.
3. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1936.
4. *Sweet H.* A new English grammar. London, 1891.
5. *Greenwood J.* An essay towards a practical English grammar. London, 1711.
6. *Buchanan J.* The British grammar. London, 1762.
7. *Jespersen O.* Essentials of English grammar. London, 1954.
8. *Jespersen O.* The philosophy of grammar. London, 1955.
9. *Блумфилд Л.* Язык. М., 1964.
10. *Fodor I.* The origin of grammatical gender. — *Lingua*, 1959, VIII, 1.
11. *Ельмслев Л.* О категориях личности — пеличности и одушевленности — неодушевленности. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
12. *Зализняк А. А.* К вопросу о грамматической категории рода и одушевленности в русском языке. — ВЯ, 1964, № 4.
13. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English. London, 1972.
14. *Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. М.—Л., 1957.
15. *Карамшов Д.* Категория рода в памирских языках: Автореф. дис. на соискание уч.ст. докт.филол.наук. М., 1979.
16. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. М., 1975.
17. *Зограф Г. А.* Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976.
18. *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937.
19. *Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
20. *Липеровский В. П.* О денотативной значимости категории рода имен существительных языка хинди. — В кн.: Проблемы семантики. М., 1974.
21. *Карамшов Д.* Проблемы категории рода в памирских языках. — ВЯ, 1979, № 5.
22. *Соколова В. С.* Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-рушанской группы. М., 1973.
23. *Немировский М. Я.* Способы обозначения пола в языках мира. — В кн.: Памяти академика Н. Я. Марра. М.—Л., 1938.
24. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.—Л., 1972.
25. *A handbook of the American Indian languages.* Т. I—II. New York, 1969.
26. *Панфилов В. З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания М., 1982.
27. *Chafe W. L.* The evolution of third person verb agreement in the Iroquoian languages. — In: Mechanisms of syntactic change. London, 1977.
28. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938.
29. *Tucker A. N., Bryan M. A.* Linguistic analyses. The Non-Bantu languages of North-Eastern Africa. London, 1966.
30. *Chadwick N. A.* A descriptive study of the Djingili language. Canberra, 1975.
31. *Степанов Ю. С.* Основы языкознания. М., 1966.
32. *Андронов М. С.* Язык каннада. М., 1962.
33. *Андронов М. С.* Дравидийские языки. М., 1965.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

КОНЕЦКАЯ В. П.

О СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИКИ

В последнее время все чаще и настойчивее повторяется мысль о том, что наряду с системными свойствами в языке проявляются антисистемные и асистемные тенденции [1, 2], многообразие структур грамматических категорий обосновывается как специфика языковой системности [3]. На объективные причины, затрудняющие исследование системности языковых элементов и их совокупностей, особенно лексических, указывалось и ранее [4; 5, с. 108]. В данной статье (на материале английского языка) рассматриваются некоторые аспекты системной организации лексики на базе содержательных признаков, обусловленных функциями слова как основной единицы языка. Предварительным условием при этом является уточнение существенных признаков системности.

Качественный анализ иерархических связей и многомерных отношений элементов и совокупностей показывает, что главными признаками большинства материальных систем различных классов являются объектность, структура и целостность [6]. В различных подходах к пониманию языковой системы [см. 7, с. 30; 8, 9] в той или иной форме выделяются: 1) множество дискретных и неоднородных элементов, имеющих знаковый характер и субстанциональную природу, 2) структура — сеть многомерных связей элементов и их совокупностей, 3) определенная целостность, предполагающая иерархия структур. Именно целостность как существенный признак языковой системы не без оснований подвергается сомнению многими лингвистами [см. 10, с. 152, 155].

Однако можно полагать, что признаком целостности является не только интегрирующее свойство уровневой иерархии совокупностей языковых элементов, но и взаимодействие в них «активного центра» и «фона» [10]. Соотнесенность центра и периферии является универсальным принципом организации языка [11]. Такая «центрическая», или полевая стратификация системы языка, в отличие от уровневой, позволяет выделить центральные или базовые совокупности языковых единиц, периферийные, а в некоторых случаях и маргинальные. Так, например, в словообразовании английского языка центр составляют базовые словообразовательные совокупности, для которых характерна выраженная производность, представленная в линейных моделях (аффиксация, словосложение). Признаком периферийных совокупностей является невыраженная производность, представленная в нелинейных моделях (конверсия, чередование). Признаком маргинальных совокупностей служит опосредованный или отраженный характер производности, в которой нарушена регулярная корреляция структурных и семантических признаков производного и производящего: доминирует либо формальный признак (*to appoint — to disappoint* «назначать — разочаровывать»), либо содержательный (*contempt — to despise* «презрение — презирать»).

Таким образом, понимание системности лексики определяется решением трех основных вопросов: 1) объективацией слова как языковой единицы, 2) раскрытием содержательной структуры слова на основе его функций как онтологических свойств, обусловленных языковыми и внеязыковыми факторами, 3) установлением оснований для объединения слов и их совокупностей (с учетом уровневых и «центрических» связей) в более сложные единства. Рассмотрим их в последовательности.

Слово выделяется благодаря своей цельноформленности, выражающей и известную семантическую цельность [12]. Оно способно функционировать в номинативной и синтагматической сферах языковой деятельности с модифицированным содержанием. С этой способностью слова выступать в нескольких планах связано уровневое представление его как двусторонней единицы языка [см. 7, с. 407—410; 14, с. 70—74]. Объективация слова как языковой единицы позволяет постулировать наличие трех разноразрядных подсистем лексики, в которых реализуются отношения слов как лексико-грамматических разрядов, лексем и лексико-семантических вариантов (ЛСВ) ¹.

Содержательная структура слова — соотношенность его собственно семантических и коннотативных признаков связана с характером его функций. В качестве основных функций обычно выделяются: номинативная, сигнификативная, прагматическая и коммуникативная [7, с. 403]. Каждая из этих функций обуславливает те или иные содержательные признаки слова, которые проявляются с различной степенью обобщенности на уровне разрядов, лексем и ЛСВ.

Номинативная и сигнификативная функции слова определяют денотативные и сигнификативные признаки его семантики. Эти признаки являются наиболее существенными и носят категориальный характер. Так, например, на их основе на уровне разрядов выделяются категории имен собственных и нарицательных, которые подразделяются на субкатегории [см. 14, с. 105]. На уровне лексем выделяются имена с широким объемом значения, обусловленным широкой понятийной основой, типа *box*, обозначающее ложу, гараж, стойло и т. п., и имена с узким объемом значения типа *druxy* «гнилой внутри (о древесине)» или так называемые денотативы [5, с. 150]. На уровне ЛСВ также выделяются узкие или специализированные значения типа *to paint* «смазывать (лекарством)».

В большинстве случаев денотативно и сигнификативно обусловленные признаки выступают как сопряженные, хотя и с различной степенью доминирования — ср. анализ абстрактных и конкретных имен существительных [14, с. 103—105].

Прагматическая функция слова определяется его связью с участниками коммуникации, конкретными условиями и сферой общения. Благодаря этим многочисленным и неоднородным связям слово обладает разнообразными смысловыми и стилистическими признаками — коннотациями. Эти признаки соотносимы с наиболее существенными характеристиками прагматической функции слова, которые можно рассматривать как ее стратификационный и функционально-стилистический аспекты.

Стратификационный аспект обуславливает коннотации, которые связаны с территориальными или региональными, социально и психологически значимыми особенностями словоупотребления. Коннотативные признаки, как правило, не имеют формального выражения в английском языке и поэтому не выделяются на уровне разрядов. Исключение составляют эмоционально-оценочные наречия типа *awfully* «ужасно», диминутивы типа *girly* «девчужка», *elderling* «старичок, старушка» и междометия, имеющие обычно односложную структуру. На уровне лексем выделяются пейоративы и мелиоративы, коннотация которых имеет двойную обусловленность — социально-психологическую [ср. также и на уровне ЛСВ: *curious (idlers)* «любопытствующие (бездельники)» и *curious (research)* «тщательное (исследование)»]. На основе социально обусловленных признаков выделяются профессионализмы на уровне лексем (*finilist* «финалист») и ЛСВ (*to cup* «ставить банки»). На основе территориально обусловленных признаков выделяются диалектизмы и локализмы на уровне лексем [*to eke* (диал.) «добавлять, прибавлять», (шотл.) *loch* «озеро»] и на уровне ЛСВ [*curious* (диал.) «изящный, тонкий»]. На основе этих признаков вы-

¹ Словоупотребление, которое иногда выделяется как уровневая единица в трехчленной иерархии системы номинаций — лексема, ЛСВ, словоупотребление [13, с. 78], — представляет собой, на наш взгляд, скорее актуализацию регулярных и окказиональных содержательных признаков слова в синтагматике.

деляются лексические варианты типа брит. англ. *tin* и амер. *can* «консервная банка».

Функционально-стилистический аспект прагматической функции обуславливает коннотативные признаки содержания таких слов, как термины, поэтизмы, архаизмы. Эти признаки проявляются главным образом на уровне лексем и ЛСВ.

Смысловые и стилистические признаки, обусловленные прагматической функцией слова, часто перекрещиваются, особенно в таких категориях слов, как неологизмы, историзмы, реалии. Многомерность коннотаций отдельных слов объясняется широкими возможностями различного сочетания типовых процессов регионального и социального варьирования литературного языка, в частности, превращения территориально обусловленных признаков слов в признаки социально обусловленные [см. 16].

Коммуникативная функция слова специфична — она не только актуализирует в синтагматике обусловленные другими функциями структурно-семантические характеристики слова на уровне ЛСВ, но уточняет и даже видоизменяет их через прямые и опосредованные синтактико-семантические связи с другими словами. Такие лексико-семантические характеристики слов, как синонимические, антонимические, паронимические, ассоциативные, имеют также полифункциональную обусловленность и в парадигматике проявляются на уровне лексем и ЛСВ.

Роль рассмотренных выше признаков содержания слова при исследовании системности лексики заключается в том, что они имеют характер лексических категорий и могут служить объективными основаниями для объединения слов в определенные совокупности.

На материале различных языков выделено около сорока таких категорий и исследованы многочисленные совокупности слов, получившие названия подсистем, микросистем, (микро)полей, (суб)категорий, рядов, классов, пластов, множеств, серий, циклов, групп, блоков, гнезд, пучков, цепочек, рядов и др. [см., например, 15, 17, 18]. Номенклатура этих терминов создавалась в рамках различных теорий семасиологии, лексикологии и словообразования и поэтому не отражает соотносительности совокупностей. А между тем для изучения системности лексики необходимо не только выявить основные типы отношений слов в совокупностях, но также установить характер связи и взаимодействия самих совокупностей.

В основе объединения слов в совокупности лежат два принципа: принцип тождества их функционально обусловленных признаков и принцип взаимообусловленности тождества и различия этих признаков. В первом случае признаки одного слова не обусловлены признаками другого слова (например, имена, обозначающие представителей фауны или образцы флоры, объединяются на основе тождества родового признака). Во втором случае такие признаки слов, как синонимические, антонимические, словообразовательные и др., выявляются лишь на основе взаимной обусловленности двух и более слов, которые коррелируют как различительные члены тождества.

На основе этих принципов можно выделить два основных типа связей слов, которые в известной степени соотносимы с двумя типами отношений языковых единиц, рассматриваемых обычно как функциональный и инвариантный [10, с. 159—165], и с двумя типами концептуальных и содержательных связей словозначений, определяемых иногда как классификационный и импликационный [19].

Первый тип связей не является в строгом смысле слова системным и, действительно, носит скорее классификационный характер, систематизируя слова на основе тождества их признаков. Второй тип связей слов носит характер собственно системных отношений. Этот тип связей целесообразно рассматривать как корреляционный, поскольку он предполагает корреляцию слов как различительных членов тождества на разнообразных основаниях и, следовательно, включает в себя и инвариантные, и импликационные отношения слов как частные типы или подтипы. Рассмотрим их в последовательности.

В основе инвариантного и импликационного подтипов лежит единый принцип взаимообусловленности тождества и различия признаков. В инвариантном подтипе тождество обобщающего признака слов, как правило (в центральных совокупностях), выражено языковыми средствами, например: фонематическим тождеством омонимов (*bat — bat*), доминантой в синонимическом ряду типа *work* «работа» (*job, labour, toil, toil, moil, drudgery*), которая выполняет роль семантического идентификатора ряда. В периферийных совокупностях тождество признаков выражено частично, например: в паронимах (*affect — effect* «аффект — эффект»), дублетах (*captain — chieftain* «капитан» — «военачальник»). Различительные признаки, которые и составляют тождество обобщающего признака слов, коррелируют на основе с х о д с т в а содержательных характеристик (в синонимах), формальных (в омонимах), содержательных и формальных (в паронимах, дублетах, однокоренных синонимах типа *joyful — joyous* «радостный»). Различительные признаки коррелятов в инвариантном подтипе отношений имеют весьма слабую, почти нулевую импликацию. Действительно, хотя некоторые основания корреляции синонимов достаточно регулярны (например, степень интенсивности признака), дифференциальные признаки не имплицитуются однозначно ни одним из членов пары, ряда, ни тем более синонимического гнезда.

В импликационном подтипе отношений слов тождество обобщающего признака, как правило (в центральных совокупностях), не выражено языковыми средствами, за исключением однокоренных антонимов типа *kind — unkind* «добрый — недобрый», которые составляют периферийные совокупности в антонимии. Тождество признаков коррелятов в данном подтипе выражено концептуальным идентификатором, выводимым на основе противоположности различительных признаков. Последние обладают «сильной» импликацией, обусловленной такими регулярными видами противоположности антонимов, как контрарная (*young — old* «молодой» — «старый»), комплементарная (*dead — alive* «мертвый» — «живой») и контрадикторная (*kind — unkind*). Меньшая степень импликации характерна для периферийных совокупностей, например, для ассоциативов типа *cat — dog* «кошка» — «собака».

В корреляционном типе отношений слов можно выделить еще один подтип, который занимает как бы промежуточное место между инвариантным и импликационным подтипами, поскольку в нем перекрещиваются признаки первого и второго. Тождество обобщающего признака, как и в инвариантном подтипе, выражено языковыми средствами, в центральных совокупностях — общим корнем слов, составляющих словообразовательные пары, цепочки, гнезда. В маргинальных совокупностях — супплетивах типа *good — well* «хороший» — «хорошо», гетеронимах типа *bonny — osseous* «костлявый» — «костный», *to bone — to ossify* «снимать мясо с кости» — «окостенеть» тождество обобщающего признака, как и в импликационном подтипе, выражено концептом. Различительные признаки коррелятов в этом подтипе отношений соотносятся на базе с м е ж н о с т и и с х о д с т в а. В первом случае эти признаки, как и в импликационном подтипе, имеют достаточно четкую импликацию, например, в словообразовательных парах типа «действие — деятель», «действие — результат». Во втором случае, как и в инвариантном подтипе, корреляты не обладают четкой импликацией, например, в словообразовательных гнездах типа *hono(u)r* «честь»: *honourable, honoured; honorary, honorific* и др. Подобные отношения слов можно рассматривать как инвариантно-импликационные.

Таким образом, выявление в корреляционном типе отношений слов трех подтипов основывается на различной соотнесенности трех существенных характеристик их системных отношений: 1) способа выраженности (объективации) тождества обобщающего признака коррелятов — языковой и концептуальной, 2) основания соотнесенности различительных признаков коррелятов — сходство, противоположность, смежность и сходство (обуславливающие структуру совокупностей различных подтипов), 3) степени импликации коррелятов (как степени целостности совокупностей).

В классификационном типе связей слов можно выделить также три подтипа на основе принципа тождества в соотносительности родовых, обобщающих и видовых, частных содержательных признаков слов. Первый подтип связей устанавливается на основе тождества родового признака слова с более широкой денотативно-сигнификативной основой — гиперонима (Г) и слова с менее широкой денотативно-сигнификативной основой — гипонима (г). Гипергипонимические (Г → г) или типогиперонимические (г → Г) связи характерны для слов, родовый признак которых выражен языковыми средствами. Таким семантическим идентификатором служит гипероним данной совокупности, например, *tree* «дерево», по отношению к которому все слова, обозначающие различные породы деревьев, являются гипонимами. Эти подчинительные связи характерны для лексем и ЛСВ, образующих соответственно лексические группы (ЛГ) и лексико-семантические группы (ЛСГ) — совокупности категориального характера, поскольку в их основе лежат признаки, обусловленные номинативной и сигнификативной функциями слова.

Второй подтип классификационных связей слов устанавливается на основе тождества их обобщающего, родового признака, обусловленного той или иной функцией слова. По этому признаку слова объединяются в совокупности не только категориального, но и стратификационного и функционально-стилистического характера. Идентификатором родового признака является концепт, выраженный в категориальных совокупностях описательно, например: имена одушевленные, образующие класс; имена абстрактные, образующие категорию; глаголы, обозначающие проявление эмоций и образующие ЛГ (без языкового идентификатора); *nomina agentis*, образующие словообразовательный ряд. В стратификационных и функционально-стилистических совокупностях концептуальным идентификатором обобщающего признака служат общепринятые термины, обозначающие соответствующие группы слов: профессионализмы, неологизмы, жаргонизмы, диалектизмы и др. Все слова в этих совокупностях являются гипонимами по отношению к концепту, а по отношению друг к другу — когипонимами. Их связи носят соподчинительный характер и могут быть определены как когипонимические (г ↔ г).

Третий подтип связей характерен для слов, содержательные признаки которых имеют полифункциональную обусловленность (см. выше). Особенность этих связей заключается в том, что они основаны на тождестве двух или более признаков, каждый из которых может выступать то как обобщенный, родовый, то как частный, видовой. Например, можно выделить группу жаргонных пейоративов, в которых обобщающим является социально и стилистически обусловленный признак жаргонизмов, а частным — психологически обусловленный признак пейоративов (Ж → п), или группу пейоративных жаргонизмов (П → ж) типа *prig* «(мелкий) вор». Такие существенные, как (уст.) *bodge* «мера овса» (ср. русск. *пуд*), могут входить в группу историзмов-реалий (И → р) или в группу реалий-историзмов (Р → и). На уровне разрядов такие денотативно и сигнификативно обусловленные признаки имен собственных и нарицательных, как (не)одушевленность, (не)исчисляемость и др., также перекрещиваются как категориальные и субкатегориальные [см. 15, с. 105—106]. Перекрещивающиеся связи слов можно рассматривать как кроссгипонимические.

Такова в самом общем виде схема типовых связей и отношений слов на основе двух главных принципов, организующих лексику на элементарном уровне в совокупности. Эти совокупности обладают всеми тремя свойствами системности: 1) объектностью — наличием однородных лексических единиц определенного уровня, 2) структурой, представленной различными типовыми связями и отношениями этих единиц, 3) определенной целостностью, которая качественно различна в совокупностях классификационного и корреляционного типов. В первом случае гипогиперонимические, когипонимические и кроссгипонимические связи слов образуют совокупности, границы которых подвижны и зависят от того, какой из признаков слов, обусловленный языковыми или внеязыковыми факторами, рассматривается как обобщенный, родовый. Классификационные со-

вокупности, особенно стратификационные и функционально-стилистические, обладают относительной целостностью.

Во втором случае инвариантные, импликационные и инвариантно-импликационные отношения слов образуют совокупности, границы которых определяются основанием корреляции содержательных и формальных признаков слов, обусловленных языковыми факторами, — сходством, противоположностью, смежностью и сходством. Центральные совокупности корреляционного типа, например, группы омонимов, синонимов, антонимов и словообразовательные гнезда, обладают определенной целостностью, большая или меньшая степень которой зависит от степени импликации членов совокупности.

Следует подчеркнуть, что совокупности, особенно корреляционного типа, обладают различной структурой, что объясняется многомерной противопоставленностью различительных признаков слов и нашло отражение в разнообразии используемых терминов.

Итак, на элементной ступени системности лексики все традиционно выделяемые в лексикологии совокупности имеют в своей основе три подтипа классификационных связей слов (гипо-гиперонимические, когипонимические и кроссгипонимические) и три подтипа корреляционных отношений (инвариантные, импликационные и инвариантно-импликационные).

Для анализа связей и взаимодействия совокупностей существенны два параметра — межуровневая соотнесенность совокупностей слов как рядов, лексем и ЛСВ и внутриуровневая или «центрическая», отражающая связи центральных и периферийных совокупностей определенного подтипа.

Можно предполагать, что межуровневые связи совокупностей отражают уровневую стратификацию слова и должны, следовательно, иметь не просто подчинительный характер, а интеграционный. Действительно, между классификационными совокупностями категориального характера такие связи наблюдаются. Например, выделяемый на уровне разрядов класс имен нарицательных (одушевленных, исчисляемых, склоняемых) включает в себя совокупности лексем с широким и узким объемом значения, которые на этом уровне представлены различными лексическими группами типа «родственники», «зоонимы». На уровне ЛСВ каждая ЛГ представлена лексико-семантическими подгруппами, различающимися по типу значения. Например, ЛГ зоонимов типа *dog, cat, monkey* и др. включает: ЛСГ собственно зоонимов, выделяемых на основе тождества признака прямых номинативных значений, — «собака», «кошка», «обезьяна»; ЛСГ, выделяемую на основе тождества психологически и сигнификативно обусловленных признаков эмоционально-экспрессивных значений, — «малый (парень)», «сварливая женщина», «кривляка»; ЛСГ, выделяемую на основе терминологических (специализированных) значений, — «зажим», «кат», «тележка подъемного крана» и другие ЛСГ. Такие связи включения совокупностей слов на различных уровнях можно рассматривать как инклюзивные. Более последовательно эти связи проявляются между совокупностями разрядов и лексем. Между совокупностями лексем и ЛСВ наблюдаются и перекрещивающиеся связи, поскольку отдельные ЛСГ могут входить одновременно в несколько ЛГ, занимая в них либо центральное, либо периферийное положение в зависимости от типа значений. Для совокупностей стратификационного и функционально-стилистического характера инклюзивные связи нетипичны, что объясняется преобладанием кроссгипонимических связей слов в этих совокупностях.

Межуровневые связи совокупностей корреляционного типа носят более сложный характер. Последовательно инклюзивные связи наблюдаются между некоторыми совокупностями разрядов и лексем. Так, разряд синонимичных прилагательных включает совокупности синонимичных лексем, различающихся по своей структуре: градуальные ряды типа *big* «большой» — *huge, immense, enormous* и радиальные гнезда типа *high* «высокий» — *tall; high — lofty; high — towering*. Разряд антонимичных прилагательных включает совокупности антонимичных лексем, различающиеся по основаниям противоположности.

Связи между корреляционными совокупностями лексем и ЛСВ носят часто инклюзивно-экслюзивный характер, т. е. синонимические, антонимические и деривационные отношения лексем реализуются лишь в некоторых ЛСВ; производные значения часто не соотносимы по этим основаниям. С другой стороны, на уровне ЛСВ значения одной лексемы могут соотноситься как антонимы (*to dust* «пылить» и «стирать пыль») или как конверсивы (*to rent* «сдавать внаем» и «брать внаем»).

Характер межуровневых связей совокупностей классификационного и корреляционного типов — инклюзивных, перекрещивающихся и инклюзивно-экслюзивных — свидетельствует о том, что именно совокупности лексем занимают центральное место в структуре лексической системы, осуществляя связь между совокупностями разрядов и ЛСВ. Для того чтобы выяснить, образуют ли совокупности лексем определенную подсистему, необходимо рассмотреть внутриуровневые или «центрические» связи этих совокупностей в пределах каждого подтипа и типа (внутренние связи первой и второй степени) и между двумя типами (внешние связи).

Между классификационными совокупностями определенного подтипа наблюдаются три вида внутренних связей первой степени, основанных на принципе включения (невключения) их основных признаков, а именно: инклюзивные, экслюзивные и инклюзивно-экслюзивные. Первый вид связей устанавливается между ЛГ, включающими лексемы с широкой семантической основой значения типа «живые существа», и ЛГ лексем-демотивов с гиперонимами типа «животные», «птицы». Экслюзивные связи характерны для таких групп лексем, родовые признаки содержания которых несовместимы или исключают друг друга по контрасту, например: ЛГ глаголов движения и ЛГ глаголов говорения; мелиоративы и пейоративы, неологизмы и историзмы, в известной степени — реалии и универсалии; группы предельных и непредельных глаголов, абстрактных и конкретных существительных. Инклюзивно-экслюзивные связи устанавливаются между группами конкретных или абстрактных и конкретно-абстрактных существительных, предельных или непредельных и предельно-непредельных глаголов, между некоторыми ЛГ с гиперонимами типа «болезнь» и «эмоциональное состояние», между группами лексем с полифункциональной обусловленностью содержательных признаков, таких, как историзмы и реалии, архаизмы и поэтизмы, жаргонизмы и пейоративы [см. с. 30].

Внутренние связи второй степени устанавливаются на основе принципа пересечения классификационных совокупностей различного характера: категориальных, стратификационных и функционально-стилистических. В результате перекрещивающихся связей выделяются двухмерные, простые совокупности типа ЛГ локализмов — названий особенностей локального ландшафта (шотл. *loch, firth, brae* и др.) и многомерные, сложные микрогруппы типа ЛГ сленгизмов — имен конкретных, с узким объемом значения, обозначающих представителей молодежной возрастной группы (*kiddo, cat, chick, bird* и др.). Выделение в этих группах категориального признака как основного оправдано не только традицией, но и методологически. Именно категориальный признак обуславливает демотивно-сигнификативное содержание слова; признаки, обусловленные прагматической функцией слова, носят характер коннотаций.

Важность установления связей первой и второй степени в классификационных совокупностях заключается в том, что на основе этих типичных связей могут быть выделены простые и сложные по своей структуре макро- и микрогруппы.

Рассмотрим теперь связи совокупностей корреляционного типа. Связи первой степени между однотипными совокупностями устанавливаются, как и на элементарном уровне, на основе принципа тождества и различия. Между центральными совокупностями инвариантного подтипа устанавливаются связи сильной дисъюнкции — сильным разделительным признаком служит контрастное распределение тождества формы и различия в содержании (омонимы), тождества содержания и различия формы (синонимы). Для периферийных совокупностей и центральных совокупностей ха-

рактерны связи слабой дизъюнкции — отсутствует сильный разделительный признак, ср., например, группы идеографических синонимов типа *joyful* «радостный (выражающий, доставляющий радость)» — *joyous* «радостный (наполненный радостью)», стилистических синонимов типа *beautiful* — *beauteous* (книжн.) «красивый», синонимических вариантов типа *classic* — *classical* «классический» и квазипаронимов типа *historic* «относящийся к истории» — *historical* «имеющий историческое значение». Связи слабой дизъюнкции отмечаются и между группами паронимов и дублетов. В совокупностях импликационного подтипа подобные связи наблюдаются между группами антонимов и конверсивов. Последние отличаются от антонимов только тем, что их различительные признаки носят характер противоположной направленности и поэтому иногда рассматриваются как частный случай антонимии [20]. Такие же связи существуют между антонимами и ассоциативами, различие между которыми заключается лишь в степени и регулярности импликации, ср.: *to stand* «стоять», *to sit* «сидеть», *to lie* «лежать», *to walk* «ходить». В инвариантно-импликационном подтипе совокупностей такие связи наблюдаются между словообразовательными парами и супплетивами, различие между которыми заключается в формальном признаке — тождестве и нетождестве корня, ср. *scorn* — *to scorn* «презрение — презирать» и *contempt* — *to despise* «то же». На основе связей слабой дизъюнкции корреляционные совокупности одного подтипа образуют системные комплексы, в которых осуществляется взаимодействие центральных и периферийных совокупностей.

Связи второй степени между совокупностями различных подтипов устанавливаются на основе принципа тождества и различия и носят характер переименования, сопряженности и сильной дизъюнкции. Переименовываемые связи наблюдаются между словообразовательными антонимами типа *kind* — *unkind*, а также квазипаронимами типа *historic* — *historical* и словообразовательными парами. Сопряженные связи отмечаются между некоторыми группами синонимов и антонимов. Например, члены синонимического ряда *heavy* «тяжелый», *hard* и др. находятся в антонимических отношениях с членами другого синонимического ряда *light* «легкий», *easy* и др. и образуют сложную по структуре совокупность. Связи сильной дизъюнкции характерны для совокупностей омонимов и супплетивов, поскольку их признаки тождества (различия) формы и содержания взаимно исключают друг друга. Этот вид связи является доминирующим для центральных совокупностей — синонимов, антонимов, словообразовательных гнезд.

Выделенные связи первой степени позволяют представить однотипные корреляционные совокупности как системные комплексы, которые обладают «центрической» структурой и для которых характерна определенная целостность, обусловленная однотипностью отношений лексем, например: антонимы и конверсивы, синонимы и квазипаронимы. Связи второй степени позволяют выделить совокупности более сложные по структуре и менее целостные с точки зрения характера корреляционных отношений лексем. Подобные совокупности можно рассматривать как системные блоки, например, синонимическо-антонимические.

Наконец, рассматривая внешние связи совокупностей классификационного и корреляционного типов, можно установить, что в их основе лежит принцип (со)подчиненности. Совокупности классификационного типа могут включать в себя отдельные группы, простые и сложные единства корреляционного типа, например, ЛГ прилагательных, обозначающих признаки размера, эмоций, включают синонимичные и/или антонимичные прилагательные, корневые и/или производные соответствующего содержания. Равным образом макрогруппа синонимичных прилагательных может включать в себя несколько лексических групп прилагательных-синонимов. Такие связи определяются как инклюзивно-эксклюзивные. Между словообразовательными рядами как классификационными совокупностями и словообразовательными гнездами как корреляционными совокупностями наблюдаются аналогичные связи, которые иногда рассматриваются как связи взаимного пересечения [см. 21].

На основе внешних связей лексических совокупностей выделяются более сложные совокупности типа ЛГ непроизводных предельных и непредельных синонимичных глаголов, обозначающих начало и окончание действия. Между инвариантными, импликационными и инвариантно-импликационными совокупностями глаголов, тождественных по своему категориальному признаку «действие», устанавливается сложная сеть инклюзивно-экслюзивных и перекрещивающихся связей. Определенная целостность такой сложной совокупности обеспечивается тождеством категориального признака этих глаголов, который обуславливает их денотативно-сигнификативное содержание. Категориальный признак является обязательным в данной совокупности, в то время как другие признаки могут быть факультативными. Совокупности такого рода можно определить как системные единства. Помимо перечисленных свойств системности эти единства характеризуются динамичностью. Чем большее число функционально-обусловленных признаков лексем реализуется в совокупностях, составляющих такое единство, тем меньше его объем по количественному составу и сложнее его структура. Чем меньше число реализуемых признаков, тем больше объем системного единства по количественному составу и проще его структура.

Таким образом, в системной организации лексики следует различать элементную ступень и ступень совокупностей. На первой ступени выделяются два типа связи — классификационный и корреляционный, позволяющие представить лексику как множество функционально обусловленных совокупностей разрядов, лексем и лексико-семантических вариантов — классов, категорий, рядов, групп и микросистем. На второй ступени межуровневые связи (инклюзивные и инклюзивно-экслюзивные) позволяют представить лексику как непоследовательно иерархическую систему совокупностей различных уровней; «центрические» связи (внутренние, первой и второй степени, и внешние), с преобладанием перекрещивающихся и инклюзивно-экслюзивных, позволяют представить лексику как комплекс совокупностей определенного уровня, различающихся по сложности своего объекта, структуре и целостности. Специфика этих трех существенных признаков системности слов дает основание рассматривать лексическую систему как сложный, иерархически и «центрически» организованный комплекс слов и совокупностей, имеющий двухступенчатую структуру — сеть типовых отношений и связей слов и совокупностей на базе принципов тождества и различия. Целостность как признак системности проявляется более четко в корреляционных совокупностях: в основном в инвариантно-импликационных микросистемах типа словообразовательных гнезд, в меньшей степени в импликационных микросистемах типа антонимов и еще меньше в инвариантных микросистемах типа синонимов.

Иерархическая организация лексики свидетельствует о наличии в лексической системе трех подсистем, различающихся по своему объекту как на элементной ступени, так и на ступени совокупностей. Если между совокупностями лексематической и лексико-грамматической подсистем наблюдаются преимущественно инклюзивные связи, то между совокупностями лексематической и лексико-семантической подсистем связи могут быть инклюзивными и инклюзивно-экслюзивными.

«Центрическая» организация лексики в лексематической подсистеме позволяет выделить простые и сложные совокупности — микросистемы, комплексы, блоки и единства. По-видимому, «центрическая» организация лексико-грамматической и лексико-семантической подсистем имеет свои особенности, что требует дополнительного исследования совокупностей.

Такое представление системности лексики отражает онтологические свойства слова как основной единицы языка, обусловленные его важнейшими функциями. При этом получают свое обоснование явления асистемности в лексике. Они являются результатом полифункциональной обусловленности содержания слова и слабого «давления» лексической системы, которая характеризуется разноуровневыми объектами, двухступенчатой структурой и различной степенью целостности лексических совокупностей.

1. Будагов Р. А. Система и антисистема в науке о языке.— ВЯ, 1978, № 4.
2. Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. М., 1980.
3. Бондарко А. В. О структуре грамматических категорий (отношения оппозиции и неоппозитивные различия).— ВЯ, 1981, № 6.
4. Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка.— ВЯ, 1962, № 4, с. 38.
5. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
6. Кузьмин В. П. Системный подход в современном научном познании.— ВФ, 1980, № 1, с. 56.
7. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
8. Салыев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, с. 25—27, 62—64.
9. Маковский М. М. Теория лексической аттракции. М., 1971, с. 11.
10. Шур Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
11. Свидерский В. И., Зобов Р. А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970, с. 82—83, 120.
12. Жигов В. М., Успенский Б. А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий.— ВЯ, 1973, № 5, с. 25.
13. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема тождества слова).— Тр. Ин-та языкознания АН СССР, 1954, т. IV, с. 4.
14. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.
15. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика его исследования. Л., 1966.
16. Ярцева В. Н. Соотносительность региональных и социальных вариантов языка в плане стиля и нормы.— В кн.: Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977, с. 13—14.
17. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977.
18. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка). М., 1980.
19. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974, с. 53—65.
20. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. М., 1973, с. 198—207.
21. Барченкова М. Д. Типологическое исследование словообразовательных рядов английского глагола (в сопоставлении с русским): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982, с. 5.

БУРТ Э. М.

НАУЧНЫЕ ПОНЯТИЯ КАК СИСТЕМЫ И ИХ ОПИСАНИЕ В ТОЛКОВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

В эпоху НТР неизмеримо возросло значение толковых терминологических словарей. На их составление затрачивается огромный труд квалифицированных специалистов. Но этот труд зачастую оправдывается далеко не полностью, т. к. «анатомированная» в словарях информация об объектах науки и об обобщающих эти объекты понятиях доходит до читателя с количественными и качественными потерями, иногда довольно значительными. Дело в том, что «не решены многие теоретические и практические вопросы упорядочения терминологий и составления терминологических словарей» [1, с. 120].

Конспектируя труд Гегеля «Наука логики», В. И. Ленин отметил на полях: «всякая наука есть прикладная логика» [2, с. 183]. Пока терминологическая лексикография еще не стала прикладной логикой, но она непременно должна стать ею, тем более, что и у нее, и у логики одни и те же объекты — понятия. И решить некоторые нерешенные вопросы терминологической лексикографии можно только путем логического подхода.

В данной статье будет сделана попытка показать, что системой является не только наука¹, но и каждое научное понятие. Каждое понятие (кроме устаревших) представляет собой развивающуюся систему многоступенчатых структурных элементов двух типов: 1) понятий, обобщающих различные аспекты исследуемых объектов и аспекты их познания (такие понятия автор предлагает называть аспектными) и 2) видовых понятий, обобщающих виды объектов и формируемых на базе аспектных понятий. Учет системности каждого понятия при составлении толковых терминологических словарей позволит повысить их качество и, в частности, значительно уменьшить такие отрицательные явления, как неоправданное рассеяние информации о научных понятиях, ее потери и бессистемность.

Научные понятия как системы. В процессе познания исследуемых объектов выявляются их различные аспекты и виды. И если понятия, обобщающие виды объектов, выделены в особый тип со своим собственным наименованием («видовые понятия»), то тип понятий, отражающих аспекты объектов, а также аспекты их познания, до сих пор «не узаконен» и не имеет общепринятого наименования, хотя этими понятиями оперируют с древности. Предлагаемый для обозначения этих понятий термин «аспектные понятия» (АП) образован на базе второго из приведенных в [3, с. 54] значений термина «аспект»: «одна какая-либо сторона данного предмета, явления, одно какое-либо отношение или одна какая-либо форма связи его с другими предметами, явлениями». Термин «аспект» в этом значении шире, чем термины «признак», «характеристика», «свойство», «качество», «параметр», «показатель», «элемент характеристики» и др. Он включает в себя значения этих терминов, вместе взятые.

АП, обобщающие аспекты объекта. Эти АП, как и аспекты, которые они обобщают, исключительно многообразны, но они «укладываются» в определенные категории, в числе которых и категории Аристотеля. Приведем некоторые категории АП на примере понятий, ас-

¹ «Любая наука представляет собой стройную систему понятий, в которой все понятия связаны друг с другом, являются звеньями одной неразрывной цепи» [3, с. 457].

пектных относительно исходного понятия «нефть»²: АП качества (*вязкость нефти*); АП количества (*запасы нефти*); АП части целого (*компоненты нефти*); АП процессов (*образование нефти*) и т. д.

АП, обобщающие аспекты познания объекта. К этому подтипу относятся АП, обобщающие аспекты познавательной и практической деятельности субъекта-исследователя, направленной на объект. В частности, это АП самых разных мысленных и реальных операций над объектами, проводимых для познания этих объектов и использования их результатов в научных и практических целях (*классификация нефтей, добыча нефти*); АП мысленных и вещественных продуктов познавательной деятельности (*теория происхождения нефти, карта месторождений нефти*); АП наук, изучающих данный объект (*геохимия нефти*) и др.

Понятие, обобщающее объект, аспекты которого отражены аспектными понятиями (т. е. понятие, относительно которого данные понятия являются аспектными), автор предлагает называть а с п е к т о р н ы м, а отношения между аспекторным понятием и его АП (отношения принадлежности, присущности и т. д.) — а с п е к т н ы м и о т н о ш е н и я м и. Одно и то же понятие (например, «статья») может быть одновременно аспектным относительно родового понятия и его видовых понятий. В первом случае оно является р о д о а с п е к т н ы м, а во втором — в и д о а с п е к т н ы м. Так, относительно понятия «словарь» как родового понятия «статья словаря» — родоаспектное, а понятие «статья терминологического словаря» — видоаспектное.

Ступени аспектных понятий. Развитие видовых понятий на базе аспектных. Анализ обширного языкового материала позволяет представить процесс развития понятий как систем следующим образом. При своем возникновении понятие как система находится в зачаточном состоянии, т. е. оно включает лишь несколько АП первой ступени (АП-1), обобщающих те характерные отличительные признаки, по которым выделен объект, отображенный в этом понятии. Это — ядро будущей системы. Затем в процессе более глубокого познания объекта возникают новые АП-1 и одновременно на базе ранее и вновь сформированных АП-1 возникают АП второй и следующих ступеней (АП-2, АП-3 и т. д.). После того, как у объекта исследования выявлен какой-либо аспект (например, у объекта «термины» выявлен аспект «значения») или возник какой-либо аспект его познания (например, «дефиниции»), этот аспект первой ступени, обобщаемый АП-1, в свою очередь сам становится объектом исследования и/или (если это аспект познания объекта, например, «дефиниции терминов») объектом совершенствования. Далее в процессе познания этого объекта (например, объекта «термины») у его аспектов первой ступени (например, у аспекта «значения») теперь уже как у объектов исследования в свою очередь возникают или выявляются свои аспекты первой ступени («изучение значений терминов», «условность значений терминов»). Но по отношению к исходному объекту «термины» — это уже аспекты второй ступени. Соответственно и понятия, обобщающие эти аспекты второй ступени, относительно исходного понятия «термины» являются аспектными понятиями второй ступени (АП-2). Аналогично на базе АП-2 формируются АП-3 («методы изучения значений терминов») и т. д. В результате у АП в системе одного и того же исходного понятия могут быть несколько аспекторных понятий — одно ближайшее, а другие — в разной степени удаленные. Так, АП-2 является для АП-3 ближайшим аспекторным понятием, АП-1 для него же — аспекторным понятием второй ступени, а исходное понятие — аспекторным понятием третьей ступени.

На базе АП каждой ступени возникают или могут возникать видовые понятия (ВП) — структурные элементы второго типа. Виды объектов вы-

² Примеры терминов, относящихся к понятию «нефть», взяты из работ выдающегося геолога Н. Б. Вассоевича, уделявшего очень большое внимание вопросам терминологии и внесшего весомый вклад в развитие понятийно-терминологической базы геологии.

являются или (если объект — идеальное или материальное творение человека) задаются по аспектам объектов, ибо видовой признак, видовое отличие, основание деления и т. д. — это не что иное, как аспект, по которому выделяется вид. Так, в энциклопедии «Русский язык» [4, с. 301] в статье «Словарь лингвистический» отмечается: «Поскольку основной объект описания С. л. — слово — единица языка, которая может быть охарактеризована с самых разных сторон (со стороны семантической структуры, стилистической отнесенности, происхождения и т. п.), существуют многообразные типы словарей (...). С. л. бывают одно-, дву- и многоязычными. С точки зрения содержания задач и способов лексикографического описания слов различают толковые словари..., исторические словари...». В той же энциклопедии [4, с. 124] отмечается: «Первые словари носили синкретический характер (типы и виды словарей выделились позднее)». Таким образом, ВП соотносятся со своими родовыми понятиями не непосредственно, а опосредованно, через АП.

Итак, каждое понятие (кроме устаревших) является развивающейся системой со структурными элементами двух типов: 1) АП разных ступеней и 2) ВП разных ступеней, образуемых на базе как отдельных АП, так и на базе нескольких АП одновременно. После того, как в системе исходного понятия появляются АП и ВП, у каждого из них в пределах этой системы начинают развиваться свои собственные системы. Ведь появление АП-2 — это начало развития системы АП-1 (и в то же время продолжение развития системы исходного понятия), появление АП-3 — начало развития системы АП-2 (и в то же время дальнейшее продолжение развития системы АП-1 и исходного понятия) и т. д. И у вновь образующихся систем (систем в системе) тот же путь развития (АП-1 + ВП) → (АП-2 + ВП) → (АП-3 + ВП) и т. д. Таким образом, у понятия, аспектного или видового относительно какого-либо другого понятия, как и у каждого понятия, формируются свои АП и ВП. Чем глубже познан объект, тем больше структурных элементов — АП и ВП входит в состав понятия, обобщенно отражающего этот объект, и тем больше ступеней у АП и ВП. С одной стороны, каждое понятие — система, включающая в качестве структурных элементов свои АП и ВП. С другой стороны, каждое понятие в целом, будучи аспекторным и родовым в своей системе, может входить в качестве структурного элемента в системы других понятий, т. е. может быть относительно них аспектным, и, если оно не представляет собой предельно широкое понятие (катеорию), быть для них видовым. Например, понятие «значения терминов» входит в качестве АП в систему понятия «термины», понятие «термины» входит в качестве АП в понятия «язык науки» и др. и в качестве ВП в понятия «слова», «словосочетания» и др.

Таким образом, каждая наука есть система систем — понятий, непрерывно переходящих друг в друга. «... Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, „искусство оперировать с ними“ (Энгельс) требует всегда изучения *двух* понятий, их связи, их взаимопереходов» [5, с. 226—227].

Формы выражения АП и ВП. В «Логическом словаре-справочнике» [3] в статье «Родовое понятие» отмечается: «Одно и то же понятие может быть за исключением единичных понятий.. и категорий... как видовым, так и родовым одновременно, в зависимости от того, по отношению к какому понятию оно рассматривается». Теперь, после рассмотрения АП, можно дополнить: одно и то же понятие в зависимости от того, по отношению к какому понятию оно рассматривается, может одновременно быть аспекторным, родовым (за исключением единичных понятий), аспектным и, за исключением самых широких понятий — категорий, видовым. Так, например, понятие «термины» является аспекторным относительно понятий «внутренняя форма терминов», «значения терминов», «терминоэлементы» и многих других; родовым относительно понятий «лингвистические термины», «термины-словосочетания» и мн. др.; аспектным относительно понятий «язык науки» и др.; видовым относительно понятий «слова», «словосочетания» и др. Понятие «значения терминов» — аспекторное относи-

тельно понятий «изменения значений терминов», «условность значений терминов» и др. И т. д. и т. п.

Если одно и то же понятие может одновременно быть понятием любого типа, то тип термина не зависит от типа понятия, которое он обозначает, и по типу термина нельзя определить тип понятия. Однако существуют термины, сам «внешний вид» которых говорит о том, что обозначаемое ими понятие является аспектным и/или видовым относительно другого понятия или других понятий данной науки. Это термины-дериваты, образованные на базе наименований объектов данной науки (и понятий об этих объектах). «Базовые», главные терминоэлементы этих словосочетаний в подавляющем большинстве являются наименованиями аспекторных и родовых понятий относительно АП и ВП, обозначаемых этими терминами. В логическом плане очень важен тот факт, что, обозначая АП и ВП, эти термины включают наименования аспекторных и родовых понятий, поэтому далее эти термины будут называться инклюзивными. Следует подчеркнуть, что инклюзивные термины лишь констатируют факт вхождения обозначаемых ими понятий в системы других понятий, однако определять, какое именно (аспектное или видовое) понятие обозначает такой термин, и к какой ступени оно относится, полагаясь только на структуру термина, нельзя. Структура термина может не соответствовать выражаемому им логическим отношениям. Дело в том, что в языке науки непрерывно борются две противоположные тенденции (борьба двух противоположностей). С одной стороны, тенденция к наиболее наглядному, эксплицитному отображению действительности. Результатом этой тенденции являются термины с прозрачной мотивированностью, иногда довольно многословные. С другой стороны, тенденция к краткости, результатом которой являются самым различным образом «конденсированные» термины, т. е. термины с максимально свернутой, уплотненной информацией (эксплицитное отражение всех ступеней АП и ВП потребовало бы огромного количества громоздких многословных словосочетаний).

Рассмотрим наиболее продуктивные типы инклюзивных терминов и типы понятий, которые они эксплицитно обозначают. Для краткости возьмем только термины, состоящие из двух терминоэлементов (понятия, обозначаемые терминами, состоящими их трех и более терминоэлементов, — тема для специальной статьи).

Производные существительные эксплицитно обозначают понятие или только как аспектное или только как видовое. Например, понятия «терминология», «терминирование» являются аспектными относительно понятия «термины»; понятие «субдельта» — видовое относительно понятия «дельта».

Сложные существительные эксплицитно обозначают понятие как одновременно аспектное и видовое. Например, понятие «терминосистема» — это АП относительно понятия «термины» (термины : система) и ВП относительно понятия «система» (двоеточие здесь используется как знак аспектных отношений). Если один из терминоэлементов является второстепенным, т. е. обозначает понятие, не являющееся собственным понятием данной науки, то понятие, обозначаемое сложным существительным, для данной науки является или только аспектным, или только видовым. Например, понятие «терминосистема» для лингвистики только аспектное (его аспекторное понятие «термины» является собственным понятием лингвистики, а родовое понятие «система» таковым не является). Иногда сложные существительные употребляются параллельно словосочетаниям «существительное + существительное» и «относительное прилагательное + существительное». Например, «терминосистема» = «система терминов» = «терминологическая система»; «космоснимок» = «снимок из космоса» = «космический снимок». Об оправданности сосуществования подобных конструкций будет сказано далее.

Конденсированные двухкомпонентные сложные существительные (т. е. сложные существительные, являющиеся результатом конденсации) имеют ту же структуру, но выражают иные логические отношения. Так, понятие «космодешифрирование» (= «космическое дешифрирование») отно-

сительно понятия «космос» является АП не первой, а третьей ступени (космос : корабли : фотоснимки : дешифрирование).

Словосочетания «существительное + существительное» (С + С), как и сложные существительные, эксплицитно обозначают понятие как одновременно аспектное и видовое. И опять-таки, если один из терминоэлементов — второстепенный, то понятие, обозначаемое С + С, для данной науки или только аспектное, или только видовое. Например, понятия «единицы языка», «уровни языка», «функции языка» для лингвистики только аспектные (аспекторный терминологический элемент «язык» обозначает понятие лингвистики), а понятие «словарь синонимов» и «словарь терминов» — и аспектные, и видовые, т. к. здесь и аспектные терминологические («синонимы» и «термины»), и родовый терминологический элемент («словарь») обозначают собственные понятия лингвистики. В русском языке одной из наиболее продуктивных для обозначения АП является конструкция «существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже» (С им. пад. + С род. пад.), где С род. пад. — терминологический элемент аспекторного понятия («система терминов», «словарь терминов»). Реже для обозначения АП употребляются сочетания существительного в именительном падеже с существительным в каком-либо другом косвенном падеже или с существительным с предлогом («операции над понятиями», «требования к терминам» «бурение на нефть»). Примеры конденсированных словосочетаний С + С: «определение термина» вместо «определение значения термина»; «поправка за рельеф» вместо «поправка силы тяжести за рельеф местности». Как уже отмечалось, некоторые термины типа С + С могут употребляться параллельно сложным существительным и словосочетаниям «относительное прилагательное + существительное».

Словосочетания относительное прилагательное + существительное (П_{отн.} + С), как и сложные существительные и словосочетания С + С, эксплицитно обозначают понятие как одновременно аспектное и видовое. Как и в рассмотренных выше случаях, понятие, обозначаемое термином этого типа, в системе понятий данной науки может быть или только аспектным, или только видовым. Так, понятие «терминологический словарь» в системе понятий лингвистики является и аспектным, и видовым (аспекторное понятие «терминология», родовое — «словарь»), а понятия «терминологический банк», «терминологический взрыв», «терминологическая деятельность», «терминологический контроль» и многие другие для лингвистики только аспектные.

Ранее уже отмечалось, что рассматриваемые конструкции иногда употребляются параллельно сложным существительным и словосочетаниям С + С. Замена аспекторного С_{род. пад.} на П_{отн.} и употребление этой формы параллельно другим конструкциям — проявление не избыточности, а гибкости и целесообразности. У каждой из этих форм свои дериватные и информативные возможности и своя сочетаемость, а следовательно, в определенных ситуациях у каждой из этих форм свои преимущества. Поэтому они и имеют полное право на сосуществование. В частности, благодаря выносу вперед аспекторного терминологического элемента в форме П_{отн.} высвобождается место для терминологических АП и ВП следующих ступеней, а сама конструкция становится композиционно болеестройной. Но если, например, нужно указать ВП относительно аспекторного понятия, в этом случае вместо П_{отн.} употребляется С, т. к. П_{отн.} лишь констатирует аспекторное понятие. Например, «космические телевизионные снимки», но «телевизионные снимки из ближнего космоса»; «терминологический словарь», но «словарь терминов по информатике», и т. д. и т. п.

Конструкции П_{отн.} + С, являющиеся результатом конденсации, обозначают иные логические отношения. Например, «космическое дешифрирование», как и «космодешифрирование», — АП не первой, а третьей ступени относительно понятия «космос».

Описание понятий в современных толковых терминологических словарях. К числу недостатков, характерных для многих толковых термино-

логических словарей (ТТС), относятся неоправданное рассеяние, потери и бессистемность информации об объектах (и понятиях) науки, терминология которой представлена в словаре.

Рассеяние информации и ее потери. К ТТС обращаются с тем, чтобы быстро получить информацию о терминах данной науки как языковых знаках (об их значении, происхождении, синонимах и т. д.) и/или информацию об обозначаемых этими терминами объектах (и понятиях об этих объектах). И если всю имеющуюся в словаре информацию об искомом термине читатель найдет в одной статье, заглавием которой является этот термин³, то информацию об обозначаемом этим термином объекте (и понятии об этом объекте) он скорее всего получит в этой статье лишь частично. Остальная же информация (иногда во много раз превышающая информацию, представленную в этой статье) может оказаться рассеянной по целому ряду статей. При отсутствии отсылок к этим рассеянным по словарю статьям об искомом объекте (и понятии о нем) или же при отсутствии правильно составленного указателя к словарю читатель может даже не подозревать о существовании этих статей, и рассеянная в них информация окажется для него потерянной.

В целом рассеяние информации об одном и том же понятии вызвано тем, что «каждое понятие находится в известном отношении, в известной связи со всеми остальными» [2, с. 179]. С одними понятиями эти отношения отдаленные и опосредованные, с другими — самые тесные и непосредственные. Поэтому, с одной стороны, информация о том или ином понятии попадает в статьи о других понятиях, обычно тесно с ним связанных, с другой — в статью о данном понятии попадает информация о других понятиях.

Вопрос о типах рассеяния в ТТС информации об одном и том же понятии требует специального изучения. Предварительно можно выделить два основных типа рассеяния — горизонтальный и вертикальный. Горизонтальное рассеяние состоит, в частности, в попадании информации о том или ином понятии в статьи о понятиях того же уровня, например, в статьи о понятиях равнозначных или почти равнозначных данному, но обозначаемых другими терминами, в статьи о понятиях, перекрещивающихся с данными, собирательных относительно данного и т. д. При вертикальном рассеянии информация о том или ином понятии попадает либо в статьи о его аспекторных или родовых (т. е. вышестоящих) понятиях, либо в статьи о его аспектных или видовых (т. е. нижестоящих) понятиях. Информация об одном и том же понятии рассеивается по словарю главным образом по вертикали, за счет аспекторно-аспектного и родо-видового подтипов вертикального рассеяния⁴. Причина этого рассеяния в том, что одним термином обозначается понятие, которое по сути представляет собой множество понятий — АП и ВП, обобщающих аспекты и виды одного и того же объекта. Так, в состав понятия «термины» входят понятия «автор термина», «значение термина», «терминологический словарь», «терминоэлемент», «интернациональные термины» и мн. др. Но у каждого АП и ВП, как и у каждого аспекта и вида объекта, обобщаемого этими АП и ВП, свои собственные термины. Одни термины АП и ВП по той или иной причине (часто в результате конденсации) не включают наименования соответствующих аспекторных и родовых понятий, другие (и таких достаточно много), хотя и включают, но эти наименования зачастую находятся в термине не на первом месте. Однако к построению заглавий статей нередко подходят формально [6]. В результате многие статьи об одном и том же понятии, заглавия которых включают наименование этого понятия, рассеиваются по всему словарю. Например, в «Логическом словаре-справочнике» [3] рассеяны около 80 статей о понятии. В «Геологическом

³ Читатель может не найти в этой статье информацию о терминах-дериватах, образованных на базе данного термина, но такая информация не входит в задачи ТТС.

⁴ Особое место занимает аспектно-видовой подтип вертикального рассеяния («мотивированность терминов» и «мотивированный термин»; «стандартизация терминов» и «стандартизованные термины» и т. д.). Но этот подтип рассеяния менее «масштабен», чем указанные выше.

словаре» [7] количество рассеянных по словарю статей об АП и ВП некоторых понятий («кристалл», «минерал», «порода», «руда», «угли» и др.) превышает 150 (по каждому из них) ⁵. Подобное рассеяние информации, само по себе неудобное для читателя, нередко приводит к весьма значительным ее потерям.

Степень и характер рассеяния информации об АП и ВП одного и того же исходного понятия зависят от грамматики языка, на котором издан словарь, а также от некоторых других факторов (например, использования инверсии в заглавиях-словосочетаниях). Так, в словарях, издаваемых на русском языке, информация об АП рассеивается, а при отсутствии необходимых отсылок или правильно составленного указателя терется, в частности, 1) когда в терминах, обозначающих АП, данное наименование аспекторного понятия по той или иной причине отсутствует (например, термин «идеография» не включает терминоэлемент «словарь»); 2) когда в терминах, обозначающих АП, аспекторные терминоэлементы находятся не на первом месте «по воле грамматики» (например, в конструкциях С + С), и при использовании этих терминов в качестве заглавий они не инвертируются (если даже на первом месте находится второстепенный терминоэлемент). Это — естественное грамматическое рассеяние. Примеры из «Геологического словаря»: «Вытяжка нефти», «Зона нефтегазоаккумуляции», «Классификация нефтей» ⁶, «Происхождение нефти», «Состав нефти углеводородный» и др.; 3) когда в терминах, обозначающих АП, аспекторные терминоэлементы находятся не на первых местах «по воле составителей словаря», в результате инверсии словосочетаний $P_{отн} + С$. Если инверсия проводится формально-механически, как, например, в «Геологическом словаре», то на первых местах заглавий оказываются не только существительные, обозначающие понятия, родовые в системе понятий данной науки, но и второстепенные существительные. В результате аспекторные терминоэлементы в форме $P_{отн}$ оказываются «погребенными» под этими второстепенными терминоэлементами, не обозначающими понятия данной науки. И это уже не естественное, а искусственное, ничем не оправданное рассеяние информации об АП данной науки. Примеры из «Геологического словаря»: «Зона рудная», «Зоны ландшафтные» ⁷, «Комплекс рудный», «Коэффициент битумоидный», «Критерии фациальные». Конструкции $P_{отн} + С$ иногда инвертируют, считая, что «...термины-словосочетания, как правило, являются выражением видовых понятий...» [8, с. 58]. Однако термины этого типа чаще образуются именно для обозначения АП.

В словарях, издаваемых на русском языке, информация о ВП рассеивается (а при отсутствии необходимых отсылок или правильно составленного указателя и терется): 1) когда в терминах, обозначающих ВП, наименования родовых понятий (родовые терминоэлементы) отсутствуют по той или иной причине (например, термин «тезаурус» обозначает ВП относительно понятия «словарь», не включая наименования этого родового понятия); 2) когда в терминах ВП наименования родовых понятий находятся не на первых местах и в заглавиях, представленных словосочетаниями, они не выносятся вперед, даже если на первых местах — второстепенные терминоэлементы. Например, в «Логическом словаре-справочнике» рассеяны около 40 статей о понятиях, видовых относительно понятия «понятие». Заглавия их включают родовой терминоэлемент «понятие», но начинаются с прилагательных — преимущественно второстепенных терминоэлементов. От основной статьи «Понятие» нет отсылок к 23 статьям: «Безотносительное понятие», «Делимое понятие», «Диспаратное понятие» и др.

⁵ Некоторое представление об этом рассеянии дает прилагаемый к [6] фрагмент указателя к «Геологическому словарю», составленного автором. К сожалению, при наборе часть таблицы была перемещена.

⁶ Слово «зона» как первое существительное в конструкциях С + С встречается в этом словаре в заглавиях около 50 статей; слово «классификация» — в заглавиях 45 статей, не считая заглавий-отсылок.

⁷ Слово «зона» в результате инверсии словосочетаний $P_{отн} + С$ находится на первых местах в заглавиях около 40 статей, не считая заглавий-отсылок.

Таким образом, рассеяние информации об одном и том же понятии, обобщающем один и тот же объект, и ее потери (при отсутствии необходимых отсылок или правильно составленного указателя) в значительной степени вызваны формальным подходом к построению заглавий статей.

Что же касается отсутствия необходимых отсылок к рассеянным по словарю статьям об АП и ВП, входящих в систему одного и того же понятия, то его причина, вероятно, еще и в том, что составители словарей абсолютизируют термин как языковой знак. Они не учитывают, что хотя у АП и ВП свои собственные термины, но эти понятия обобщают аспекты и виды одного и того же объекта.

Бессистемность информации о понятиях. Каждая наука исследует свою область объективной действительности и создает свою «научную картину», отражающую эту область. Для того, чтобы обеспечить читателям возможность быстро отыскивать информацию о терминах данной науки (или данных наук) и об обозначаемых этими терминами объектах и понятиях об этих объектах, в ТТС целостную научную картину разрывают на отдельные фрагменты. Однако располагают эти фрагменты зачастую таким образом, что найти нужную информацию очень сложно или вовсе невозможно, а вместо целостной картины при нечеткости дефиниций и отсутствии необходимых отсылок получается хаос. Даже отыскав нужную информацию, иногда бывает трудно понять, как данное понятие связано с другими. Вот примеры, которые, по мнению автора, иллюстрируют бессистемность информации о понятиях. В «Политехническом словаре» [9] есть статьи об АП и ВП понятия «Память» («Защита памяти», «Распределение памяти», «Ячейка памяти», «Многоступенчатая память»), но статьи «Память» нет. В «Геологическом словаре» [7] в целом ряде случаев статьи о родовых понятиях не предворяют статьи о входящих в их состав ВП разных ступеней, а находятся между ними, причем из дефиниций иногда очень трудно понять, «кто есть кто».

Рассеяние информации об одном и том же понятии в определенной степени способствует и еще одному проявлению бессистемности информации — разнобою в дефинициях понятий, видовых относительно одного и того же понятия. Об этом пишет, например, Н. П. Мостовенко [10, с. 127—128].

Все изложенное позволяет сделать вывод, что традиционная методика составления ТТС и, в частности, методика построения заглавий статей нуждается в пересмотре. В условиях бурного развития наук необходимо не только совершенствовать традиционные типы ТТС, но и искать новые формы, обеспечивающие адекватное описание понятий как систем. Системы следует изучать системно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Перерва В. М.* Отбор терминологической лексики для общих словарей языка. — В кн.: Современная русская лексикография. Л., 1979.
2. *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики». — Полн. собр. соч., т. 29.
3. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. М., 1977.
4. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
5. *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии». — Полн. собр. соч., т. 29.
6. *Бурт Э. М.* Потери информации в толковых терминологических словарях и возможности их устранения. — Изв. АН СССР, серия геологическая, 1982, № 2.
7. Геологический словарь. М., I — 1973, II — 1978.
8. *Лейчик В. М., Смирнов И. П., Сулова И. М.* Терминология информатики (теоретические и практические вопросы). — В кн.: Информатика (Итоги науки и техники). Т. 2. М., 1977.
9. Политехнический словарь. М., 1976.
10. *Мостовенко Н. П.* Дефиниции в советских универсальных энциклопедиях. — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.

УЛУХАНОВ И. С.

УЗУАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Образование новых слов не всегда происходит в рамках узואльно существующих единиц словообразовательной системы; нередко это одновременно и появление новых единиц. Говоря о «пустой клетке» или о «незаполненном месте» в словообразовательной системе, обычно имеют в виду клетку или место, предназначенные для мотивированного слова. Однако «пустая клетка» может соответствовать и более крупным единицам обобщенного характера. Состав этих клеток может быть предсказан (а в ряде случаев исчислен) на основе существующих единиц, их свойств и особенностей организации. В данной статье делается попытка продемонстрировать некоторые неизученные процессы образования и лексического заполнения теоретически возможных клеток словообразовательной системы современного русского литературного языка, соответствующих способам словообразования (I раздел), словообразовательным формантам (II раздел), значениям формантов (III раздел), словообразовательным типам (моделям) (IV раздел).

Мы попытаемся показать, что существует достаточно много единиц более крупных, чем слово, которые, не будучи отражены узואльной лексикой, являются вполне закономерными с точки зрения особенностей организации словообразовательной системы. Они могут быть заполнены и реально заполняются окказиональной лексикой. Окказиональным словом мы считаем всякое создаваемое, а не воспроизводимое слово¹.

I

1. В узואльной лексике русского языка представлены семь так называемых чистых способов словообразования: суффиксация, префиксация, постфиксация, субстантивация, сложение, сращение, усечение по аббревиатурному принципу (*специалист* — *спец*). В смешанных способах эти чистые способы сочетаются по 2, по 3 и даже по 4.

Сочетаясь попарно, эти чистые способы дают 21 математически возможную комбинацию разных способов (это число сочетаний из 7 элементов по 2). Из них в литературе по словообразованию описано 8. Между тем в узואльной лексике представлено 12 способов (большая часть из них представлена и в окказиональной), только в окказиональной лексике — еще 2. Остальные 7 лексически не реализованы. Рассмотрим каждую из этих групп.

Способы, представленные узואльными словами. К их числу относятся прежде всего все те способы, у которых в состав форманта входят только аффиксы: префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный и суффиксально-постфиксальный способы словообразования. Широко распространен и продуктивен во всех частях речи (кроме глагола) суффиксально-сложный способ (*землепроходец*, *разноязычный*, *мимоездом*).

Кроме того, в узואльной лексике представлены следующие способы: 1) сращение + суффиксация; например, *отсебятина*, *немогузнайка*, *потусторонний*, *сногшибательный*, *христарadniчать* и др., окказ. *кабачегоневышлизм* (Е. Евтушенко), *таксебейный* (В. Дмитриев), *честьмун-*

¹ Ср. иную точку зрения на окказиональные слова и модели, изложенную в [1, с. 246, 247, 271; 2, с. 229, 235].

дирный (Лит. газета, 1976, 14 июля), *очертяголовничать* (И. Ефремов) и др.; 2) усечение по аббревиатурному принципу + суффиксация; например, *телевизор* — *телик* (прост.), аналогично: *шизик*, *туник*, *велик*, *мультик*, *субчик*, окказ. *автик* «плохой, неумелый автолюбитель» [3]², нов. прост. *алкаш*, *общага* и др.; 3) префиксация + сложение; к этому способу относятся лишь глаголы *оплодотворить* и *умиротворить*; новообразования и окказионализмов не отмечено; 4) усечение по аббревиатурному принципу + сложение: *спортплощадка*, *стенгазета*, *кожизделия*, *горсовет* и т. п., нов. *абитурсовет* (НРЛ — 79), *дактилоскопека* (НРЛ — 79), *дельтаклуб* (НРЛ — 79); 5) суффиксация + субстантивация: *чай* (ср. *давать на чай*) — *чаевые*, *касаться* — *касательная* (математ.), *падучая*, *парижмазерская*, *прихожая*, *чебуречная*, нов. *лепешечная* (НРЛ — 79) и др.; 6) сложение + субстантивация: *военнообязанный* (ср. прилаг. *обязанный* при отсутствии этого слова в знач. существительного), *ссылно-каторжный*, окказ. *главноговаривающий* (НРЛ — 79) и др.; 7) сращение + субстантивация: *впередсмотрящий*, *вольнопределяющийся*; имена собственные типа *Мойдодыр*, *Гянтимолкай* и др.; ср. окказ. субстантивное употребление фразеологизма: «Когда у нас поселился знаменитый пианист, он смеха ради предложил такому вот „на-все-руки“ настроить рояль» (Ю. Нагибин, Морелон); 8) сращение + постфиксация — только в слове *заблагорассудится*.

Последние четыре из перечисленных способов в литературе по русскому словообразованию, насколько нам известно, не отмечались.

Способы, представленные только окказиональными словами.

1) Субстантивация + префиксация; ср., например, *послеполетные*: «... <старшина> продолжал рассказывать... о случае, который произошел с летчиком, когда он, хлебнув „*послеполетные*“ за всю эскадрилью, отправился с аэродрома в Белосток и спьяна „пустил пузыря“ <т. е. заблудился>» (В. Богомолов, В августе сорок четвертого...).

Окказиональной субстантивации могут подвергаться сочетания существительного с предлогом; при этом сочетание превращается в единое слово, а предлог — в префикс: «Смешной старикашка, — подумала Майя, — откуда-то из *дореволюции*» (И. Грекова, Кафедра); «Давно так не спала, с *двойки*» (Кинофильм «Вызываем огонь на себя»); «В знойное *послеобед*» (Ю. Трифонов, Опрокинутый дом); «Базаром и закисью, /*Сквозь-сном* и весной.../Здесь кофе был пакостный, /Совсем овсяной!» (М. Цветаева, Поэма Конца). Это явление аналогично субстантивации наречий, которая всегда окказиональна и обусловлена контекстом — употреблением в синтаксической позиции существительного; ср.: «Он научился обращаться с пульсирующим, ускользающим „*теперь*“» (Д. Гранин, Эта странная жизнь). Сочетания типа *до революции*, *до войны* узואльно употребляются в тех же позициях, что и наречие (*Он родился давно, до войны*), не сливаясь, однако, в наречие, как это произошло в случаях типа *наверху*, *внизу*. Слияние имеет место лишь в синтаксической позиции существительного, при этом степень спаянности предлога (префикса) с существительным в этой позиции может быть различна. Показателем этой степени может быть слитное или раздельное произношение или написание; ср.: «Прозрение его <героя. — У. И.> авторы оставляют на „*после армии*“» (Комс. пр., 1979, 1 марта); «Оставить баранку на „*после обеда*“» (Устн. речь); «Есть у тебя ближайшая цель на „*послешколь*“» (Комс. пр., 1979, 13 марта).

2) Сращение + сложение. В окказионализмах изредка встречается и такой способ словообразования, в котором объединяются эти два, казалось бы, взаимоисключающих чистых способа; ср.: «Перед отлетом собраться всем вместе на огромной площадке и играть одним мячом в игру под названием „*всевместебол*“» (Комс. пр., 1975, 1 июня).

Комбинации двух чистых способов, не представленные ни узואльными, ни окказиональными словами. Нереализация этих смешанных способов русского словообразования обусловлена двумя причинами.

² Далее примеры, взятые из серии «Новое в русской лексике», помечаются сокращениями НРЛ с указанием года: НРЛ — 77; НРЛ — 78; НРЛ — 79.

а) Большая часть таких способов, по-видимому, имеет теоретическую возможность быть реализованными. Однако лексическая реализация слова смешанного способа у них затрудняется тем, что регулярно реализуются слова тех чистых способов, комбинацией которых является данный смешанный способ. Например, нет слов, образованных одновременно путем сложения и постфиксации, поскольку все глаголы, состоящие из сложной основы и постфикса, образованы с помощью чистых способов, т. е. или с помощью сложения с постфиксальным глаголом (ср. *настраиваться* → → *самонастраиваться*, *открыться* → *полуоткрыться*) или постфиксации сложного глагола (*полуоткрыть* → *полуоткрыться*). Ни одно из этих звеньев словообразовательной цепи не пропускается.

Нет слов, образованных и путем префиксации и сращения. Правда, в 17-томном Словаре современного русского литературного языка впервые в лексикографической практике зафиксирован глагол *почайнить* [«*Почайняем* вот скоронько да в путь» (Б. Полевой, Золото)]. Если структуру данного глагола определять только по данным словарей, то можно было бы его отнести к указанному способу. Однако точнее глагол *почайнить* интерпретировать как префиксальный, поскольку бесприставочное сращение *чайнить*, отсутствующее во всех словарях русского языка, но широко представленное в печати, следует рассматривать как узуальное: «И Шестов вдруг неожиданно сказал: — *Чайнить*. Хорошее слово: „*чайнить*“? „Обедать“ тоже слово вкусное, но „*чайнить*“ лучше» (Ф. Панферов, Во имя молодого); «Когда они сели за стол, чайник уже начинал шуметь на плите, и сразу же после еды они чай пили. Именно „*чайнили*“, а не пили чай. Глагол и существительное объединялись таким образом в одно сложное слово, в некий глагол, который можно даже спрягать: „Я *чайню*“, „Он *чайнет*“... Только в этом случае получалось не „*чайнет*“, а что-то вроде „*чайнит*“» (Г. Семенов, Уличные фонари).

По аналогичным причинам отсутствуют слова таких способов, как субстантивация + постфиксация, а также аббревиатурное усечение в сочетании с субстантивацией, с префиксацией или со сращением.

б) Не имеет теоретической возможности быть реализованной, по-видимому, лишь одна комбинация чистых способов — постфиксация в сочетании в аббревиатурном усечении. Несовместимость формантов этих способов объясняется тем, что постфикс *-ся* образует глаголы, постфиксы *-то*, *-либо*, *-нибудь* выступают в ограниченном числе местоименных слов, результатом же аббревиатурного усечения всегда являются существительные. Эта «пустая клетка» принципиально не заполняема. Видимо, такие умозрительно возможные клетки вообще нельзя считать клетками языковой системы. Вместе с тем выявление взаимоисключающихся в каком-либо отношении единиц языка и причин этого взаимоисключения также представляет определенный интерес.

С увеличением числа комбинаций чистых способов в пределах одного смешанного уменьшается возможность лексической реализации этих смешанных способов. Сочетаясь по три, указанные выше семь чистых способов могут дать 35 различных математически возможных комбинаций (число сочетаний из 7 элементов по 3). Из них 5 реализовано в узуальной лексике и 3 — в окказиональной.

В узуальной лексике реализуются следующие способы: 1) префиксально-суффиксально-постфиксальный способ (*перешучиваться*, *расцедриться*, окказ. *оносорожиться* и мн. др.); 2) префиксация + суффиксация + субстантивация, например, *подзащитный*, *подсудимый*, *подконвойный*, *подноготная*, *набережная*; 3) префиксация + суффиксация + сложение, например, *вполоборота*, *втридорога*; *повсеместный*, *повседневный*; *размокрогодить*; окказ.: «Зем шар сияньем сплошным раззолочен/И небо над шаром раззолотонепело» (В. Маяковский, Пятый Интернационал); «Ране саме себя жгли, а теперь *оскудодушили*. Теперь они других на уголья» (В. Астафьев, Стародуб); «Даже *помокроглазила* втихомолку» (Г. Марков, Тростинка); «<...> от радости, которую так щедро дарила гармонь в те безмузыкальные, вернее, *безмузыкальноинструментальные* времена (В. Солоухин, Двадцать пять на двадцать пять); «<...> тот гор-

ный воздух, который так сладко, *по-раннеапрельски* холодит гортань» (В. Солоухин, Прекрасная Адыгене); 4) суффиксация, сложение и субстантивация; этот способ следует усматривать у существительных адъективного склонения типа *двугривенный* или у специальных терминов типа *китобразные* — в тех случаях, когда в языке отсутствуют соответствующие прилагательные; 5) аббревиатурное усечение + сложение + субстантивация: *беруши* (из *береги уши*) «противошумные вкладыши в ухо».

В окказиональной лексике отмечена реализация следующих смешанных способов словообразования, представляющих собой комбинацию трех чистых способов:

1) Префиксация + сложение + постфиксация: «Тебя покритиковали? Теперь *отсамокритикуйся!*» (Н. Евдокимов); 2) сложение + суффиксация + постфиксация: «Как ты там, моя медведица — /Ковшик в проруби ночной?! Как тебе там *семизвездится!* Рядом с желтой луной?» (О. Тарутин); 3) сращение + сложение + суффиксация: «Бориска — это мой *двухполовиногодовалый сын*» (Смена, 1964, № 21) ³.

Потенциально возможна, видимо, реализация и некоторых других способов словообразования, например, префиксации, суффиксации и сращения; префиксации, суффиксации и аббревиации; аббревиации, сложения и суффиксации и др. В то же время, как уже указывалось, заведомо невозможно объединение в одном способе аббревиатурного усечения и постфиксации.

Слов, образованных смешанными способами, состоящими из комбинаций более чем трех чистых способов, в узуальной лексике не имеется. Отмечен лишь окказионализм, образованный с помощью четырех способов одновременно, — префиксации, сложения, суффиксации и постфиксации: «На одном из поездов видел Союз Ходаковскую: мажется, красится во все цвета радуги и сильно *окошкодохлилась*» (А. П. Чехов, Из письма М. П. Чеховой от 11 мая 1887 г.).

2. семью чистыми способами и их разнообразными комбинациями словообразовательные возможности русского языка не исчерпываются. В исследованиях по окказиональной лексике спорадически отмечались чистые способы словообразования, свойственные только окказионализмам.

Среди окказиональных способов словообразования особое место занимают так называемые обратные способы. Окказиональность является здесь показателем отношения мотивированности [ср. «... перемолоть... всякую неразбериху в *разбериху*» (С. Залыгин, Комиссия)]. Соотношение *разбериха* — *неразбериха* формально и семантически не отличается, например, от соотношения *порядок* — *непорядок*, но отношения мотивации в этих парах разнонаправлены, поскольку *порядок* — узуальное слово, а *разбериха* — окказионализм.

Всякое соотношение мотивирующего и мотивированного может быть прочитано не только слева направо, но и справа налево, т. е. потенциально может быть моделью для обратного словообразовательного процесса. В связи с этим естественно возникает вопрос: каждому ли из семи чистых способов словообразования соответствует обратный способ?

Всем чистым аффиксальным способам словообразования соответствуют «дезаффиксальные»: префиксации — депрефиксация (например, приведенное выше *разбериха*, образованное от *неразбериха*), постфиксации — депостфиксация (*содрогать* «вызывать содрогание, сотрясать», НРЛ — 79 — от *содрогаться*), суффиксации — десуффиксация: *радиовещать* (Л. Мартынов) — от *радиовещание*.

Обратное словообразование имеет место также в парах типа *няня* — окказ. *нянь* («Усатый *нянь*» — название кинофильма), *фифа* — окказ. *фиф* [«Какая-то *фифа*. А с ней молодой *фиф*» (А. Приставкин, Голубка)], *наяда* — окказ. *наяд* [«Папуленька, он же *наяд*. Мужского рода» (Лит. газета, 1969, 11 июня)], *обезьяна* — окказ. *обезьян* [«Я вижу перед собой очень славного *обезьяна*» (В. Комиссаров, Старые долги)]. Интерпретация этих образований зависит от интерпретации «прямых» отношений в

³ Этот способ и пример отмечены в [4].

парах типа *супруг — супруги, раб — раба, кум — кума, барсук — окказ. барсука* [«Я барсучонок, а мама моя — *барсука*» (из детской речи)], где усматривают либо мену парадигм (конверсию, парадигматизацию), либо нулевую аффиксацию. Соответственно в парах типа *няня — окказ. нянь* можно усматривать либо «депарадигматизацию» (обратную конверсию), либо отсечение нулевого суффикса (своеобразную разновидность десуффиксации).

Возможна, надо полагать, и окказиональная десубстантивация, т. е. употребление существительных адъективного склонения в синтаксической позиции прилагательных: «... только вот хлеба маловато, потому что у нее не *рабочая*, а лишь *служаящая карточка*» (А. Ананьев, Версты любви); «...человека с *достоевойской фамилией* Алеша Берестянкиков» (А. Марченко, Время искать себя⁴).

Что касается сложения, сращения и аббревиатурного усечения, то для них обратный словообразовательный процесс невозможен.

Таким образом, из семи чистых узуальных способов четыре имеют окказиональные соответствия среди обратных способов.

Интересно, что в окказиональном словообразовании возможны смешанные способы, образуемые комбинацией прямых и обратных способов словообразования. Это явление довольно широко распространено в сфере окказиональных глаголов, образованных от существительных, имеющих две основы и суффикс, причем вторая из основ — глагольная; например: «Задумается, *посамоугрызается* жить, как жил...» (М. Ганина, Театральная актриса); «А он/вытягивает, /как булавку из ила,/пустяк,/который полегше *зарифмоплеть*» (В. Маяковский, О поэтах); «... надо выискивать таланты и готовить их индивидуально. Не „*общеобразовывать*“, а развивать мысль, сердце, фантазию, воображение» (Огонек, 1977, № 22; НРЛ — 77); «Из-за многолетней инерции, даже при наличии прекрасных мастеровских, ученик, попробовав свои силы и на токарном станке, и на слесарном верстаке, в конце концов снова „*спрофориентируется*“ на вуз» (Лит. газета, 1978, № 14; НРЛ — 78.) Все приведенные окказиональные глаголы образованы посредством десуффиксации (отсечение суффиксов *-ение, -ание, -ация* и нулевого — в слове *рифмоплет*) в сочетании с неокказиональными способами словообразования: *по-* + *само-* + [*угрыз(ение)*] → *угрызаться*]; *за-* + [*рифмоплет(Ø)*] → *рифмоплеть*, *обще* + + [*образова(ние)*] → *образовать*] + *-ывать*, *с-* + [*профориент(ация)*] → → *профориентировать*] + *-ся*. Отмечено также сочетание десубстантивации (сущ. *набережная* → прилаг. *набережный*) и сложения: *правонабережный* «расположенный в районе набережной правого берега реки»: «С большими трудностями исполком городского Совета столкнулся и при застройке *правонабережного* центра Вильнюса» (Изв., 1979, 11 сент.; НРЛ — 79), десубстантивации (сущ. *прилагательное* → прилаг. *прилагательное*) и префиксации: ср. иногда встречающиеся в лингвистических работах прилагательные типа *отприлагательный* (глагол) в значении «образованный от прилагательного».

Наряду с всегда окказиональными обратными способами словообразования существуют и «прямые» окказиональные чистые способы словообразования: междусловное наложение [7]: *камазонки* (*камаз* + *амазонки*) (Л. Белинский), *эрудитяtko* (*эрудит* + *дитяtko*) (И. Фоляков); контаминация слов: *мемуаразм* (*мемуары* + *мазм*) (Лит. газета, 1974, 11 дек.), *бюракростиx* (*бюрократ* + *акростиx*) (Крокодил, 1977, № 11; НРЛ—77).

⁴ В адъективном употреблении фамилий на *-ск(ий)* (которое в отдельных случаях закрепляется узуально; ср. *Дзержинский район*) усматривают совмещение элемента *-ск(ий)* существительного с суффиксом *-ск(ий)* прилагательного (*Достоевский* + *-ский* → → *достоевский*), который обычно сочетается с фамилиями: ср. *Виноградов* → *виноградовский* и т. п. (см. [5]). Однако поскольку в роли прилагательного могут употребляться такие слова адъективного склонения (в том числе и фамилии), у которых нет совмещения морфем (ср. приведенные выше сочетания *рабочая, служащая карточка*; а также *Молошная ... грамматика*, т. е. «грамматика... Молошной» [6]), то целесообразнее, с нашей точки зрения, окказиональное употребление всех существительных (в том числе и на *-ский*) в роли прилагательного рассматривать как окказиональную десубстантивацию.

вставки внутрь слова: *самонелюбница* (И. Лисянская), удаление средней части слова [*алкоголик* — *алик* (А. Вампилов); *туберкулезник* — *тубик* (устн. речь)], замены фонемы с целью установления связи с созвучной морфемой («каламбурный способ словообразования»): *дымократия* [2, с. 237], замена неморфемной части слова на морфемную: *аудиенция* — *удиенция*, *фелетон* — *клеветон* и др. [8, с. 417].

II

1. Выявление всех возможных клеток системы, определение пустых и заполненных клеток возможно не только на уровне таких крупных единиц, как способы словообразования, но и на уровне словообразовательных формантов. Естественно, что чем большим количеством единиц представлен определенный уровень, тем большее число комбинаций они могут образовывать. Исчисление максимально возможного числа таких комбинаций «вручную» нереально.

Поэтому переходя от способов словообразования к конкретным словообразовательным формантам, рассмотрим (причем далеко не полностью) аналогичным образом лишь одну подсистему — подсистему отыменных префиксально-суффиксальных глаголов. Здесь также могут быть выявлены потенциально возможные комбинации и определены степень и причины их реализованности.

Из 29 префиксов русского языка, выступающих в глаголе, в образовании смешанных способов участвует 19 (не участвуют непродуктивные или заимствованные префиксы типа *низ-*, *пре-*, *дис-* и т. п.). Следовательно, потенциально возможно по 19 комбинаций приставки с каждым из суффиксов. Далеко не все эти комбинации реализованы в узуальной лексике, и незаполненные пустые места являются причиной появления новых смешанных формантов. Таков, например, формант *на-* + *-и-* отсубстантивных префиксально-суффиксальных глаголов, ср. новообразования *насургучить*, *набриолинить*, *наватить*, окказионализмы: *нафиксатуарить* (М. Булгаков), *накамфарить* (У. Фолкнер, пер. с англ.), *наулеродить* (В. Емельянов) и др.

Из 19 возможных комбинаций префикса с суффиксом *-е-* в узуальных префиксально-суффиксальных глаголах реализовано лишь 9 (с префиксами *вы-*, *за-*, *из-*, *о-*, *об-*, *по-*, *при-*, *про-* и *у-*; ср. также преф. *обез-*, представленный только в смешанных способах словообразования: *обеспамять*), в окказиональных — еще 4: *на-*: «...на стеклах вагонных *нальдело*» (Н. Асеев, Маяковский начинается); *от-*: «На воздухе он *отживел*, возбудился» (А. Платонов, Епифанские плюзы); *с-*: «Даме одной, дремавшей в идиллии, / в ноздрю *сжаревший* влетел мотылек» (В. Маяковский, 150 миллионов); *раз-*: он сильно *размордел* (устн. речь).

При этом каждый префикс реализует в префиксально-суффиксальных типах лишь часть своих значений. Так, в узуальных префиксально-суффиксальных глаголах с суффиксом *-е-*, судя по материалам «Русской грамматики», реализовано 9 (т. е. по одному у каждого префикса) из 107 значений, свойственных 19 префиксам.

В узуальных префиксально-суффиксальных глаголах (в том числе и в глаголах с суфф. *-е-*) чаще всего реализуется чистовидовое (или результативное) значение префикса, ср. *глянцевый* — *заглянцеветь*, *полоумный* — *ополоуметь* (прост.), *красивый* — *покрасиветь* (прост.), *смирный* — *присмиреть*, *целый* — *уцелеть*, значительно реже — пространственные [*мох* — *замшеть*, *обомшеть*, единичные: *вызвездеть*, окказ. *вытолцеть*: изо всех одежек *вытолцел* (Ю. Грачевский); *просолеть* (прост. и устар.)] и количественные: единичное *издырывает* (прост.). В узуальных префиксально-суффиксальных отыменных глаголах (со всеми суффиксами) совершенно не представлены временные значения префиксов, что вполне поддается объяснению: временная конкретизация действия предполагает непосредственную соотнесенность с этим действием (*запылить* — «начать пылить»), а не с именем, возможную в глаголах с префиксами других значений (ср. *посерьезнеть* — «стать серьезным или серьезнее», *зам-*

шеть — «покрыться мохом»). Поэтому временные значения префиксов реализуются лишь в окказиональных отыменных глаголах, например: «— Смотри, Ванька! — Начинается! — поморщился Иван. — *Заванькал*» (В. Шукшин, *До третьих петухов*); «Анисья начала было отказываться от подарка..., но потом „*заспасибкала*“» (А. Кривоносов, *Гори, гори ясно*). Это также объяснимо: неузואльный начинательный глагол *заванькать* означает начало действия, выраженного неузואльным же потенциально возможным глаголом *ванькать*. Глаголы *заванькать* и *ванькать* могут быть соотнесены как мотивированное и мотивирующее, поскольку они равноправны с точки зрения узואльности / неузואльности. Существование чеузואльного *заванькать* означает возможность существования неузואльного *ванькать*. Существование узואльного глагола с временным префиксом возможно только при существовании соответствующего узואльного же глагола без этого префикса.

Как видим, образование узואльных префиксально-суффиксальных глаголов имеет существенные семантические ограничения. В словообразовательной системе, таким образом, обнаруживаются клетки, которые могут быть заполнены только окказиональной лексикой.

Существуют такие аффиксы (в данном случае глагольные префиксы и суффиксы), которые не могут выступать в составе одного и того же префиксально-суффиксального слова в силу их семантической несовместимости. Так, значение «становления признака» несовместимо с подавляющим большинством пространственных значений, например, со значением «направленности от одного места в другое» у преф. *пере-*, приближенности у префиксов *при-*, *под-*, *до-* и т. п. Редкость и семантическая уникальность приведенных выше глаголов *вызвездеть*, окказ. *вытолицеть* подтверждают трудность (в большинстве случаев невозможность) совмещения локальных значений и значения становления признака.

2. Наряду с новыми или окказиональными смешанными формантами возможно возникновение и новых или окказиональных «чистых» формантов — аффиксов. Это явление почти не изучено применительно к современному языку. Оно также представляет собой реализацию определенных закономерностей системы.

Как известно, существует формально-семантическая (или только семантическая) корреляция между префиксом и предлогом; поэтому существование предлога (видимо, не всякого, но этот вопрос заслуживает специального анализа) при отсутствии соотносительного префикса — это потенциальная возможность появления нового префикса (еще один вид пустой клетки, которая может быть заполнена). Так, недавно возник префикс *около-*, а префиксы *внутри-* и *вне-* возникают на наших глазах: ни представлены главным образом в неологизмах и окказионизмах [9], нов. *внутривенно*, *внутрикожный*, *внутриконтинентальный*, *внутриотраслевой*; *внеатмосферный*, *внегалактический*, *внеконкурсный* и т. п. Видимо, можно говорить уже и о возникновении узואльного префикса *вдоль-*: лексикографически зафиксирован лишь новый сельскохозяйственный термин *вдольрядный*, но возможны окказиональные образования: «*вдольбереговые огоньки*» (К. Вашпенкин), *вдольстенный бордю* и т. п. Некоторые предлоги пока лишь окказионально употребляются в роли префикса: ср.: *околокожевиники*, *возлескорняки* (А. Межиров); «Семен Нариньяни больше интересуется этическими проблемами „*вокругфутбольной*“ среды» (Сов. спорт, 1970, 22 февр.). Предлоги *возле*, *вокруг* по аналогии с синонимичным предлогом *около*, коррелирующим с приставкой, в окказионизмах *возлескорняки*, *вокругфутбольный* употреблены в роли префиксов.

Новые суффиксы появляются иным путем. Основной источник появления новых суффиксов — всякое сочетание рядом стоящих суффиксов. Как уже указывалось в исследованиях, это сочетание превращается в новый узואльный суффикс, как только в узואльной лексике появляются два слова, отличающиеся друг от друга этим сочетанием при отсутствии слова, образованного с помощью первого из суффиксов. Так, сочетание суффиксов *-овани/-* стало единым суффиксом после появления терминов типа

дождевание, дрожжевание, стебление, при которых отсутствуют глаголы, образованные с помощью суффикса *-ова-*. Аналогичным путем, как известно, возникли и некоторые префиксы (*обез-, недо-*).

В окказионализмах возможно и выделение окказиональных суффиксов, не являющихся суммой других суффиксов [*осенебри* (А. Вознесенский)].

III

1. Развитие новых значений у аффиксов также может быть предсказано и объяснено связями и соотношениями, существующими в словообразовательной системе.

Корреляция предлог — префикс способствует появлению не только новых префиксов, но новых значений у существующих префиксов. Если во многих случаях имеет место такая корреляция, то ее отсутствие воспринимается как пустая клетка, которая может заполняться неологизмами или окказионализмами.

Так, у приставки *около-* отсутствует значение приблизительности (ср. *около часа*), свойственное предлогу *около*. Оно появляется у приставки лишь в новом специальном термине *околосвуквой* (о скорости) «близкий к скорости звука».

У приставки *под-* отсутствуют многие из значений предлога *под*, в частности, значение «предназначенности» (*помещение под силос*), «временной близости» (*под вечер, под утро*) и «состояния, положения» (*под сомнением, под угрозой*). Первое из них приставка приобрела в неологизме *подсилосный* «предназначенный для хранения силоса», второе — в окказиональном существительном *подвечер*: «Ему казалось, что они приземлятся в дотлевающем *подвечере*» (Ю. Нагибин, Сентиментальное путешествие), третье — в окказиональном прилагательном *подсомненный*: «Труд гениев порою их самих / пугает результатом *подсомненным*» / (Е. Евтушенко, Братская ГЭС). Ср. также отражение значений предлога *за* в иронических неологизмах *заушный* (*заушное образование*; ср. *за уши*), *заавторство* (ср. *работать за кого-л.*), в окказионализме *задолларовый обыватель* (Б. Пильняк; ср. *купить за доллары*).

2. Развитие нового значения у морфемы может происходить по аналогии с другой морфемой — в том случае, если между этими морфемами имеет место какая-либо семантическая связь. Так, приставки *под-* и *над-* антонимичны в пространственном значении (ср. *подзаголовок — надзаголовок*). Кроме того, у префикса *под-* имеется (наряду с прочими) значение «более низкая ступень какой-либо классификации, системы»: *подвид, подсемья языков* и т. д. Соответствующее антонимичное значение у приставки *над-* отсутствует. Эта пустующая клетка также может окказионально заполняться, ср. окказ. *надсемья* (языков): «К ностратической макросистеме („*надсемье*“) принадлежат ... несколько языковых семей и „внесемейных“ языков, объединяемых в понятие „алтайские“» (Знание — сила, 1975, № 6).

Обе рассмотренные причины появления новых значений (аналогия с предлогами и с другими морфемами) могут действовать одновременно, ср. окказионализм *поистория* в значении «история, следовавшая после другой истории»: «Очень коротенькая история — с очень долгой *доисторией*. И *поисторией*» (М. Цветаева, Повесть о Сонечке). Приставка *по-* имеет в этом слове значение «следования после чего-л. во времени», отсутствующее у нее в узуальных словах. Оно появилось и как антоним к приставке *до-* (ср. приведенный контекст), и как коррелят к соответствующему значению предлога *по* (ср. *по окончании, по уходе* и т. п.).

3. Источником развития новых значений аффиксов является регулярная полисемия в системах общих или контекстных значений многих из аффиксов. Полисемия аффиксов и особенно степень ее регулярности относятся к числу неизученных проблем. Между тем, предварительное рассмотрение материала позволяет утверждать наличие довольно регулярных семантических отношений в системе значений разных аффиксов. Так, пространственное значение приближения регулярно связано со значе-

нием небольшой интенсивности и дополнительности (ср. сходные системы значений у приставок *при-* и *под-*: *прийти* и *подойти*, *припухнуть* и *подпухнуть*, *прикупить* и *подкупить* в знач. «купить дополнительно» и т. п.).

Своего рода принудительная семантическая связь существует между значениями лица и неодушевленного предмета — регулярными контекстными реализациями общего инвариантного значения «субстанция, имеющая отношение к тому, что названо мотивирующим словом», выражаемого с помощью суффиксов *-тель*, *-ник*, *-арь*, *-ак* и т. п. Наличие одного из этих значений предполагает, как правило, потенциальную возможность появления другого. Исключение составляют, видимо, только экспрессивные аффиксы типа *-ага*, *-уха*, у которых развитие значения предметности маловероятно в силу их экспрессивности.

Так, узуальные существительные с преф. *под-* и суффиксом *-ник* означают неодушевленный предмет, а многие новообразования и окказионализмы с тем же формантом (*под-* + *-ник-*) имеют значение лица: ср. нов. *подбашмачник*, *подкаблучник* «тот, кто находится под башмаком (каблуком) у женщины», окказ. *подпотолочник* — «сидящий под потолком в зрительном зале» (НРЛ — 78), *подзаборник* (А. Н. Островский).

IV

1. Возникновение потенциально возможных способов, формантов и их значений — это одновременно и возникновение новых словообразовательных типов. Однако возможно возникновение новых типов в пределах уже реализованных способов с помощью существующих формантов. Это происходит в тех случаях, когда формант расширяет свою частеречную сочетаемость и/или начинает употребляться в словах тех частей речи, в которых он ранее не был представлен⁵. Например, так называемые градуальные значения (значения меры и степени) совместимы со значениями предметности, признака и действия. Поэтому есть префиксы градуального значения, сочетающиеся с существительными, прилагательными и глаголами (*раскрасавица*, *распрекрасный*, *разобидеть*), но есть синонимичные префиксы, представленные в узуальной лексике лишь в сочетании с некоторыми из этих частей речи. Возможность сочетаемости с другими частями речи реализуется лишь окказионально, ср. узуальные *сверхприбыль*, *сверхметкий*, но окказ. *сверхнагель*: «И родители лезут из кожи вон, гонятся за сверхдостатком..., а отпрыск, видя это, *сверхнаглет*» (И. Месхи, Рука хулигана); ср. *архисоврать* у Ф. М. Достоевского и др.

В отдельных случаях расширению частеречных сочетаемостных особенностей префиксов может способствовать их устойчивое употребление в составе форм, отражающих неустойчивость границ между некоторыми частями речи. Так, формы страдательного причастия (с суф. *-онн/-нн-*) префиксальных глаголов с преф. *пере-* часто употребляются для выражения повторности и интенсивности действия непосредственно после таких же мотивирующих глаголов: «Он прыгал на эти два метра в старой-престарой, *латанной-перелатанной* шиповке» (Юность, 1969, № 5). Передко в аналогичных конструкциях выступают отглагольные образования с суффиксом *-он/-н-*, свойственным прилагательным, а не причастиям: «На парне кургузый пиджачишко, штопаный-перештопаный, латаный-перелатанный» (А. Рекемчук, Товарищ Ганс). Возможны и написания с *-н-* в приставочном прилагательном и с *-нн-*, в следующем за ним префиксальном причастии: «...в неизменно рваной, замасленной шубейке и *штопанных-перештопанных* штанах» (Ю. Нагибин, Погоня). Неустойчивость орфографии свидетельствует о неустойчивости границы между причастиями и прилагательными в данных конструкциях, а эта неустойчивость

⁵ Слова, объединяющиеся в один словообразовательный тип, характеризуются не только формальной и семантической общностью форманта, но и общностью части речи мотивирующих и мотивированных слов [10, с. 135].

способствует проникновению префикса *пере-* из сферы глагола в сферу прилагательных, результатом чего и являются образования с данным префиксом от неотглагольных прилагательных, употребленных как в конструкциях, аналогичных описанным выше, так и вне таких конструкций: «...заграница“ ...с... известными и переизвестными красотами природы» (В. Буренин, Роман в Кисловодске); «Она с Алексеем Алексеевичем познакомилась... с Камневым. Народным-перенародным и двадцать раз лауреатом» (В. Розов, Традиционный сбор); «Втемышила себе, что рассчитается за семь классов — и на стройку. Мол, всенародная, перенародная!» (В. Фоменко, Память земли).

2. Невозможно объяснить с синхронной точки зрения отсутствие некоторых префиксов у ряда частей речи. Так, у существительных отсутствуют некоторые префиксы пространственных значений, имеющиеся у прилагательных (*вне-, внутри-, среди-, транс-, через-*, ср. *внешкольный* и т. п.). Между тем существительные с другими локальными префиксами находятся в регулярных формально-семантических связях с прилагательными, включающими эти префиксы (ср. *заречный* — *заречье* и т. п.). Это говорит о том, что отсутствие у существительных локальных префиксов *вне-, внутри-* и др. следует рассматривать как нереализованную возможность, которая может быть реализована. Так, лишь в специальных стилях отмечены *внеплодник* «наружный очень тонкий слой околоплодника в плодах растений» и *внутриплодник* «внутренняя часть околоплодника в плодах растений».

Подводя итоги, отметим, что возникновение новых обобщенных единиц словообразовательной системы — типов, способов, аффиксов осуществляется по аналогии с существующими отношениями. Это реализация возможностей, заложенных в системе. Закономерные новые или окказиональные единицы следует отграничивать от незакономерных. Так, окказионализм А. Вознесенского *тюрьмы-тюрьма* (*В душе — тюрьмы-тюрьма*) относится к числу незакономерных с точки зрения словообразования не столько потому, что перед нами необычное для языка соединение основы существительного с суффиксом *-ым* [1, с. 273], выступающего лишь в сочетании с прилагательными (ср. *черным-черно*), сколько потому, что не существует образца для такого расширения: ни один из суффиксов суффиксальных наречий не сочетается одновременно и с прилагательным, и с существительным. Для окказиональных слов типа *тюрьмы-тюрьма* не заготовлено места (клетки) в словообразовательной системе.

Факторы, определяющие наличие такого места, многообразны и различны для каждой из единиц словообразования, рассмотренных в данной статье. Дальнейшее изучение выявит, надо полагать, новые «клеткообразующие» факторы словообразовательного характера, а также взаимодействие словообразовательных факторов с лексическими и стилистическими факторами, способствующими или препятствующими тому, что допускает словообразовательная система [11, с. 61, 62].

Выявление заполненных и незаполненных мест системы, соответствующих ее крупным единицам, некоторые из которых поддаются исчислению, имеет значение не только для описания словообразовательных закономерностей современного языка, но и для сравнительно-типологического и исторического словообразования. Для обозримого числа единиц можно построить универсальную схему единиц и их комбинаций и с помощью такого единого эталона сравнивать словообразовательные системы разных языков.

Одни и те же словообразовательные закономерности в разных языках могут быть по-разному лексически реализованы. Окказиональное в одном языке может быть узуальным в другом. Так, приведенному выше окказионализму *подвечер* с окказиональным значением приставки *под-* в чешском соответствует узуальное *podvečer*, ср. также польск. обл. *podwieczierz* в выражении *na podwieczierz* «под вечер». Окказиональные для русского языка субстантивированные соединения предлога временного значения и существительного типа *дореволюции* (*из дореволюции*), *дovойны* (*с довойны*) в значении «дореволюционное, довоенное время», узуальны

для немецкого и английского языков, ср. нем. *Vormittag* «предобеденное время», англ. *afternoon* «вторая половина дня» и мн. др.

Что же касается исторического словообразования, то оно может быть построено как описание постепенного возникновения и заполнения пустующих мест в словообразовательной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ханпира Э. И. Оказиональные элементы в современной речи.— В кн.: Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М., 1972.
2. Современный русский язык. М., 1981.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 78. М., 1981.
4. Торопцев И. С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980, с. 114.
5. Лопатин В. В. Маяковская сатира. Достоевский репертуар.— Русская речь, 1972, № 4.
6. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 52.
7. Янко-Триницкая Н. А. Междусловное наложение.— В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членность слова. М., 1975.
8. Янко-Триницкая Н. А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования.— В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ташкент, 1975.
9. Новые слова и значения. М., 1971.
10. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
11. Степанова М. Д. Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей.— ВЯ, 1975, № 4.

ШИРЯЕВ Е. Н.

ОСНОВЫ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ БЕССОЮЗНЫХ
СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

П о с т а н о в к а в о п р о с а. Общим местом работ о бессоюзном сложном предложении является утверждение о том, что бессоюзный тип сложного предложения представлен главным образом в разговорной речи¹. Тем не менее концепции бессоюзного сложного предложения строились на материале, который представляет собой или прямую имитацию разговорной речи в художественной литературе — речь персонажей, или на таких материалах, которые явным образом используют разговорные компоненты для стилистических целей придания непринужденности, живости изложению — авторское повествование в художественной литературе, особенно сказовое повествование, публицистический функциональный стиль и пр. Собственно разговорные материалы не использовались. Широко развившиеся за последние годы исследования по разговорной речи не оставляют сомнения в том, что собственно разговорная речь и ее отражение в языке художественной литературы и некоторых функциональных стилей далеко не адекватны [2—4]. Именно этим, по-видимому, во многом объясняется то, что до сих пор актуальным является создание полной и непротиворечивой концепции бессоюзного сложного предложения². Широкое привлечение к исследованию разговорного материала дает, как кажется, возможность наметить те основы, которые могут быть положены в системное описание бессоюзного сложного предложения.

О б щ и е и с х о д н ы е п о л о ж е н и я. Прежде чем обратиться к проблемам системного описания бессоюзного сложного предложения, сформулируем некоторые общие исходные положения относительно разговорной речи вообще. Разговорной речью (далее РР) будем считать особую сферу литературного языка, которая противопоставлена кодифицированному литературному языку (далее КЛЯ) на основе следующих экстралингвистических признаков: (1) РР спонтанна, неподготовлена — КЛЯ подготовлен, тексты на нем заранее обдумываются; (2) РР реализуется в условиях неофициального общения — КЛЯ рассчитан на официальное общение; (3) РР предполагает непосредственное участие говорящих в коммуникативном акте — КЛЯ рассчитан и на опосредованное общение³.

Своеобразие РР по сравнению с КЛЯ настолько велико, что породило гипотезу о РР как особой языковой системе [5, с. 22—24; 6]. И хотя не все исследователи разделяют эту гипотезу (см., например, [7]), никто не отрицает большого языкового своеобразия РР.

Гипотеза о РР и КЛЯ как особых системах не только не исключает возможности взаимодействия этих двух систем, но и прямо постулирует, что такое взаимодействие неизбежно хотя бы уже потому, что РР и КЛЯ постоянно пользуются одни и те же носители литературного языка. Об этом вполне определенно было сказано уже на самых первых этапах разработки гипотезы о РР как особой системе [5, с. 22—24]. И если это взаи-

¹ «Бессоюзный способ соединения предложений ограничен преимущественно рамками разговорной речи», — пишет И. Н. Кручинина в «Русской грамматике» [1].

² Н. Ю. Шведова на одном из обсуждений в Институте русского языка АН СССР тогда еще только подготавливаемой к изданию «Русской грамматике» говорила в ответ на упрек в некоторой непоследовательности решения вопроса о бессоюзном сложном предложении о том, что в современной лингвистике нет концепции бессоюзного сложного предложения, на которую можно было бы надежно опереться в его описании.

³ Это определение РР положено в основу исследований группы по изучению РР в Институте русского языка АН СССР — см. [5, с. 9].

действие не получило пока в рамках названной гипотезы должного освещения, то объясняется это только тем, что на первых этапах изучения РР было целесообразно исследовать «чистый» объект, чтобы лучше понять его суть. Теперь же на очереди изучение взаимодействия РР и КЛЯ. Ясно, что взаимодействие это весьма разнообразно по своему характеру. При изучении бессоюзного сложного предложения кажется важным принять во внимание следующее.

Условия функционирования РР часто во многом определяют ее системные особенности. Условия функционирования РР таковы, что явно «протезируют» развитию в РР системы бессоюзного сложного предложения. Условия функционирования КЛЯ, напротив, не способствуют употреблению бессоюзных сложных предложений. Поэтому можно думать, что КЛЯ просто не имеет своей системы бессоюзного сложного предложения. Бессоюзные сложные предложения КЛЯ — это, за редким исключением, так сказать, пересаженная на почву КЛЯ система бессоюзных сложных предложений РР. Необходимость в такой пересадке возникает, как уже было сказано, тогда, когда есть потребность в отражении РР в КЛЯ. Такая пересадка — именно в силу того, что условия РР не способствуют употреблению бессоюзных сложных предложений — не есть механическое перенесение всей системы бессоюзных сложных предложений РР в КЛЯ. На почве КЛЯ система РР с неизбежностью предстает неярко, непоследовательно и часто в измененном виде. Абсолютная копия РР в КЛЯ просто невозможна. А поэтому только на материале КЛЯ и невозможно с достаточной ясностью вывить систему бессоюзного сложного предложения. Материал КЛЯ при выявлении системы бессоюзного сложного предложения может использоваться только как вспомогательный при основном разговорном материале. Использование материала КЛЯ в деле построения системы бессоюзного сложного предложения требует известной осторожности, поскольку бессоюзные сложные предложения в КЛЯ могут по сравнению с РР предстать в измененном виде, они могут подгоняться под общие мерки системы КЛЯ. Уяснение таких изменений, несомненно, очень важная задача, но ее можно решить только тогда, когда будут поняты общие закономерности системы бессоюзного сложного предложения и описана система бессоюзного сложного предложения в РР.

Синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения. Чтобы дать описание бессоюзного сложного предложения, необходимо ответить на вопрос о том, что представляет собой бессоюзное сложное предложение как синтаксическая единица. Исходим из того, что какое-либо языковое образование является грамматической, в том числе и синтаксической, единицей тогда, когда это образование имеет свою грамматическую, в том числе и синтаксическую, форму. Грамматическая форма — это единство грамматического средства и того грамматического значения, которое выражается этим средством.

Синтаксическая форма сложного предложения вообще — это те смысловые отношения, которые складываются между частями сложного предложения — предикативными конструкциями, и те средства, которые эти отношения выражают. Определение синтаксической формы союзного сложного предложения затруднений не вызывает. Синтаксическое значение в союзном типе определяется в первую очередь такими синтаксическими средствами, как союзы и союзные слова.

Далеко не столь очевидно, что представляют собой синтаксические средства и создаваемые ими синтаксические значения в бессоюзном сложном предложении. История изучения русского бессоюзного сложного предложения есть, в сущности, не что иное, как поиск синтаксической формы бессоюзного сложного предложения. А. М. Пешковский рассматривал форму бессоюзного сложного предложения как некоторую модификацию формы союзного сложного предложения. Он полагал, что те значения, которые в союзном типе передаются союзами и союзными словами, в бессоюзном сложном предложении передаются соответствующими интонационными типами. Интонация заменяет союзы и союзные слова [8, с. 470—472], в чем проявляется, по мнению А. М. Пешковского, действие

общего компенсационного принципа, согласно которому интонация может возмещать отсутствие грамматических средств [8, с. 48—50; 9, с. 19—20].

Н. С. Поспелов предложил такую концепцию бессоюзного сложного предложения, согласно которой бессоюзное сложное предложение рассматривается как некоторая автономная система, не сводимая к системе союзного сложного предложения и не выводимая из нее. Подобно А. М. Пешковскому, Н. С. Поспелов считает, что интонация может выражать и дифференцировать смысловые отношения между предикативными конструкциями в бессоюзном типе, но в отличие от А. М. Пешковского Н. С. Поспелов полагает, что эти смысловые отношения не равны союзным, а представляют собой особую систему [10]⁴. Если А. М. Пешковский различает среди бессоюзных, как и среди союзных сложных предложений, сложносочиненные и сложноподчиненные и характеризует смысловые отношения между предикативными конструкциями союзного и бессоюзного типов в одних и тех же терминах, то Н. С. Поспелов характеризует смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении не в тех терминах, которые обозначают смысловые отношения в союзном типе, — выделяются, например, неизвестные в союзном типе отношения действия и результата и т. п. Справедливо полагая, что сочинение и подчинение — это такая форма связи, средством выражения которой могут быть только союзы и союзные слова⁵, но не интонация, Н. С. Поспелов отказывается от деления бессоюзных сложных предложений на сочиненные/подчиненные и предлагает объединять смысловые типы в группы, противопоставленные на логической основе. Различаются бессоюзные сложные предложения однородного (*Ты богат, я очень беден*) и неоднородного состава (*Не хочешь — не ходи*).

Интонационно-синтаксические исследования последних лет показали, что вопреки мнению как А. М. Пешковского, так и Н. С. Поспелова интонация не может выражать смысловые отношения между предикативными конструкциями так, как это делают союзы и союзные слова. М. Кубик доказывает это тем, что одна и та же интонация, определяемая им на слух, свойственна бессоюзным сложным предложениям с явно разными смысловыми отношениями между предикативными конструкциями: одинаково, по мнению М. Кубика, интонируются, например, бессоюзные сложные предложения с противительными отношениями (*Вы уйдете — мы остаемся*) и условными (*Банка лопнет — масло разольется*) [13]. Т. М. Николаева, поставившая себе цель экспериментально, на материале бессоюзного сложного предложения, проверить компенсационный принцип А. М. Пешковского, обнаружила, что интонация в бессоюзном сложном предложении отличается по сравнению с интонацией в союзных предложениях большей яркостью, свойства же выражать смысловые отношения между предикативными конструкциями эта интонация не имеет [9, с. 236—237].

Смысловые отношения между предикативными конструкциями в синтаксических образованиях, называемых бессоюзными сложными предложениями, создаются не интонацией, а действием того, что можно вслед за Л. П. Якубинским назвать общей апперцепционной базой говорящих [14]. В основе общей апперцепционной базы лежит освященный повседневной практикой обыденный опыт говорящих: всякому известно, что туча предвещает дождь, и это знание реальных связей действительности предопределяет именно следственные отношения в бессоюзном сложном предложении *К городу приближается огромная черная туча — скоро начнется дождь*. Ср. еще: *Надо зонт взять: дождь будет*, где именно знание того, что зонт — защита от дождя, предопределяет причинные отношения. Можно сказать, следовательно, что смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении выявляются на основе конкретного содержания соединяемых предикативных конструкций, создаваемого лексико-сман-

⁴ В последние годы взгляды Н. С. Поспелова получили интересное развитие у С. И. Дорошенко [11].

⁵ Вопросу о сочинении/подчинении в сложном предложении посвящена наша статья [12].

атической структурой этих предикативных конструкций: между предикативными конструкциями устанавливаются те смысловые отношения, которые естественным образом вытекают из содержания соединяемых предикативных конструкций. Если из содержания предикативных конструкций смысловые отношения не вытекают с достаточной легкостью и очевидностью, то их объединение в одно бессоюзное синтаксическое целое просто не может состояться. Показательны в этом отношении сложные предложения с временными отношениями. Во временную связь могут быть поставлены самые разные, никак, кроме как по времени осуществления, не связанные между собой события, ср.: *Я написал статью, когда ремонтировали наш дом*. Выразить такие временные отношения можно только с помощью союза, потому что из содержания предикативных конструкций временные отношения с достаточной для бессоюзного выражения очевидностью не вытекают.

Признание того факта, что интонация в бессоюзных сложных предложениях не выражает смысловых отношений между предикативными конструкциями, имело для теории бессоюзного сложного предложения далеко идущие последствия. И. Н. Кручинина вообще отказалась признать за бессоюзными сложными предложениями статус синтаксической единицы. Логика такого вывода безупречна: если в бессоюзных сложных предложениях нет никаких грамматических (синтаксических) средств, участвующих в выражении смысловых отношений, то, следовательно, бессоюзное сложное предложение не имеет синтаксической формы и не является поэтому синтаксической единицей, а то, что называют бессоюзным сложным предложением — это обычная последовательность предложений в тексте [15] ⁶.

Полагаем, однако, что интонация при соединении предикативных конструкций в одно целое имеет весьма важные синтаксические функции. Их можно обнаружить следующим образом. На вопрос *Почему ты не пойдешь на лыжную прогулку?* можно ответить союзным сложным предложением — *Я не пойду на лыжную прогулку, потому что на улице холодно* или бессоюзным — *Я не пойду на лыжную прогулку: на улице холодно*. Интонация первой предикативной конструкции в этом случае должна быть обязательно незавершенной. Ответ двумя интонационно завершенными предикативными конструкциями, т. е. двумя предложениями, в данном случае невозможен: *Почему ты не пойдешь на лыжную прогулку? — *Я не пойду на лыжную прогулку. На улице холодно*. Надо заметить, что более естественным ответом было бы вообще простое предложение *На улице холодно*, но это несколько не меняет сути дела, поскольку и ответ в виде приведенного сложного предложения грамматически вполне нормативен. Это наблюдение показывает, что интонационная незавершенность последней предикативной конструкции имеет синтаксическое значение. Синтаксическая функция интонационной незавершенности последней предикативной конструкции при соединении ее с другой предикативной конструкцией заключается в а к т и в и з а ц и и тех смысловых отношений между соединяемыми предикативными конструкциями, которые устанавливаются на основе лексико-семантического содержания этих предикативных конструкций. При интонационной незавершенности последней предикативной конструкции смысловые отношения между ней и последующей предикативной конструкцией не могут быть не замечены. И так как вопрос *Почему ты не пойдешь на лыжную прогулку?* ясно показывает, что ради выражения причинных отношений и задумана вся коммуникация, ответ на этот вопрос требует интонационной незавершенности последней предикативной конструкции. При интонационной завершенности обеих конструкций вытекающие из их содержания смысловые отношения могут быть замечены, а могут быть и не замечены, и поэтому ответ на вопрос, требующий

⁶ В «Русской грамматике» [1] вместо традиционной главы о бессоюзных сложных предложениях И. Н. Кручинина дает главу «Бессоюзное соединение предложений». Интересно, что объект описания в этой главе — те же традиционные бессоюзные сложные предложения.

обязательно выразить причинные отношения, в виде двух предложений невозможен.

Из этого наблюдения, как кажется, можно сделать «спасительный» для бессоюзного сложного предложения вывод: бессоюзное сложное предложение как особая синтаксическая единица существует, поскольку имеет собственную синтаксическую форму. Синтаксическое значение этой формы — активизация смысловых отношений, выводимых на основе общей апперцепционной базы говорящих из содержания предикативных конструкций, синтаксическое средство — интонационная незавершенность последней предикативной конструкции⁷. Если воспользоваться системой интонационных конструкций (далее ИК) Е. А. Брызгуновой, то, по-видимому, следует признать, что предикативные конструкции с интонационной незавершенностью чаще всего будут представлять собой ИК-3, суть которой в том, что в предцентровой части колебания тона сосредоточены в средней полосе ее диапазона; гласный центра произносится с восходящим движением тона выше уровня предцентровой части; в конце гласного тон ровный или нисходящий; постцентровая часть произносится на уровне тона ниже предцентровой [17, с. 109]. Предикативные конструкции с интонационной завершенностью представляют ИК-1 и характеризуются следующим образом: в предцентровой части колебания тона имеют восходяще-нисходящее направление или сосредоточены в средней полосе ее диапазона; гласный центра произносится с нисходящим движением тона ниже уровня предцентровой части; постцентровая часть произносится ниже уровня предцентровой части [17, с. 109]. Как справедливо замечает М. В. Панов, «...интонационный *minimum* в русском языке составляют ИК-1 и ИК-3. Он отвечает старому правилу, известному, например, всякому артисту: смысл не кончен — голос вверх, смысл кончен — голос вниз. Действительно, и вопросительное предложение, и отрезок речи до запятой (это все ИК-3) требуют продолжения или ответа, „смысл не кончен“. Точка (=ИК-1) знак того, что передача какой-то доли смысла закончена» [18].

Кроме интонационной незавершенности последней предикативной конструкции смысловые отношения между предикативными конструкциями в бессоюзном сложном предложении могут быть активизированы: (а) той валентностью опорного слова первой предикативной конструкции, которая удовлетворяется второй предикативной конструкцией — *Он говорил / хорошо она учится в общем // (говорил что?)*; (б) наличием синсемантических слов типа *так, такой*, с которыми непосредственно связана пояснительными отношениями одна из предикативных конструкций — *Она такая / все время чего-то пишет //*. Эти показатели активизации смысловых отношений сильны сами по себе, и поэтому интонационная незавершенность последней предикативной конструкции при них не является обязательной. Так, при синсемантических словах интонационная завершенность обеих предикативных конструкций — обычное явление.

Таким образом, синтаксические формы союзного и бессоюзного типов сложного предложения принципиально различны: союзы и союзные слова сами по себе, независимо от содержания соединяемых предикативных конструкций, устанавливают между ними соответствующие смысловые отношения, интонационное средство смысловых связей не устанавливает, оно только активизирует связи, заложенные в содержании соединяемых предикативных конструкций. Следовательно, синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения находится в тесном и необходимом взаимодействии с лексико-семантическим содержанием предикативных конструкций. И поэтому в описании бессоюзного сложного предложения семантический компонент приобретает особо важную роль.

Семантическая структура бессоюзных сложных предложений. Для понимания семантического компонента бессоюзного сложного предложения кажется нужным выделить два ас-

⁷ Далее в разговорных примерах интонационная незавершенность предикативной конструкции будет помечаться знаком /, а интонационная завершенность знаком //, как это принято в [16].

пекта: (1) типология смысловых отношений между предикативными конструкциями с их противопоставлением на дифференцированные и недифференцированные; (2) характер смысловой структуры с противопоставлением прямых и опосредованных смысловых отношений.

Типология смысловых отношений между предикативными конструкциями в бессоюзном сложном предложении может быть осуществлена на основе некоторого заданного метаязыка описания, состоящего из набора элементарных терминов, в которых и только в которых должны характеризоваться смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях. Для того, чтобы решить спорный вопрос о том, как соотносятся между собой виды смысловых отношений в союзном и бессоюзном сложных предложениях, необходима единая для этих двух типов система терминов. Термины, выбранные для характеристики смысловых отношений в сложном предложении, будем считать элементарными, неразложимыми на более мелкие составляющие. В основу системы элементарных терминов могут быть положены те термины, с помощью которых традиционно характеризуются отношения в союзном типе сложного предложения, т. е. элементарными отношениями можно считать противительные, разделительные, изъяснительные, причинные и т. д. В этой системе займут свое место и такие термины, которые называют отношения, выражаемые или только в союзном, или только в бессоюзном типе. И это уже покажет отличие бессоюзных сложных предложений от союзных. Например, для характеристики смысловых отношений в бессоюзных сложных предложениях типа *Он поступил так / ушел и все //* должен быть введен особый термин — пояснительные отношения. В союзном типе такие отношения не выражаются.

Ориентация на систему терминов, принятых для описания смысловых отношений в союзном типе сложного предложения, ни в какой степени не означает, что ставится задача подогнать смысловые отношения в бессоюзном сложном предложении к союзным. Дело в том, что для принятого метаязыка описания постулируется возможность создавать из элементарных терминов сложные, включающие на правах составляющих несколько элементарных. Именно такие сложные термины, как кажется, и позволяют адекватно описать смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях и дать типологию этих отношений.

Смысловые отношения, для описания которых достаточно одного элементарного термина, назовем *д и ф ф е р е н ц и р о в а н н ы м и*. Союзы и союзные слова, как правило, выражают дифференцированные смысловые отношения. В том случае, если элементарное отношение, выражаемое в союзном типе, может обозначаться и бессоюзно, т. е. когда это отношение выводится из содержания предикативных конструкций, союзное и бессоюзное сложное предложение по смыслу ничем не отличаются друг от друга, ср.: *Не пойду гулять, потому что дождь будет — Не пойду гулять/дождь будет//*.

В РР круг дифференцированных отношений, способных иметь бессоюзное выражение, много шире, чем в КЛЯ. О. А. Лаптева обратила внимание на возможность в РР бессоюзного выражения определительных отношений: *Я ему показал одну икону/ у Сони висит в комнате//* [19]. Ср. еще: *Мотор к лодке / в прошлом году он купил/ испортился у него уже//; Дерево/ у забора стоит/ надо подрезать/ очень уж оно солнце загорживает//; Этот Петя/ко мне на той неделе приходил/кандидатскую наверно скоро защищать будет//*⁸.

Бессоюзное выражение в РР могут получать и многие другие отношения, для выражения которых в КЛЯ обязателен союз: отношения степени — *Снег пошел такой сильный/ничего не видно прямо//* (ср.: *Снег пошел такой сильный, что ничего не видно прямо*); сравнительные отношения — *Они купили ковер/помнишь у нас был//* и т. д.

Смысловые отношения, для выражения которых необходимы несколько элементарных терминов, назовем *н е д и ф ф е р е н ц и р о в а н н ы м и*

⁸ Интересно отметить, что бессоюзные сложные предложения с определительными отношениями широко представлены в древнерусских текстах и некоторых фольклорных жанрах — см. об этом [20—22].

Предложение *Кончу статью/пойду на дачу//* допускает введение выражающих дифференцированные отношения условного союза (*Если кончу статью, пойду на дачу*); временного союза (*Когда кончу статью, пойду на дачу*) и следственного союза (*Кончу статью, так что [и поэтому] пойду на дачу*). Нет никаких оснований один союз предпочесть другому. И из этого факта следует, по-видимому, сделать вполне определенный вывод: смысловые отношения между данными предикативными конструкциями включают все три типа отношений, и, следовательно, союзом они вообще выражены быть не могут: в русском языке нет союза (союзного слова), который выражал бы условные-временные-следственные отношения. В данном случае и имеет место, исходя, разумеется, из принятого метаязыка описания смысловых отношений, недифференцированное смысловое отношение.

Недифференцированные смысловые отношения широко представлены только в бессоюзных сложных предложениях и составляют в семантическом плане одно из важных отличий бессоюзного сложного предложения от союзного⁹.

Интересно отметить, что некоторые элементарные отношения в бессоюзном сложном предложении могут выступать только в недифференцированных комплексах. К таким наиболее регулярным недифференцированным отношениям в бессоюзном сложном предложении принадлежат:

(а) условно-временные: *Я пойду гулять/дождь кончится//* — «я пойду гулять, если дождь кончится» и «я пойду гулять, когда дождь кончится»; *Станет теплее/пойдут огурцы//*; *Выпадет снег/будем ходить на лыжах//*. Условные отношения могут и в бессоюзных сложных предложениях выступать в дифференцированном виде, ср.: *Дождя не будет/они придут//*, временные отношения обычно сопровождаются условными. Дело, в том, что, как уже было сказано, во временную связь могут быть поставлены самые разные события, и поэтому временная связь не является настолько очевидной, чтобы она могла быть задана и обнаружена на основе апперцепционной базы, эту связь может выразить только временной союз, ср.: *Я кончил институт, когда у Маши родился сын//*, совершенно невозможно **Я кончил институт/ у Маши родился сын/*;

(б) причинно-следственные: *Машину они купили/чаще будут теперь на дачу ездить//* — «так как машину они купили, чаще будут на дачу ездить» и «машину они купили, так что [и поэтому] чаще будут они на дачу ездить»; *Двадцать пять градусов сегодня обещали/вполне можно купаться//*; *Уже поздно/ не придет он наверно//*. Причинные отношения могут быть выражены в бессоюзном сложном предложении как дифференцированные, ср.: *Я не могла вчера работать/ голова жутко разболелась//*. Следственные же отношения в бессоюзном сложном предложении всегда сопровождаются причинными;

(в) противительно-уступительные: *Мог вчера пойти в театр/не пошел//* — «мог вчера пойти в театр, но не пошел» и «хотя мог вчера пойти в театр, не пошел»; *Пыталась ее в какую-нибудь секцию [спортивную] пристроить/не вышло//*.

Интересен вопрос о том, как меняется структура сложного предложения, если в бессоюзные сложные предложения с недифференцированными отношениями ввести союз (союзное слово), эксплицирующий одну из элементарных составляющих этого значения, ср.: *Прошел дождь/все вокруг ожило и зазеленело//* — *Прошел дождь, так что [и поэтому] все вокруг ожило и зазеленело* и *Так как прошел дождь, все вокруг ожило и зазеленело*. Можно думать, что невербализованная часть недифференцированного значения бессоюзного сложного предложения и в союзном сложном пред-

⁹ Смысловые отношения, которые названы здесь недифференцированными, неоднократно отмечались в бессоюзном сложном предложении — см., например, [23]. Первая попытка теоретического осмысления и системного описания таких отношений содержится в работе [24].

Следует заметить, что недифференцированные или как их еще иногда называют диффузные значения известны не только в бессоюзном сложном предложении, они вообще достаточно широко представлены в языке, особенно в лексике — см. [25].

ложении при выражении союзом другой части недифференцированного значения извлекается из содержания предикативных конструкций и таким образом осознается говорящими. Союз (союзное слово) как сильное специальное средство для выражения смысловых отношений между предикативными конструкциями отодвигает эту невербализованную часть смысловых отношений как бы на второй план. Содержащееся как в общих, так и в специальных исследованиях понятие оттенка значения союзного сложного предложения [26, 27], по-видимому, разумно интерпретировать именно таким образом. Возможно, однако, и другое, на наш взгляд, более правильное решение. Как кажется, функция союза (союзного слова) состоит не только в том, чтобы выразить нужное значение, но и в том, чтобы подавить все те значения, которые вытекают из содержания соединяемых предикативных конструкций. Иначе было бы просто непонятно, как можно достичь в чистом виде выражения элементарных значений. А то, что существует коммуникативная потребность в выражении чистых значений, сомнений не вызывает. Показательно, что строгое научное изложение практически не имеет бессоюзных сложных предложений с недифференцированными значениями. Можно думать поэтому, что никаких оттенков смысловых отношений в союзных сложных предложениях объективно не существует.

Недифференцированные отношения широко представлены только в РР, в КЛЯ они встречаются много реже и ограничены теми сферами языка, которые прямо ориентированы на РР, ср.: причинно-следственные отношения: [Кучумов] *«Я сирота, у меня детей нет: меня куда хочешь поверни»* (А. Островский, Бешеные деньги); *«Двери в избу осели — пришлось с силой, рывком тащить их на себя»* (Ф. Абрамов, Дом); противительные-уступительные отношения: *«Пробовала приехать — нельзя»* (В. Вересаев, Без дороги); *«Вышла я — он за мной»* (М. Цветаева, Воспоминания).

Характеристика смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении на основе понятий дифференцированного/недифференцированного отношений показывает, что прав был и А. М. Пешковский, видевший одинаковые смысловые отношения в союзном и бессоюзном типе, и Н. С. Поспелов, видевший глубокие смысловые отличия в союзном и бессоюзном типе сложного предложения. Истина, как это часто бывает, лежит «посредине».

Обратимся теперь к анализу конфигурации смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении. Как уже сказано, понять смысловую конфигурацию бессоюзного сложного предложения можно с помощью противопоставленных понятий прямых и опосредованных отношений. Начнем с примеров.

Прямые отношения

Опосредованные отношения

Будет дождь/не пойду гулять/

Будет дождь/поработаю я еще/!

События, названные в бессоюзных сложных предложениях с прямыми отношениями, в апперцепционной базе данного языкового коллектива связаны непосредственно: дождь обычно рассматривается как прямая причина нежелания идти на улицу, что и дает следственно-причинные отношения. В бессоюзном сложном предложении с опосредованными отношениями названные предикативными конструкциями события в апперцепционной базе связаны через смысл «не пойду гулять»: «будет дождь — поэтому я не пойду гулять — поэтому [взамен гуляния] поработаю еще». Доказательством того, что в бессоюзном сложном предложении с опосредованными отношениями есть имплицитный опосредующий отношения между предикативными конструкциями смысл является то, что естественны и регулярны как союзные, так и бессоюзные сложные предложения с соответствующими прямыми отношениями: *Будет дождь, так что не пойду гулять, Не пойду гулять, и поэтому поработаю немного*; также вполне естественно и предложение с вербализованным опосредующим смыслом: *Будет дождь/не пойду гулять/поработаю немного/!* или *Так как будет дождь, не пойду гулять, и поэтому поработаю немного*. Следует

подчеркнуть, что опосредование определяется исключительно смысловыми связями, заложенными в апперцепционной базе говорящих, и, следовательно, регулярно проявляемыми в языке, т. е. в конечном счете тем, что можно назвать обыденной логикой мышления, которая существенно отличается от логики научного мышления. Если при определении опосредования опираться на научную логику мышления, то опосредование, причем достаточно глубокой, можно было бы видеть и в приведенном первом предложении, ср.: *Будет дождь — на дожде вымокнешь — вымокнуть неприятно — знание этого заставляет человека избегать попадания под дождь* и т. д. и т. п. Поскольку такие связи в текстах обычно не проявляются, нет основания и для вывода об опосредовании отношений в данном предложении. Точно дифференцировать прямые и опосредованные отношения не всегда просто, поскольку иногда трудно сказать, как воспринимается связь между событиями носителями языка. Не исключено, что и в предложении *Будет дождь/не пойду гулять// есть опосредующий смысл «вымокнуть»*. *Будет дождь/можно вымокнуть/ и поэтому не пойду гулять//*. И пока нет достаточно полных представлений о логике обыденного мышления, провести уверенную границу между прямыми и опосредованными отношениями в бессоюзном сложном предложении нельзя. Это не значит, что понятия «прямые и опосредованные отношения» лишены научно-познавательной ценности. Во-первых, наличие неясных, спорных случаев не исключает большого массива бессоюзных сложных предложений, в которых прямые и опосредованные отношения дифференцированы вполне определенно. Во-вторых, и это особенно важно, есть возможность, приняв, пусть с некоторой долей условности, ту или иную семантическую структуру бессоюзного сложного предложения за структуру с прямыми отношениями, определить модели опосредования отношений для данной структуры. Например, если прямыми отношениями в бессоюзном сложном предложении с противительно-уступительным значением считать такие, при которых в первой предикативной конструкции обозначена желательность, необходимость, возможность действий, а во второй это действие отрицается: *Я хотел поработать сегодня/не поработал*, то опосредование может идти по такому пути: во второй предикативной конструкции названа обстоятельство, препятствующие осуществлению действия, — *Я хотел поработать сегодня/гости приехали//*; *Я хотел поработать сегодня/голова заболела//*; *Я хотел поработать сегодня/ по телефону бесконечные разговоры какие-то все//* и т. д.

Существуют разные по характеру опосредования в бессоюзных сложных предложениях¹⁰. Чтобы понять их типологию, необходимо принять во внимание противопоставление в смысле предложения модуса и пропозиции (диктума)¹¹. Пропозиция — это то, что сообщается, модус — это смысл, показывающий отношение говорящего к сообщаемому, т. е. к пропозиции, это «я» говорящего в коммуникации.

Различаются следующие типы опосредования:

(1) В бессоюзных сложных предложениях с логическим значением — причина, следствие, уступка и т. п. — устанавливаются отношения между предикативными конструкциями-пропозициями, эти отношения может опосредовать также пропозитивный смысл. Вербализация опосредующего пропозитивного смысла требует особой предикативной конструкции: *Передохнем немного / устал я //* (прямые отношения) — *Передохнем немного / два часа уже работаем* (опосредованные отношения), ср.: *Передохнем немного, так как устал я, потому что два часа уже работаем*.

(2) Опосредующий смысл может представлять модальную часть, одна из предикативных конструкций объясняет выбор именно данного модального смысла, а другая предикативная конструкция представляет основное

¹⁰ Опосредование известно и в союзном типе сложного предложения, ср.: *Если пойдете в булочную, то направо — Если пойдете в булочную, то знайте, что она направо*. Конструкции такого рода обсуждаются в работах [28, 29].

¹¹ Противопоставление в смысле предложения модуса и диктума было сформулировано Ш. Балли [30] и получило широкое признание в современной лингвистике, см., например, [31; 32].

сообщение — пропозицию, ср.: *Много яблок в этом году у него в саду / я там был //* — «я знаю и сообщаю, что много яблок у него в саду, я знаю об этом, потому что я там был и, следовательно, видел». Характерной особенностью таких предложений является то, что союзный эквивалент для них возможен только при условии вербализации имплицитной модальной части: совершенно исключено **Много яблок в этом году у него в саду, потому что я там был*, но вполне возможно *Я знаю, что много яблок в этом году у него в саду, потому что я там был*. Опосредующий модальный смысл вербализуется в форме предикативной конструкции.

Приведем еще примеры подобных конструкций: *Поздно он придет / я с ним говорил по телефону //*; *Там теперь мостик сделали / я проходил недавно //*; *Очень хорошо они отдыхают / письмо я получил //*.

(3) Особого рода опосредование имеет место в бессоюзных предложениях с изъяснительными отношениями. Одной из основных функций сложных предложений с изъяснительными отношениями является раздельное выражение модуса и пропозиции. Изъясняющая часть представляет собой пропозицию, та часть, которая изъясняется, — модус: *Я знаю / она не придет*. Опосредование в таких предложениях касается только модального смысла и осуществляется в пределах модальной предикативной конструкции следующим образом: в предикативной конструкции создаются такие семантические условия, которые предсказывают модальную семантику, позволяя ей оставаться имплицитной, этот модальный имплицитный смысл и опосредует отношения между изъясняемой и изъясняющей частями, ср.: *Я оглянулся / никого нет //* — «оглянулся, и поэтому увидел, что никого нет». Модальная семантика обычно выражается глаголами, с которыми изъясняющая конструкция может быть соединена как бессоюзно, так и с помощью союза *что*: *Я увидел, что никого нет*. Возможность союзного выражения прогнозирует прямые отношения. При опосредованных отношениях союз невозможен: **Я оглянулся, что никого нет*. Опосредующий отношения имплицитный смысл обычно соответствует глаголу, и этот глагол может быть введен в синтаксическую структуру модальной предикативной конструкции с помощью союза *и*: *Я заходил в нашу кондитерскую / много всяких тортов там есть //* — *Я заходил в нашу кондитерскую и видел, что много всяких тортов там есть*.

Типы опосредования хорошо развиты и поэтому могут быть обнаружены, как показывает приведенный материал, только в РР. В КЛЯ, в текстах, испытывающих влияние РР, регулярно используется только третий тип опосредования: *«Вхожу в дом, гляжу из окна — стоит, на занавесочку (смотрит)»* (М. Цветаева, Воспоминания); *«Посмотрите на него — он грустит, и посмотрите на меня — я веселюсь»* (Ю. Герман, Дорогой мой человек); *«Вчера захожу к нему, — оказывается, он совсем неожиданно уехал за границу»* (В. Вересаев, На повороте)¹².

Итак:

1. В форме бессоюзного сложного предложения за счет интонационных и некоторых других средств осуществляется активизация тех смысловых отношений, которые определяются содержанием составляющих сложное предложение предикативных конструкций.

2. Системное описание бессоюзного сложного предложения предполагает прежде всего описание семантического компонента. Семантическая структура бессоюзного сложного предложения выявляется на основе двух оппозиций: (а) дифференцированные / недифференцированные смысловые отношения между предикативными конструкциями; (б) прямые / опосредованные отношения между предикативными конструкциями.

3. Системные характеристики сложного предложения полно и последовательно проявляются в РР,¹³ в КЛЯ они проявляют себя фрагментарно

¹² Такого рода предложения не имеют устоявшейся квалификации. Н. С. Поспелов называл их бессоюзными сложными предложениями с пояснительными отношениями, см. [33]. А. Н. Гвоздев, положивший в основу своего описания бессоюзных сложных предложений концепцию А. М. Пешковского, видит в таких предложениях дополнительное придаточное, см. [34].

1. Русская грамматика. Т. II. М., 1980, с. 634.
2. Лаптева О. А. Фотография ли? — РР, 1968, № 4.
3. Кожевникова Кв. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1970.
4. Вопросы языка современной русской литературы. М., 1973.
5. Русская разговорная речь. М., 1973.
6. Земская Е. А., Китаргородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981, с. 19—40.
7. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 126—128.
8. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
9. Николаева Т. М. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.
10. Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
11. Дорошенко С. И. Сложные бессоюзные синтаксические конструкции в современном украинском языке. Харків, 1980.
12. Ширяев Е. Н. Дифференциация сочинительных и подчинительных союзов на синтаксической основе. — ФН, 1980, № 2.
13. Кубик М. Условные конструкции и система сложного предложения. Прага, 1967, с. 64.
14. Якубинский Л. П. О диалогической речи. — В кн.: Русская речь. I. Петроград, 1923, с. 147.
15. Кручинина И. Н. Некоторые тенденции развития современной теории сложного предложения. — ВЯ, 1973, № 2, с. 115.
16. Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
17. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
18. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 86.
19. Лаптева О. А. Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи. — В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966, с. 57.
20. Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными. М., 1972, с. 117—148.
21. Борковский В. И. О двух ярких синтаксических особенностях русских сказок. — ИАН СЛЯ, 1979, № 1, с. 3—8.
22. Борковский В. И. Синтаксис сказок. Русско-белорусские параллели. М., 1981, с. 205—221.
23. Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1969, с. 142.
24. Чулашева О. М. Соотносительность бессоюзных и союзных сложных предложений в современном русском литературном языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Саратов, 1979.
25. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 95.
26. Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1971, с. 23.
27. Шахматова М. А. Определительные придаточные предложения с добавочным пространственным значением: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1973.
28. Инфантова Г. Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. Ростов-на-Дону, 1973, с. 121—131.
29. Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980, с. 43—44.
30. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 43—44.
31. Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971, с. 161—231.
32. Вежбицка А. наброски к русско-семантическому словарю. — Научно-техническая информация, 1968, сер. 2, № 12.
33. Грамматика русского языка. Т. II. Ч. 2. М., 1960, с. 396—397.
34. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. II. М., 1961, с. 301.

ПАНОФИЛОВ В. С.

ИСХОДНЫЕ ПОНЯТИЯ ВЬЕТНАМСКОГО СИНТАКСИСА

Задача настоящей статьи — построение непротиворечивой системы основных исходных понятий вьетнамского синтаксиса. При этом в ряде случаев оказывается неизбежным привлечение к рассмотрению и критический анализ некоторых положений, выработанных в отечественном языкознании, в частности — в русистике.

Не все положения, разработанные на вьетнамском материале, могут претендовать на общелингвистическую значимость, а представленная ниже система понятий не является, конечно, единственно возможной. Следует, однако, сознавать, что фактор системности с неизбежностью означает, что те или иные конкретные положения данной работы в полной мере действительны лишь в общем контексте всего изложения. Взятые изолированно, они могут дать повод к недоразумениям.

1. Типы связи. Аналитическая форма слова и словосочетание¹.

Синтаксис начинается там, где происходит соединение двух слов, так что синтаксическое исследование должно предваряться рассмотрением возможных типов связи между словами. Это представляется вполне очевидным применительно к сочетаниям знаменательных слов друг с другом, однако во вьетнамском языке служебные слова являются единственным средством выражения частных грамматических категорий (число существительного, время глагола) и одним из средств выражения синтаксических отношений, так что сочетания соответствующих служебных слов со словами знаменательными также должны получить синтаксическое истолкование.

Условимся считать, что само по себе наличие грамматической связи между двумя (в минимальном варианте) словами доказывается возможностью самостоятельного употребления данного сочетания, в частности — возможностью использовать его в качестве эллиптического варианта более сложной конструкции. Пользуясь этим операциональным определением, легко показать, что, например, в последовательности $đi^1 vo'i^5 anh^1$ «идти с тобой» имеется грамматическая связь между словом $đi^1$ «идти» и остальной частью сочетания в целом; наличествует грамматическая связь и между элементами сочетания $vo'i^5 anh^1$ «с тобой», однако последовательность слов $đi^1 vo'i^5$ «идти с», как не способная к самостоятельному употреблению, никакой грамматической связи не содержит.

Принятое определение позволяет также отграничить грамматическую связь от связи чисто семантической, не входящей в сферу грамматического анализа. Рассмотрим пример: $tôi^1 khuỳên^1 anh^1 nghi^4$ «Я советую тебе отдохнуть». Эта конструкция может иметь следующие эллиптические варианты: $tôi^1 khuỳên^1$ «я советую», $khuỳên^1 anh^1$ «советую тебе», $khuỳên^1 nghi^4$ «советую отдохнуть»; однако ни в каком контексте ее нельзя свести к виду $anh^1 nghi^4$ «ты отдыхаешь», хотя семантическая связь между этими словами очевидна. Выходит, что в рамках рассматриваемой конструкции слово anh^1 «ты» не имеет грамматической связи со словом $nghi^4$ «отдыхать».

¹ В статье принята следующая нумерация вьетнамских тонов: 1 — верхний ровный; 2 — верхний нисходящий (∖); 3 — нисходяще-восходящий прерывистый (∩); 4 — вопросительный (?); 5 — восходящий напряженный (∕); 6 — тяжелый (·).

Промежуточное положение между семантической и грамматической связью занимает связь потенциальная. Потенциальная связь — это семантическая связь, которая с помощью процедуры трансформации может быть реализована как связь грамматическая. Например, потенциальная связь существует между словами $tô^1$ «я» и $đâu^2$ «голова» в высказывании $tô^1$ $nhu'c^5$ $đâu^2$ «У меня болит голова», поскольку последнее может быть трансформировано в высказывание $đâu^2$ $tô^1$ $nhu'c^5$ $lăm^5$ «Моя голова очень болит».

Грамматическая связь между двумя словами может быть чисто формальной (квзисинтаксической) или формально-семантической (синтаксической). Первая имеет место в сочетаниях знаменательных слов со служебными, вторая — в сочетаниях знаменательных слов между собой. Каждая из этих связей может оцениваться по двум признакам: а) по внутренней организации сочетания, безотносительно к более сложному целому; б) по отношению к более сложному целому (принцип репрезентации), каковым для квзисинтаксической связи является словосочетание, а для синтаксической — предложение.

Оцениваемая по признаку внутренней организации, квзисинтаксическая связь может быть ненаправленной и направленной. В первом случае ни, один из компонентов сочетания не может быть заменен вопросительным словом, так что направление связи не выявляется достаточно убедительным способом; примером может служить сочетание $nghi^3$ $đên^5$ «думать о...» (предлог в данном случае имеет грамматическую связь именно с глаголом, ср. англ. think about). Во втором случае направление связи идет от служебного слова к знаменательному, т. е. служебное слово является формально господствующим: $vo'i^5$ anh^1 «с тобой» ($vo'i^5$ $ai^1?$ «с кем?»), se^3 $đi^1$ «пойду» (se^3 nhu^1 $thê^5$ $nao^2?$ «буду что делать?» — букв.: «буду как?»). При несколько расширительном понимании управления можно считать, что служебное слово управляет знаменательным в том смысле, что требует присутствия последнего. Однако формально подчиненный компонент, т. е. знаменательное слово, в составе квзисинтаксических сочетаний не приобретает в дополнении к своему лексическому значению еще какого-либо, обусловленного связью с подчиняющим элементом, значения. Ср. сочетания $đi^1$ $lu'a^2$ «ехать на осле», $đi^1$ $tru'o'ng^2$ «ехать в институт», где зависимые компоненты, помимо своих лексических значений, имеют еще значения средства передвижения и конечного пункта движения соответственно.

Служебные слова в составе квзисинтаксических сочетаний являются элементами аналитической формы слова, которая может быть морфологической, синтаксической, коммуникативной. Первая представляет собой сочетание морфологического служебного слова со словом знаменательным и выражает значение, имманентно присущее знаменательному слову как представителю некоторого грамматического класса. Такому числу существительных ($sinh^1$ $viên^1$ «студент» → $nhu'ng^3$ $sinh^1$ $viên^1$ «студенты»), времени глагола ($đi^1$ «идти» → se^3 $đi^1$ «пойду») и т. д. Синтаксическая форма слова, которую можно, вслед за некоторыми авторами, именовать для краткости синтаксемой [11], является во вьетнамском языке сочетанием синтаксического служебного слова со словом знаменательным. Это сочетание обусловлено синтаксической функцией знаменательного слова, его связью с другими словами в составе предложения. Например, в сочетании $vo'i^5$ anh^1 «с тобой» предлог $vo'i^5$ «с» создает синтаксическую форму слова anh^1 «ты». Синтаксема $vo'i^5$ anh^1 «с тобой» имеет значение совместности и характеризуется способностью выступать в не-подлежащих функциях. Наконец, коммуникативная форма слова — это сочетание знаменательного слова со служебным, уточняющим семантические связи данного конкретного высказывания с контекстом и пресуппозицией. Во вьетнамском языке к числу подобных служебных слов относятся в первую очередь выделительные частицы: sa^4 $tô^1$ $cung^3$ $không^1$ $hiêu^4$ «Даже я не понимаю»; $chinh^5$ $tô^1$ $cung^3$ $không^1$ $hiêu^4$ «Именно я не понимаю».

Морфологические, синтаксические, коммуникативные служебные слова как относящиеся к различным ипостасям знаменательного слова не

исключают друг друга, но вполне могут обслуживать знаменательное слово одновременно: $chinh^5 vo'i^5 nhu'ng^3 sinh^1 viê^n^1 âu^5$ «именно с этими студентами».

В составе словосочетания аналитическая форма слова всегда занимает одну синтаксическую позицию, т. е. вся в целом выступает как компонент, связанный тем или иным видом формально-семантической (синтаксической) связи с другим знаменательным словом. Однако в плане репрезентации синтаксема существенно отличается от остальных разновидностей аналитической формы слова. Синтаксема входит в состав словосочетания как единое целое, не сводимое ни к одному из своих компонентов. Формально это проявляется в том, что в составе словосочетания ни одно из составляющих синтаксемы не может быть опущено. Например, в словосочетании $đi^1 vo'i^5 anh^1$ «идти с тобой» нельзя опустить ни предлог $vo'i^5$ «с», ни слово anh^1 «ты». Таким образом, ни один из компонентов синтаксемы не является ее репрезентантом в составе словосочетания. Что же касается морфологической и коммуникативной формы слова, то их репрезентантом в составе словосочетания является знаменательный компонент, что находит формальное выражение в возможности опустить служебное слово: $(nhu'ng^3) sinh^1 viê^n^1 mo'i^5$ «новые студенты» ($nhu'ng^3$ — показатель мн. числа). Как видим, в морфологической и коммуникативной форме слова чисто формальная связь (если связь направленная) идет от служебного слова к знаменательному, тогда как в составе более сложного синтаксического целого господствующим является как раз знаменательный компонент. Это противоречие между результатами «внутренней» и «репрезентирующей» оценки составляет, пожалуй, самое существенное формальное отличие данных типов аналитической формы слова от атрибутивных словосочетаний.

Как уже говорилось, формально-семантическая (синтаксическая) связь имеет место между знаменательными словами. В этом случае формальная связь сопровождается появлением у подчиненного компонента некоторого синтаксического значения, характеризующего слово в его отношении к подчиняющему слову: субъект, объект, инструмент, место действия и т. д.

В связи с изложенным представляется нецелесообразным расширять традиционное значение термина «словосочетание», распространяя его так же и на сочетания знаменательных слов со служебными, как это предлагают некоторые авторы, явно не без влияния внутренней формы данного термина [8]. Думается, однако, что внутренняя форма слова и его терминологическое значение — вещи разные. Поскольку сочетания знаменательных слов со служебными, с одной стороны, и сочетания знаменательных слов между собой, с другой, являются реализациями принципиально различных типов грамматической связи, есть смысл разграничить эти сочетания и терминологически, обозначив первые как аналитическую форму слова и сохранив за вторыми традиционный термин «словосочетание» [ср. 13].

II. Типы словосочетаний. Члены словосочетания: подлежащее, дополнение, определение.

В современной лингвистике принято разграничение предложения как единицы языка и высказывания как реализации предложения в речи. Некоторые исследователи предлагают проводить такое же разграничение и в отношении свободных словосочетаний [12]. При таком подходе снимается альтернатива, которую, в частности, Е. В. Падучева формулирует следующим образом: являются ли словосочетанием слова, расположенные в предложении рядом, или же члены словосочетания могут быть в предложении разделены другими словами? [15]. Помня, что термин «предложение» Е. В. Падучева употребляет в том же смысле, в каком мы употребляем термин «высказывание», можно дать следующий ответ на предложенную альтернативу. Как явление языка, словосочетание — это модель, схема соединения двух знаменательных слов безотносительно к их конкретному лексическому значению и линейному расположению. Реализа-

ция этой схемы в речи, в составе высказывания, предполагает, в частности, определенную линейную упорядоченность элементов схемы с той или иной степенью свободы их взаиморасположения, не исключая и возможности разединения другими словами.

Рассмотрим под углом зрения развиваемых в данной статье положений еще две альтернативы, формулируемые Е. В. Падучевой относительно словосочетаний:

1) Является ли словосочетание синтаксически связанной группой слов некоторого предложения или же словосочетание существует безотносительно к предложению? [15]. Эта альтернатива затрагивает скорее гносеологическую, чем онтологическую сторону дела. При направлении анализа от меньших единиц к большему, при постановке вопроса, каков тот минимум, с которого начинается синтаксис, словосочетание (если даже не аналитическая форма слова) является исходной единицей, анализ которой до известных пределов может проводиться безотносительно к предложению. При движении от большего к меньшему, при анализе текста исходной единицей является высказывание, в основе которого, в частности, может лежать синтаксическая схема предложения. В таком случае словосочетание является синтаксически связанной группой слов в предложении, и выделение словосочетаний есть способ экспликации наличествующих в данном предложении синтаксических связей.

2) Является ли словосочетание синтаксически связанной группой из любого числа слов или же группой из двух слов? [15]. Если исходить из того, что словосочетание есть реализация синтаксической связи, то объектом анализа должны быть бинарные словосочетания как реализующие одну синтаксическую связь. Имея синтаксические связи, допустим, с двумя словами, слово тем самым входит в состав двух словосочетаний.

Словосочетания подразделяются на сочинительные и подчинительные. При изолированном рассмотрении сочинительного словосочетания ни один из его компонентов не может быть охарактеризован синтаксически. Например, в словосочетании $t\hat{o}i^1 va^2 an^1$ «я и ты» синтаксема $va^2 an^1$ «и ты» содержит синтаксическое служебное слово, позволяющее усмотреть только то, что при употреблении словосочетания в составе более сложного синтаксического образования данная синтаксема будет выступать в той же синтаксической функции, что и слово $t\hat{o}i^1$ «я» (напомним, что в соответствии с исходными положениями настоящей работы между $t\hat{o}i^1$ «я» и va^2 «и» связь отсутствует).

Считается, что в рамках подчинительного словосочетания, без выхода за его пределы «подчиняющий элемент не проявляет своей синтаксической роли, тогда как подчиненный раскрывает свою синтаксическую функцию» [2]. Это верно, но лишь постольку, поскольку речь идет о грамматически однозначных словосочетаниях. Между тем на материале вьетнамского языка нетрудно показать, что в сфере подчинительных словосочетаний достаточно представлены различные типы грамматической омонимии, снятие которой возможно лишь с выходом за пределы словосочетания. Наиболее типичный случай — когда каждый из компонентов словосочетания может претендовать на роль подчиняющего. Примером может служить словосочетание $\check{a}n^1 ngon^1$ букв. «есть — вкусный»: $t\hat{o}i^1 \check{a}n^1 (ngon^1)$ «Я ем (с аппетитом)», но $chu\hat{o}i^5 nay^2 (\check{a}n^1) ngon^1$ «Этот банан вкусный (для еды)» — ср. однозначное словосочетание $\check{a}n^1 ch\hat{a}m^6$ «есть медленно». К этому же типу относится омонимия атрибутивных и предикативных словосочетаний, которая будет подробно рассмотрена ниже в связи с вопросом о предложении. Несколько иной случай — грамматическая омонимия подчиненных компонентов словосочетания: $gu'i^4 con^1 (bu'c^5 thu'^1)$ «послать сыну (письмо)», но $gu'i^4 con^1 (va\hat{o}^2 nha^2 tre^4)$ «послать сына (в детский сад)» [25] — ср. однозначное словосочетание $gu'i^4 thu'^1$ «послать письмо».

Отвлекаясь от случаев грамматической омонимии, можно сказать, что внутренний анализ подчинительного словосочетания, без выхода за его пределы, дает возможность установить синтаксическую функцию подчиненного компонента, тогда как синтаксическая функция компонента господствующего устанавливается, в соответствии с признаком репрезен-

тации, только в составе предложения. Так, в примере $\text{đoc}^6 \text{sach}^5$ «читать книгу» слово sach^5 «книга» есть дополнение, а слово đoc^6 «читать» можно охарактеризовать только в терминах частей речи, сказав, что это глагол и в составе более сложного синтаксического образования способен выступать в любой функции, возможной для глагола.

Казалось бы, такой подход должен распространяться на все типы подчинительных словосочетаний, однако в лингвистической литературе нередко делается своеобразное исключение для словосочетаний предикативных, к а ж д о м у из компонентов которых дается синтаксическая характеристика в рамках словосочетания как: такового, без выхода за его пределы. В какой-то мере эта непоследовательность объясняется отсутствием единства взглядов по вопросу о господствующем элементе предикативного словосочетания: одни считают, что таковым является подлежащее, другие — что в предикативном словосочетании имеет место взаимозависимость элементов. Обе эти точки зрения уже были подвергнуты убедительной критике [20]. Более существенная сторона вопроса состоит, видимо, в том, что предикативное словосочетание может быть основой предложения, его структурно-семантическим минимумом. Однако, во-первых, предложение может быть построено не только на базе предикативного словосочетания: $\text{tu}^2 \text{nhá}^2 \text{đên}^5 \text{tru}^1 \text{o'ng}^2 \text{hai}^1 \text{cây}^1 \text{sô}^5$ «От дома до института два километра»; во-вторых, глагол может выступать в предложении не только в функции сказуемого, но и в других синтаксических функциях, сохраняя при этом способность иметь зависимый компонент, связанный с глаголом предикативной связью, например: $\text{đé}^3 \text{nghe}^1 \text{ngu}^1 \text{o'i}^2 \text{la}^2 \text{dai}^6$ «Быть легковверным — глупо» → $\text{anh}^1 \text{đé}^3 \text{nghe}^1 \text{ngu}^1 \text{o'i}^2 \text{la}^2 \text{dai}^6$ «Ты легковверен — (это) глупо». Ср. также нижеследующий пример, в котором глаголы đi^1 «идти», thây^5 «видеть» и т. д. выступают как дополнения к модальному глаголу phai^4 «быть должным», имея при этом каждый заполненную подлежащую позицию: $\text{Can}^5 \text{bô}^6 \text{phai}^4 \text{chân}^1 \text{đi}^1, \text{mãi}^5 \text{thây}^5, \text{tai}^1 \text{nghe}^1, \text{miêng}^6 \text{noi}^5, \text{tay}^1 \text{lam}^2, \text{oc}^5 \text{nghe}^3$ ($\text{Hô}^2 \text{Chi}^5 \text{Minh}^1$) «Кадровые работники должны всюду бывать, все видеть и слышать, уметь и говорить, и делать, и думать» (букв.: ... должны — ноги идут — глаза видят — уши слышат — рот говорит — руки делают — голова думает).

Из сказанного вытекает единственный вывод. Нет никаких оснований рассматривать предикативные словосочетания как обладающие особым грамматическим статусом в ряду других подчинительных словосочетаний. Подлежащее и дополнение суть парадигматически равноправные распространители глагола. Последний же как господствующий компонент предикативных словосочетаний не может быть охарактеризован синтаксически без выхода за пределы словосочетания. Сказуемым этот компонент может стать лишь в частном случае — когда предложение строится на базе предикативного словосочетания, так что господствующий компонент словосочетания автоматически становится абсолютной вершиной предложения, его синтаксической доминантой.

Подлежащее, дополнение, определение представляют собой синтаксические функции, выявляемые на уровне словосочетания, это зависимые элементы предикативных, комплетивных и атрибутивных словосочетаний. «Подлежащее» и «предикативная связь» — взаимосвязанные понятия, названия элемента отношения и типа связи соответственно. Однако к сказуемому как синтаксической доминанте предложения ни то, ни другое отношения не имеет. Понятие сказуемого связано с выходом за пределы словосочетания и должно быть установлено независимым способом, без ссылок на подлежащее и на предикативный тип связи.

Недостаточно последовательное разграничение уровня словосочетания и уровня предложения, приписывание глагольному компоненту предикативных словосочетаний функции сказуемого дорого обходятся русистике: конструктивная база предложения искусственно сужается до предикативного сочетания, и многие языковые факты, интуитивно воспринимаемые как предложения, не поддаются удовлетворительной теоретической интерпретации в качестве таковых. Создавшееся положение вещей вызывает справедливую критику, ибо для возникновения предложения

«нужны не канонизированные подлежащее и сказуемое, а значимые элементы, благодаря сочетанию которых осуществляется смысловое назначение предложения» [9]. Правда, фактический материал, приводимый в обоснование неканонизированного подхода и безусловно соответствующий интуитивному восприятию предложения [10, с. 52—53], оказывается столь разнороден в формально-грамматическом плане, что опять-таки остается открытым вопрос, каковы собственно грамматические основания для объединения столь разнородных сочетаний «значимых элементов» под рубрикой единого понятия — предложения. Иногда специально подчеркивается недопустимость отождествления подлежащего с именительным падежом [5, с. 63], необходимость распространить понятие предикативной связи на сочетания косвенных форм имени с несогласованным глаголом [5, с. 66]. Это возможный, но не лучший выход из положения, поскольку при таком подходе формальные признаки подлежащего становятся весьма неопределенными. Учитывая положения настоящей статьи, представляется более целесообразным исходить из того, что неотъемлемым элементом любого предложения является сказуемое, однако синтаксическим противником последнего вовсе не обязательно должно быть подлежащее.

Формальным признаком предикативной связи является возможность каузативной деривации словосочетания [23; 14, с. 46—47]. Предикативное словосочетание может быть поставлено после каузативного глагола или может быть, без изменения синтаксических значений составляющих, приведено к виду, допускающему такую постановку. Например, словосочетание $tôl^1 \dot{d}oc^6$ «я читаю» является предикативным, так как можно сказать: $po^5 \text{b}ăt^5 \dot{t}ôl^1 \dot{d}oc^6$ «Он заставляет меня читать». Высказывание $po^4 \text{hoa}^1 \dot{g}ôi^2$ «Расцвели цветы» построено на базе предикативного словосочетания, поскольку можно сказать $cu^5 \dot{d}ê^4 \text{hoa}^1 \text{po}^4$ «Не мешайте цветам расцветать». Словосочетание $uêu^1 \text{pang}^2$ «любить девушку» не есть предикативное, так как его приведение к виду, допускающему каузативную деривацию ($\text{pang}^2 \text{uêu}^1$ «девушка любит») связано с изменением синтаксического значения слова pang^2 «девушка».

Имея достаточно надежный критерий предикативной связи, связь комплетивную можно определить отрицательно: это связь глагола с тем членом оптимального окружения, который не может быть идентифицирован как подлежащее. Комплетивная связь наличествует между элементами словосочетания $săng^1 \dot{d}âu^1$ «натягивать веревку», так как объективный актант входит в оптимальное окружение рассматриваемого глагола и словосочетание не может быть приведено к виду, допускающему каузативную деривацию.

Основной признак атрибутивных (и шире — вообще определительных) словосочетаний обычно усматривают в иррелевантности подчиненного компонента для синтаксической структуры предложения, что формально проявляется в возможности опустить определение. Это наиболее общий признак, охватывающий все разновидности определительных словосочетаний, частные признаки которых могут быть конкретизированы в зависимости от категориальной принадлежности господствующего элемента.

III. Предложение и его синтаксическая доминанта. Высказывание.

Предложение — это иерархически организованная структура, предназначенная для передачи законченной мысли. Определение предложения как структуры означает, что оно понимается как абстрактная единица языка, схема (модель) синтаксических отношений, которая может быть представлена в виде формализованной записи. Иерархичность организации предполагает, что в предложении имеется абсолютно господствующий элемент, синтаксическая доминанта, которую будем называть сказуемым. Наконец, предназначенность для передачи законченной мысли означает, что «семантика предложения (типовое значение) и его структура неразрывно и взаимообусловленно связаны» [9]. Иначе говоря, взятая

сама по себе, безотносительно к семантической характеристике, структурная схема предложения представляет собой не более чем механический конструктор, оторванный от смыслового назначения синтаксической единицы [10, с. 57]. Это малойформативный уровень абстракции.

Сказуемое есть абсолютная вершина предложения, в грамматическом плане характеризующаяся категорией утверждения / отрицания и обозначающая признак в самом широком смысле слова. Сказуемое — это то, что утверждается и что может быть подвергнуто отрицанию в исходном варианте (модели) предложения [ср. 22]. Первая часть этой формулировки имеет целью подчеркнуть, что речь идет о возможности общего отрицания, отрицания предиктируемой части. Что же касается оговорки относительно исходного варианта предложения, то она существенна в связи с необходимостью отграничить сказуемое утверждение / отрицание от рематического.

В частном случае модель предложения может быть представлена одним словом: Вечер → Еще не вечер. Если мы не отказываем таким построениям в статусе предложения, то их односоставность следует понимать в том смысле, что предложение исчерпывается сказуемым (ср. с нечленимыми коммуникативно, целиком рематическими высказываниями). Модель предложения может не включать предикативной связи (по крайней мере, в том понимании, которое было дано выше): tu¹² nha² đên⁵ tru'o' ng² (không¹ phai⁴) hai¹ cây¹sô⁵ «От дома до института (не) два километра». В последнем примере синтаксическим противостоит сказуемому является, конечно, не подлежащее, а другой элемент, для которого как будто нет подходящего наименования в существующей номенклатуре членов предложения. Как видим, модель предложения может обходиться без подлежащего, но она никак не может быть лишена сказуемого, ибо «сказуемое» и «предложение» — такие же соотносительные понятия, как «подлежащее» и «предикативная связь». Сказуемое — это, строго говоря, не член предложения, но минимальное предложение или, что то же самое, репрезентант всего предложения [17].

Член предложения представляет собой категорию функциональную, это элемент предложения, имеющий формально-семантическую связь либо со сказуемым, либо с предложением в целом. Материально член предложения может быть выражен отдельным словом, словосочетанием и даже предложением, поэтому когда говорят, что член предложения синтаксически неделим, имеют в виду именно функциональную, а не материальную сторону данного явления. При таком подходе исключается возможность двойных синтаксических связей: если материальным выражением члена предложения является слово, то оно подчинено непосредственно сказуемому; при более сложном материальном выражении сказуемому подчинен только господствующий элемент словосочетания, тогда как элементы зависимые не имеют связи со сказуемым. Иными словами, один синтаксический хозяин может иметь нескольких слуг, но у одного слуги не может быть двух хозяев. Возвращаясь к примеру tôi¹ khuỷên¹ anh¹ nghi⁴ «Я советую тебе отдохнуть», можно сказать, что постулирование синтаксической связи между словами anh¹ «ты» и nghi⁴ «отдыхать», какое бы направление ей ни приписывалось, было бы нарушением сформулированного принципа.

Речевую реализацию модели предложения будем называть высказыванием. Следует только иметь в виду, что этим термином охватывается весьма широкий круг фактов, лишь часть которых представляет собой актуализацию структурной схемы предложения. В общем виде высказывание — это любая обладающая интонационной законченностью речевая единица, например, в определенной обстановке и с определенной интонацией произнесенное междометие. К числу высказываний относятся также реплики со значением согласия или несогласия, эмоциональные оценки, поведенческие единицы типа «Здравствуйте!», «Спасибо!» [3], так что вполне возможны высказывания, в основе которых не лежит иерархически организованная синтаксическая структура [21], однако в настоящей работе нас будут интересовать только те высказывания, структурным инвариантом

которых является модель предложения. В таком случае можно сказать, что предложение, реализованное в речи (высказывание), это синтаксическая схема, получившая конкретное лексическое наполнение, упорядоченная линейно, произносимая с определенной интонацией, употребляющаяся в определенном контексте и обладающая соответствующим этому контексту актуальным членением [ср. 6].

К уровню высказывания относится понятие группы того или иного члена предложения, например, группы сказуемого. Высказывания $t\acute{o}i^1 \dot{d}\acute{o}c^6 \text{ sach}^5$ «Я читаю книгу» и $\text{sach}^5 \text{ nau}^2 \text{ t}\acute{o}i^1 \dot{d}\acute{o}c^6 \text{ g}\acute{o}i^2$ «Эту книгу я уже прочел» построены по одной и той же структурной схеме, однако в первом дополнении включено в состав группы сказуемого, тогда как во втором — выведено из нее. При анализе на уровне предложения подлежащее и дополнение суть парадигматически равноправные элементы — распространители сказуемого («актанты» в терминологии Л. Теньера, выявляющей их единый статус относительно сказуемого), но на уровне высказывания они могут оказаться неравноправны синтагматически в том смысле, что один из этих элементов может быть включен в состав группы сказуемого.

Понятие эллипсиса также относится к уровню высказывания, ибо если понимать под предложением синтаксическую модель, то неполных предложений не существует, неполной может быть только речевая реализация модели. Высказывание является неполным, если контекст позволяет его распространить, причем возможен единственный синтаксический вариант распространения [4]. В первом из приводимых ниже примеров собственное имя (Тхак) есть подлежащее, во втором — каждое из неполных высказываний представлено глаголом-сказуемым, подлежащее которого (они) и дополнение (вор) восстанавливаются из контекста: 1) — $\text{Cai}^5 \text{ gi}^2? \text{ Cai}^5 \text{ gi}^2? \text{ Cai}^5 \text{ gi}^2? \text{ Ai}^1 \text{ bi}^6 \text{ gi}\acute{e}t^5?$ — $\text{Thac}^6!$ ($\text{Th}\acute{e}^5 \text{ Lu}^3$) «—Что такое? Что такое? Что такое? Кто убит? — Тхак!», 2) $\text{Chu}^1 \text{ i}^4$. $\text{K}\acute{e}u^1$. $\text{Đ}\acute{a}m^5$. $\text{Đ}\acute{a}^5$. ($\text{Ngy}\acute{u}\acute{e}n^3 \text{ C}\acute{o}ng^1 \text{ Ho}\acute{a}n^1$) «Ругаются. Кричат. Бьют кулаками. Пинают ногами». Высказывание не является эллиптическим, если текстовое окружение не позволяет его распространить. Такого рода высказывание может быть, в частности, реализацией односоставного предложения, например: $\text{V}\acute{o}i^2!$ $\text{Xe}^1!$ $\text{V}\acute{e}p^5!$ $\text{Vu}^5!$ ($\text{Ngy}\acute{u}\acute{e}n^3 \text{ C}\acute{o}ng^1 \text{ Ho}\acute{a}n^1$) «Мальчик! Рикша! Повар! Служанка!». Ср. военную команду $\text{Nghi}^4!$ «Вольно!», букв.: «отдыхать» при невозможности восстановить оптимальное окружение этого глагола.

Наконец, к уровню высказывания относится порядок слов и актуальное членение. Вопрос об актуальном членении был нами рассмотрен в специальной работе [16]. Что же касается порядка слов, то основная проблема, которая здесь возникает — это разграничение исходного и производного словорасположения или, что то же самое, исходных и производных конструкций. Вообще предложение (в том понимании, которое было представлено выше) вполне может рассматриваться безотносительно к линейному расположению его составляющих, членов предложения. Однако поскольку речевые реализации модели связаны с различными вариантами словорасположения, есть смысл принять один из них за исходный, который на менее высоком уровне абстракции может быть приписан модели как таковой. Тогда модель в совокупности с ее допустимыми трансформациями можно определить как парадигму предложения². Выявление исходного порядка слов — это поиск «именительного падежа» в парадигме предложения.

В самом простом случае признаком производности конструкции могут служить синтаксические служебные слова при условии, что их наличие необходимо для грамматической правильности высказывания, и вместе с тем высказывание можно, без изменения синтаксических значений составляющих, трансформировать так, что необходимость в рассматриваемых служебных словах отпадет. Например, предлог cho^1 «для» в высказывании $t\acute{o}i^1 \dot{d}\acute{u}^1 \text{ a}^1 \text{ ti}\acute{e}n^2 \text{ cho}^1 \text{ anh}^1$ «Я даю деньги тебе» свидетельствует о

² Исчисление позиционных трансформаций вьетнамского предложения со сказуемым — переходным глаголом см. в [14, с. 184].

его производном характере, поскольку можно сказать $tôi^1 đũa^1 anh^1 tiền^2$ «Я даю тебе деньги». Однако в высказывании $tôi^1 nghĩ^3 đến^5 anh^1$ «Я думаю о тебе» предлог $đến^5$ «о» не может использоваться для решения интересующего нас вопроса, ибо конструкцию нельзя изменить так, чтобы надобность в этом предлоге отпала. Таким образом, синтаксические служебные слова не всегда могут служить средством разграничения исходных и производных конструкций. Для решения этого вопроса в более общем виде следует рассмотреть, в чем состоит речевая реализация модели или, иначе говоря, ее актуализация.

Под актуализацией в современной лингвистике понимают «соотнесение потенциального (виртуального) знака с действительностью, состоящее в приспособлении виртуальных элементов языка к требованиям данной речевой ситуации посредством актуализаторов» [1]. Актуализация — понятие, затрагивающее в равной мере лексику и синтаксис, поскольку соотнесение лексемы с действительностью происходит в рамках того или иного синтаксического построения.

Применительно к лексике актуализация состоит в переводе лексической единицы из словаря в текст, в связи с чем лексическая единица может приобретать некоторые семантические характеристики, которых она лишена в словаре. Такие семантические характеристики, налагающиеся на лексические и синтаксические значения, можно условиться называть значениями коммуникативными. Примером может служить детерминированность существительного — неперемное условие инверсии дополнения; ср.: $tôi^1 đọc^6 sách^5$ «Я читаю книгу», но: $sách^5 này^2 tôi^1 đọc^6 rồi^2$ «Эту книгу я уже прочел». Несколько упрощая реальное положение вещей, можно было бы подразделить представленный в словаре лексический материал на слова, требующие актуализации при включении в текст (существительные, глаголы, прилагательные) и слова, выступающие в качестве актуализаторов (наречия, частицы, детерминативы, некоторые морфологические служебные слова). Разумеется, это очень условное подразделение, вне рамок которого остается определенная часть лексики (междометия, синтаксические служебные слова).

Условимся различать нулевую и ненулевую ступени актуализации. Первая соответствует референтному употреблению понятия, будь то понятие предмета или признака, вторая, ненулевая ступень — референтному употреблению. Для существительного нулевая ступень актуализации имеет место при обозначении класса предметов, в чем и состоит внеконтекстное, словарное значение существительного ($meo^2 la^2 đống^6 vât^6$ «Кошка — животное»), тогда как ненулевая ступень актуализации сводится, в сущности, к выделению предмета из класса подобных, что может иметь различные грамматические реализации: детерминированность ($con^1 meo^2 này^2 của^4 tôi^1$ «Эта кошка — моя»), пространственная локализация ($anh^4 đây^1!$ «Вот снимок!»), характеристика по линии определенности / неопределенности для слушающего ($tôi^1 có^5 một^6 cuốn^5 sách^5 rất^5 hay^1$ «У меня есть одна интересная книга»).

Для предикатива нулевая ступень актуализации сводится к отсутствию финитности, т. е. к обозначению признака вне временных и количественных характеристик [7, с. 127]: $chim^1 bay^1$ «Птицы летают»; ненулевая ступень предполагает временную локализацию признака, его количественную характеристику ($chim^1 sẽ^3 bay^1$ «Птицы будут летать»; $nhà^2 cao^1 lăm^5$ «Дом очень высок»).

Применительно к синтаксической модели тоже можно говорить о нулевой и ненулевой ступени актуализации. В первом случае для реализации модели в качестве высказывания достаточно простой замены абстрактных символов конкретными лексемами, например: $S_1VS_2 \rightarrow sinh^1 viên^1 đọc^6 sách^5$ «Студенты читают книги». Во втором случае простой замены абстрактных символов конкретными лексемами оказывается явно недостаточно, поскольку необходимо передать еще и сопутствующие данной реализации коммуникативные значения, эксплицитным выражением которых и являются актуализаторы. Во вьетнамском языкознании уже был подмечен тот факт, что часто бывает достаточно всего-навсего добавить

слова вроде $l\grave{a}m^5$ «очень», se^3 (показатель будущего времени), qua^5 «слишком», $g\ddot{o}i^2$ «уже» для того, чтобы превратить конструкцию в полноценное высказывание [24, с. 66].

При речевой реализации модели предложения используются не только актуализаторы лексики, но и актуализаторы, обслуживающие высказывание в целом. К их числу относятся, например, модальные частицы, актуализирующая роль которых возрастает пропорционально той «деформации», которой подвергается модель предложения в процессе актуализации. В частности, опущение в предложении тех или иных его членов приводит к тому, что модальная частица может сделаться обязательной для функционирования эллиптической конструкции в качестве полноценного высказывания [19].

Нулевая ступень актуализации является признаком исходного порядка слов; ненулевая ступень, в случае ее обязательности, свидетельствует о той или иной речевой «деформации» модели: неполной реализации (эллипсисе), производном порядке слов. Таким образом можно установить, что, к примеру, исходным порядком слов в конструкциях с переходным глаголом в качестве ядра является «Подлежащее — Глагол — Дополнение». Последовательность «Глагол — Подлежащее» является исходной для конструкций с бытийными глаголами ($h\grave{e}t^5\ t\grave{i}\grave{e}n^2$ «Кончились деньги»), поскольку инверсия зависимого подлежащего ($t\grave{i}\grave{e}n^2\ h\grave{e}t^5$ «Деньги кончились») обусловлена его детерминированностью. В связочных конструкциях последовательность $t\grave{o}i^1\ la^2\ sinh^1\ vi\grave{e}n^1$ «Я студент» является исходной по отношению к последовательности $sinh^1\ vi\grave{e}n^1\ \grave{a}y^5\ ch\grave{i}nh^5\ la^2\ t\grave{o}i^1$ «Тот студент — это я и есть».

В связи с вопросом об актуализации представляется целесообразным специально рассмотреть омонимию предикативных и атрибутивных конструкций, наиболее типичная разновидность которых представляет собою сочетание существительного и предикатива (SV): $chim^1\ bay^1$ «1) птицы летают, 2) летящие птицы»; $pha^2\ cao^1$ «1) высокий дом, 2) дом — высокий». Только словосочетания, в которых на месте существительного стоит личное местоимение, однозначно интерпретируются в качестве предикативных, поскольку местоимения не могут иметь определений. В остальных случаях омонимия предикативных и атрибутивных сочетаний снимается только на уровне высказывания.

На нулевой ступени актуализации структура SV может быть реализована как предикативное сочетание лишь тогда, когда она фактически является конструктивной базой предложений, передающих значение «класс предметов — его типичный признак»: $chim^1\ bay^1$ «Птицы летают» (т. е. птицам свойственно летать); $cho^5\ sua^4$ «Собаки лают» [24, с. 67]. Поскольку такие действия как, скажем, «идти» или «сидеть», нельзя рассматривать как типичный признак человека, нижеприводимые словосочетания вне контекста будут скорее всего восприняты как атрибутивные: $ngu'o'i^2\ đ\grave{i}^1$ «идущий человек», $ngu'o'i^2\ ng\ddot{o}i^2$ «сидящий человек»; ср.: $sinh^1\ vi\grave{e}n^1\ hoc^6$ «Студенты учатся».

Во всех остальных случаях структуры SV реализуются в качестве предикативных на ненулевой ступени актуализации. Если при этом в высказывании отсутствуют актуализаторы, то имеет место устанавливаемая контекстом детерминированность существительного или финитность предикатива, так что зависимость подобных высказываний от контекста весьма велика. Они функционируют как зависимые высказывания, существующие в тесной связи с другими высказываниями; ср. [7, с. 128; 18]. Вот начало одной журнальной заметки:

— $Chi^6\ va^2\ chau^5\ ng\ddot{o}i^2\ xu\grave{o}ng^5\ đ\grave{a}y^1$.

— $Cam^4\ o'n^1\ anh^1$.

$Xe^1\ sh\grave{a}t^6$. $Tro'i^2\ nong^6$. $Ngu'o'i^2\ me^6\ tre^4\ vo'i^5\ đ\grave{u}'a^5\ con^1\ ba^1$, $b\ddot{o}n^5\ thang^5$ $tr\grave{e}n^1\ tay^1\ v\grave{a}n^3\ co^5\ đ\grave{u}'o'c^6\ m\ddot{o}t^6\ ch\ddot{o}^3\ ng\ddot{o}i^2\ tr\grave{e}n^1\ xe^1$, $m\grave{a}c^6\ đ\grave{a}u^2\ l\grave{e}n^1\ xe^1\ ch\grave{a}m^6$ $ho'n^1\ nhu'ng^3\ ngu'o'i^2\ khac^5$ («Ti\grave{e}n^2\ phong^1»).

«— С ребенком, садитесь.

— Спасибо.

Автобус набит. Погода жаркая. Но молодой женщине с трех-четырёхме-

сячным ребенком на руках все-таки нашлось место, хотя она и вошла позже других».

Следует, однако, подчеркнуть, что сама по себе ненулевая ступень актуализации структуры SV, в частности детерминированность существительного, еще не обеспечивает однозначной интерпретации сочетания в качестве предикативного, как это иногда полагают [24, с. 67]. Дело не в детерминированности существительного как таковой, а в том, что можно было бы назвать коммуникативной интерпретацией отношения «предмет — признак», грамматическим выражением чего является граница группы существительного, проходящая либо после сочетания в целом, либо внутри его. Сравним: $pha^2\ sao^1\ nau^2$ «этот высокий дом» (выделение предмета из ряда однородных по некоторому признаку — $pha^2\ paø^2?$ «какой дом?»); $pha^2\ nau^2\ saø^1$ «этот дом — высокий» (приписывание признака некоторому предмету — $pha^2\ nhu^1\ thø^5\ paø^2?$ «каков дом?»). Таким образом, распространенная точка зрения, согласно которой определение и сказуемое семантически идентичны, справедлива лишь в той мере, в какой речь идет о денотативной семантике. Оба эти функциональных элемента обозначают признак, но их коммуникативная семантика различна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 37.
2. Бурлакова В. В. Подчинительные группы субстантивного состава в современном английском языке. — В кн.: Исследования структуры английского языка. Ижевск, 1978, с. 4.
3. Валимова Г. В. О предложении и других структурах коммуникативного синтаксиса. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков: Тезисы докладов. Л., 1971, с. 6.
4. Вейхман Г. А. Признаки неполноты предложения в современном английском языке. — ФН, 1962, № 4, с. 92.
5. Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке. — ВЯ, 1979, № 6.
6. Грепель М. К сущности типов предложений в славянских языках. — ВЯ, 1967, № 5, с. 60.
7. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. 1. Части речи. М.—Л., 1952.
8. Жирмунский В. М. О границах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963, с. 24.
9. Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке. — ВЯ, 1967, № 6, с. 94.
10. Золотова Г. А. К типологии простого предложения. — ВЯ, 1978, № 3.
11. Золотова Г. А. О «Синтаксическом словаре русского языка». — ВЯ, 1980, № 4, с. 72.
12. Кочбин Р. Ю., Авербух К. Я. Еще раз о словосочетании. — ФН, 1979, № 5, с. 87.
13. Мухин А. М. О предложении, синтагме и фразе. (В связи с вопросом об основной синтаксической единице). — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 102.
14. Нгуен Миль Тхюет. Подлежащее во вьетнамском языке. Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. ЛГУ, 1981.
15. Падучева Е. В. О способах представления синтаксической структуры предложения. — ВЯ, 1964, № 2, с. 101.
16. Панфилов В. С. Актуальное членение предложений во вьетнамском языке. — ВЯ, 1980, № 1.
17. Резвин И. И. Современная структурная лингвистика. М., 1977, с. 186.
18. Румянцев М. К. О зависимых и самостоятельных предложениях в современном китайском языке. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 3—5.
19. Фан Мань Хунг. Модальные частицы во вьетнамском языке. Дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. ЛГУ, 1982, с. 32.
20. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979, с. 293—298.
21. Шевцова Н. Ю. Об основных синтаксических единицах и аспектах их изучения. — В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 126.
22. Янус Э. Обзор польских работ по структуре текста. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 334, 337.
23. Яхонтов С. Е. Принципы выделения членов предложения в китайском языке. — В кн.: Языки Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1971, с. 253.
24. $Diêp^6\ Quang^4\ Ban^1. Tim^2\ sach^5\ giup^5\ thê^1\ cho^1\ hoc^6\ sinh^1\ viêt^5\ đung^5\ câu^1\ tiếng^5\ Viêt^6.$ — *Ngôn^1\ ngu^3*, 1976, No 4.
25. $Hø^2\ Lê^1. Vãn^5\ đê^2\ câu^5\ tao^6\ tu^2\ cua^4\ tiếng^5\ Viêt^6\ hiên^6\ đai^6.$ *Ha^2\ Nôi^6*, 1976, с. 353.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ЯЦЕВИЧ Л. Г.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Необходимость изучения структурной и функциональной неоднородности значения предметности обусловлена задачами теоретическими и практическими.

В теоретическом плане на современном этапе развития грамматических исследований возникла определенная диспропорция, во-первых, между достижениями в области семантической морфологии глагола и семантической морфологией имени существительного, во-вторых, между основными понятиями функционального синтаксиса и традиционной морфологической терминологией (и соответствующими понятиями). На наш взгляд, назрела необходимость использовать положительный опыт функционального анализа морфологических категорий глагола для исследования морфологической семантики имен существительных. Мы имеем в виду прежде всего исследование А. В. Бондарко функционально-семантических комплексов, имеющих морфологическое ядро, а также последовательно проводимый в его работах принцип разграничения языкового и логического содержания, характеристистку различных типов языковой семантики [1—6]. Кроме этого, новые научные идеи в области семантического синтаксиса и коммуникативных грамматик также должны стимулировать развитие функционального анализа русских имен существительных [7—15].

Практическую значимость подобного подхода к изучению морфологии существительных мы видим в том, что создание внутриязыковой типологии категориальной семантики существительных позволит, во-первых, в результате систематизации номинативных единиц, объединенных данным значением, выявить не изученные ранее языковые средства периферийного характера, которые тем не менее обнаруживают в современном языке продуктивность и регулярность в употреблении. Во-вторых, только при наличии такой внутриязыковой типологии возможен в полном объеме сравнительно-сопоставительный анализ морфологии имен существительных в различных функциональных сферах одного языка, в близкородственных языках, а также в неродственных и родственных языках различного грамматического типа.

Развитие грамматической концепции А. А. Потебни о языковом содержании категориальной семантики в морфологии мы находим на современном этапе в работах А. В. Бондарко и И. И. Ревзина. Методическими установками в области семантического исследования морфологии, которые излагаются в их работах, мы и будем руководствоваться в нашем описании типологии категориального значения предметности.

Категориальное значение предметности рассматривается нами как языковое содержание интерпретационного характера. А. В. Бондарко, сопоставляя языковое содержание с мыслительным, так характеризует его: «Языковое (семантическое) содержание есть мыслительное (понятийное, смысловое) в своей основе содержит и в) выраженные средствами данного языка; б) структурированное языковыми единицами и их соотношениями; в) включенное, таким образом, в систему данного языка и образующее его содержательную сторону, т. е. выступающее как содержание языковых единиц, их комплексов и сочетаний в системе языка и в процессе его функционирования, г) отра-

жающее различие и взаимодействие аспектов и уровней языка (что выявляется в дифференциации лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических значений, д) социально объектированное в данном языковом коллективе, е) заключающее в себе определенный способ представления (языковую интерпретацию) понятийной основы содержания» [4, с. 5].

На интерпретационный характер категориальной семантики частей речи, в частности, имени существительного, указывали в свое время А. А. Потемня [16], А. А. Шахматов [17], А. М. Пешковский [18]. В. В. Виноградов писал, что «деление частей речи на основные грамматические категории обусловлено... различиями в способе отражения действительности» [19, с. 38; см. также 11].

В данной статье описываются типы значения предметности в зависимости от средств его объективации в номинативных единицах русского языка. Рассматриваются такие номинативные единицы, у которых предметность является тем категориальным смыслом, который, по мнению И. И. Ревзина, отражает способ «представления объекта в знаке» [13, с. 37]. Поэтому, естественно, в номинативных единицах различной структуры обнаруживается варьирование значения предметности. Имеется в виду следующее. Общеизвестно обоснованное Л. В. Щербой положение о том, что категориальное значение части речи определяет ее морфологический и синтаксический статусы и может быть объективировано в системе ее формообразования, словообразования и синтаксиса. Однако, как отмечают В. Г. Адмони и другие исследователи [20—22], части речи имеют полевую структуру. Реально в языке и речи у слов с общей категориальной семантикой способы ее выражения могут быть различными. Поэтому в грамматических исследованиях возникают разногласия в определении границ той или иной части речи, в грамматической квалификации слов, не имеющих полного набора отличительных признаков части речи. Нам представляется целесообразным, используя разработанную в функциональной морфологии методику анализа языковых объектов, имеющих полевую структуру, охарактеризовать систему номинативных единиц русского языка, функционально объединенных по значению предметности.

Насколько нам известно, выделение и характеристика подклассов внутри класса субстантивных номинативных единиц русского языка [23] с целью выявления способов языковой формализации значения предметности и внутриязыковой его типологии в научной литературе не проводились. При такой классификации, как нам представляется, необходимо учитывать следующие факторы: 1) синтетическим или аналитическим способом выражено категориальное значение предметности; 2) выражена ли предметность специальными средствами в структуре номинативной единицы; 3) на каких уровнях слова объективируется значение предметности в случае его синтетического выражения, каковы средства его формального выражения в аналитических номинациях; 4) первичным или вторичным является предметное значение; 5) какие виды формального распространения класса субстантивов наблюдаются в русском языке; 6) какие типы транспозиционного распространения предметности наблюдаются при формировании субстантивных номинативных единиц; 7) как грамматически дифференцируются номинативные единицы субстантивного класса по ономаσιологическому базису; 8) как они грамматически дифференцируются по ономаσιологическому признаку. В данной статье мы рассмотрим только некоторые из этих факторов.

Синтетические и аналитические способы обозначения предметности. Правомерность такого разграничения обусловлена тем, что значение предметности рассматривается как ономаσιологическая категория [7, 11, 14]. Мы исходим из следующих основных положений функциональной ономаσιологии. Категориальное значение части речи, в данном случае имени существительного, лежит в основе более обширных группировок номинаций — номинативных классов [24, с. 10; 11]. В. М. Никитевич отмечает, что ономаσιологическое членение текста не обязательно соответствует членению на отдельные слова. «Номинация как процесс — это создание

слова или коммуникативного заместителя слова во всех тех случаях, когда нет готового слова или когда оно не вполне удовлетворяет целям высказывания» [24, с. 14]. Ср.: (1) «А я вот сейчас... поднимусь по водосточке и увижу, есть вы или нет» (А. Лиханов, Солнечное затмение) — «водосточная труба»; (2) «В общем, аргументировал начальник главка достаточно убедительно, ...тарасовцы сияли, а семеновцы повесили носы (М. Макасов, Особые обстоятельства) — «сторонники Тарасова» и «сторонники Семенова».

Однословные и неоднословные номинации субстантивного класса характеризуются большой неоднородностью своей структуры, что обуславливает значительные расхождения в их категориальном значении предметности. Поэтому говорить о специфике субстантивного значения этих единиц можно только после того, когда будут охарактеризованы их формально-грамматические особенности.

Для этого, прежде всего, нужно выяснить, выражена ли предметность формальными средствами в структуре номинативной единицы или такие показатели отсутствуют. В однословных номинациях, т. е. у обычных имен существительных, как известно, существует целая система внутрисловных формальных показателей категориального значения: 1) собственно морфологические показатели — окончания с грамматическими значениями рода, числа и падежа; 2) словообразовательные показатели у производных существительных — форманты, всегда имеющие определенную «частеречную» отнесенность. Кроме этого, грамматическая оформленность существительных обнаруживается синтагматически в грамматических связях с другими словами. Однако внешние формальные показатели предметного значения слова следует противопоставить внутрисловным показателям. Дело в том, что внутрисловные морфологические и словообразовательные показатели характеризуют не все существительные. Известно, что система флексий отсутствует у несклоняемых существительных, а словообразовательных формантов нет у производных слов. Синтагматические же показатели охватывают весь класс субстантивов, хотя они не всегда функционально однородны. На этом основании издавна многие грамматисты [16, с. 6; 17, с. 420, 427 и др.] высказывали с различной степенью категоричности мысль о том, что «части речи — понятие вторичное по отношению к идее синтаксических значимостей» [13, с. 130]. Это положение, если не понимать его в генетическом плане, кажется нам весьма проблематичным, но в данной статье мы не имеем возможности углубляться в теорию этого вопроса. Хотелось бы только в связи с рассмотрением имен существительных обратить внимание на то, что степень синтагматической специфики имен существительных зависит, как это будет показано далее, от степени морфологической оформленности слов. И. И. Ревзин, рассматривая вопрос о морфологических и дистрибутивно-синтаксических критериях определения и описания грамматических категорий и частей речи, ввел две типологические характеристики грамматических единиц языка: «1) язык называется открыто детерминированным, если в нем вся информация о дистрибутивных ограничениях выводится из морфологических категорий слов; 2) язык называется скрыто детерминированным, если в нем никакая информация о дистрибутивных ограничениях не выводится из морфологических категорий слова» [13, с. 137].

В русском языке, кроме основного способа обозначения предметности с помощью грамматического класса имен существительных, располагающих системой специальных морфологических средств выражения данной категории, существуют и другие, периферийные, способы предметной номинации.

В процессе речи возникает потребность, наряду с узуально закрепленными субстантивными номинациями, использовать и речевые номинации, подвижно ориентированные на конкретный речевой акт и субъективные намерения говорящего. Морфология русских существительных, в отличие от морфологии русских глаголов, не имеет коммуникативной ориентации. Морфологические категории русского существительного не ориентируют лексическое содержание предметных слов на коммуникативный акт.

А. В. Бондарко род, число и падеж существительных относит к неактуализационным морфологическим категориям, т. е. категориям, не передающим «тот или иной аспект отношения содержания высказывания к действительности с позиции говорящего» [3, с. 50]. Таким образом, предметное значение имен существительных коммуникативно не дифференцировано внутрисловными морфологическими средствами. Предлагая функциональную типологию частей речи, О. Г. Ревзина, наряду с тремя другими признаками (термовость, когнитивность, эксплицитная зависимость), указывает на признак коммуникативности: «противопоставляются части речи, общее значение и оформление которых немислимо вне коммуникативных значений, тем, в которых коммуникативность вообще отсутствует или второстепенна» [14, с. 78; см. также 13, с. 130]. В своей классификации кроме существительных, в категориальную характеристику которых не входят коммуникативные показатели, О. Г. Ревзина выделяет коммуникативные существительные — личные местоимения [14, с. 78], что соответствует одной из известных традиций грамматической интерпретации местоимений. Интерес представляет (для функциональной морфологии существительных) то, что автор показал «роль личных местоимений 3-го лица как операторов первичного отождествления в коммуникативном акте для формирования понятия термового слова и далее категории существительного» [14, с. 77].

Периферийные предметные номинации в русском языке разнообразны по своей структуре. Однако в целом следует указать на два структурных класса. Во-первых, выделяются деривационные сочетания со значением предметности [24], включающие в свой состав местоимения-существительные или существительные с широкой категориальной семантикой, т. е. слова, обладающие специальными показателями субстантивности как ономаσιологического базиса номинативной единицы. Во-вторых, выделяются речевые субстантивные номинации, в структуре которых предметность как ономаσιологический базис не имеет формального выражения. Форма таких номинаций выражает только ономаσιологический признак.

В первом случае неоднословные субстантивные номинации имеют аналитические средства обозначения предметности, причем степень грамматикализованности этих средств различна. С этой точки зрения можно выделить три типа аналитических номинаций, которые мы последовательно рассмотрим.

1. Номинации с грамматическим аналитическим средством выражения предметности. Это аналитические номинации, опирающиеся на местоимения. По мнению Л. Я. Маловицкого, местоимения как особый тип языкового обозначения характеризуются прономинальной абстракцией, «которая выявляет общие черты как с лексической, так и с грамматической абстракциями. По объекту обобщения — это абстракция лексическая, так как обобщает вещи, денотаты. По способу обобщения — это абстракция грамматическая, так как обобщение исходит из отношений, а не из внутренних свойств денотатов» [25, с. 187]. Конструктивная функция местоимений в составе деривационных сочетаний усиливает грамматикализованность их значения. Данные деривационные сочетания характерны в основном для номинативной системы устной разговорной речи. Их структура так описана в книге «Русская разговорная речь»: «...к местоимению могут примыкать формы различных грамматических классов. Местоимение... выступает в роли аналитического субстантиватора, формального базиса номинации» [26, с. 270—271].

По материалам, представленным в монографии «Русская разговорная речь», а также по нашим данным (записям устной речи, а также фактически материалу, извлеченному из художественных и газетно-публицистических текстов), в роли аналитического субстантиватора могут выступать местоимения различных разрядов.

1) Указательное местоимение + лексический конкретизатор [26, с. 270]. Лексическим конкретизатором может быть предложно-падежная форма существительного: 1) Где у вас *эти...* из Бреста разместились?; 2) *Эта...*

с книгами сейчас придет; инфинитив: (1) Завтра вызываем *этого... чинить* [26, с. 270]; (2) Дай мне *эти ... раскрашивать*; прилагательное: *Этот... черный* опять пришел; наречие: *Этот... внизу* опять бушует.

2) Лично-указательные местоимения *он, она, оно, они* + лексический конкретизатор. В качестве последнего выступают предложно-падежные формы существительных [26, с. 273]: (1) *В райисполкоме... они* что тебе сказали? [26, с. 274]; (2) *В больнице... они* как это лечат?; прилагательные: (1) *Кирпичный... его* под снос? (2) «Но они стояли как-то отдельно, словно не имели никакого отношения к нему *сегодняшнему*» (П. Халов, На краю земли).

Во всех рассмотренных случаях выражается определенная предметность.

3) Аналитическим субстантиватором часто являются неопределенные местоимения. В этом случае создаются номинативные единицы со значением неопределенной предметности: (1) «А на стене — а на стене *недвижный кто-то, черный кто-то* людей считает в тишине» (А. Блок, Фабрика); (2) «С головой открытой *кто-то* в *красном платье* поднимал на воздух малое дитя» (А. Блок, Повесть).

4) Аналитические номинации также могут опираться на вопросительно-относительные местоимения: (1) *Кто без сапог* остановились перед этим препятствием; (2) *У кого дача* уехали еще в субботу. В этом случае номинации обозначают обобщенно-собирательную предметность.

5) Такое же предметное значение выражают сочетания с местоимением *весь* (чаще в форме среднего рода — *всё*): (1) «Теперь вопрос о том, чтобы *весь намеченное и утвержденное* воплотилось в реальность» (Изв., 1982, 7 янв.); (2) «Он любил *всё искусственное*» (К. Паустовский, Оскар Уайльд); (3) «*Все живое* особой метой отмечается с ранних пор» (С. Есенин, Все живое особой метой...).

История формирования рассмотренных выше конструкций описана в научной литературе по исторической грамматике русского языка, например, в работах Л. Я. Маловицкого, в которых исследуется развитие конструктивных функций предметно-личных местоимений [27]. К изучению конструкций с местоимениями обращаются и исследователи семантики современного языка [7, с. 348—350].

II. Номинации, аналитическим средством выражения предметности у которых являются имена существительные широкой категориальной семантики (которые часто подвергаются прономинализации). Это такие существительные, как *явление, дело, момент, отношение, начало, человек, люди* и некоторые другие: (1) «Он твердо знал, что та незначительная и случайная деятельность, которой он занимался, — *явление временное и преходящее*» (А. Житинский, Лестница); (2) «И встретив *доброжелательное, заинтересованное отношение* (ср. *доброжелательность, заинтересованность*. — Я. Л.) человека, бывшего для меня еще в войну легендой, я рассказал все» (М. Максатов, Особые обстоятельства); (3) «Заказчики были против, *представители института и министерства* — за» (там же); (4) «Пробуждаются и выходят наружу *дремлющие* и до поры до времени *скрытые* в нем *моменты*» (В. Днепров, Идеи времени и формы времени); (5) «...Многозначительные намеки, связанные с одной из главных идей романа „Волшебная гора“: отношением *инстинктивно-органического начала* в человеке к *началу светлоразумному* (там же); (6) «*Семья, говорит, дело тайное, секретное*» (А. Н. Островский, Гроза); (7) «Шутили над борттехником, который вез для *„нужного человека“* здоровенную рыбину, завернув в брезентовый чехол» (П. Халов, На краю земли).

III. Номинации, аналитическим средством выражения предметности у которых являются имена существительные с классифицирующим родовым значением. Они часто встречаются в газетно-публицистических текстах: (1) «Эксплуатационники произвели дополнительно более 400 тонн *куриного мяса*» (Изв., 1982, 7 янв.); (2) «Все участники *стройки* трудились по принципу „рабочей эстафеты“» (Изв., 1982, 7 янв.); (3) *Политические события, международные события, военные события*; (4) *питательные вещества, лекарственные вещества, ядовитые вещества* и др.

Выше были рассмотрены синтетические и аналитические номинативные единицы, категориальное значение предметности у которых формально выражено в их структуре. Кроме них, как мы уже отмечали выше, в русской речи различных функциональных сфер регулярно используются субстантивные номинации, у которых предметность не выражается формально в их структуре и обнаруживается только по их семантической и синтаксической позиции в высказывании. Система таких речевых номинаций субстантивного класса до сих пор не имеет научного описания и в полной мере не выявлена. Укажем основные разновидности таких номинаций.

1) Субстантивная транспозиция причастий, прилагательных, числительных, местоимений: (1) «Наконец дизели заглушили. Карлов вернулся на *твердое*, обошел это *гибкое* место... От *твердого* его отделяло метров 50...» (П. Халов, На краю земли); (2) «В *неприятное* они не углублялись» (А. Лиханов, Солнечное затмение); (3) «Там сносили *старое*, чтобы построить *новое* (там же) [28].

2) Субстантивная номинация, осуществляемая в высказывании с помощью наречий, когда они обозначают тему высказывания: (1) *Дома* знают об этом; (2) *Внизу* успели приготовиться.

3) Субстантивная номинация, осуществляемая словоформами имен существительных в косвенных падежах, обозначающих тему высказывания: (1) *Из Москвы* вернулись? (Те, кто уехал в Москву); (2) У вас есть *от кашля*?; (3) *С мезонином* это ваш? (4) За мной *с книгами* (стереотипы очереди), (5) *За стеной* замолчали. В книге «Русская разговорная речь» так характеризуются подобные номинации: «...„прямое“ название лица или предмета в номинации отсутствует. Она содержит лишь название признаков либо действий лица или предмета — типических или обнаруживаемых в данной ситуации. Такие номинации являются своеобразными семантическими конденсатами, содержащими *implicite* не названное прямо имя лица или предмета» [26, с. 227].

4) Субстантивные номинации, осуществляемые именными конструкциями в косвенных падежах: «*И в желтых окнах* засмеялись, что этих нищих провели» (А. Блок, Фабрика).

5) Субстантивная номинация, осуществляемая с помощью инфинитива, обозначающего тему высказывания: (1) *Покупать* не пришли (ср.: *покупатели* не пришли); (2) *Возвращаться* опасно (ср.: *возвращение* опасно).

6) Субстантивные номинации, осуществляемые глагольными конструкциями: (1) *Из Минска приехала* живет здесь?; (2) *Пивом торгует*... заболел; (3) *С собачкой гуляет* не появляется больше.

Наблюдения над способами выражения предметности в субстантивных номинативных единицах позволяют сделать ряд выводов.

1. Предметность является коммуникативно-семантической категорией, которая по-разному обнаруживает себя на различных уровнях языка. Морфологическим ядром этой категории являются склоняемые имена существительные и местоимения — существительные. Конструктивные свойства морфологической предметности активно проявляются при создании производных номинативных единиц, синтетических (производные имена существительные) и аналитических (речевые аналитические конструкции с местоимениями).

2. Периферийные номинативные единицы со значением предметности в русском языке очень разнообразны по своей структуре и функциям. Это можно объяснить тем, что в языке наблюдается, с одной стороны, тенденция к коммуникативной дифференциации предметности как ономастиологического базиса, а с другой стороны, тенденция к бесконечной семантической дифференциации ономастиологических признаков субстантивных единиц «по заказу» бесконечных коммуникативных ситуаций, которые обслуживает язык.

Коммуникативная дифференциация предметности как ономастиологического базиса (первая тенденция) обнаруживается в речевых аналитических номинациях с местоимениями-субстантиваторами или существительными-классификаторами. Семантическая дифференциация ономастиоло-

логических признаков субстантивных номинативных единиц по требованию речевой ситуации (вторая тенденция) проявляется в употреблении различного рода речевых субстантивов, а также в использовании для обозначения предметности словоформ различных частей речи или именных и глагольных конструкций.

3) В русском языке существуют различные способы объективации значения предметности. С этой точки зрения различаются два типа субстантивных номинативных единиц: 1) номинативные единицы, в структуре которых предметность формально выражена или морфемами субстантивной ориентации (в синтаксических единицах), или служебными словами-субстантиваторами (в аналитических единицах); 2) номинативные единицы, в структуре которых нет формальных средств выражения предметности, поэтому субстантивный ономаσιологический базис обнаруживается только по их семантической и синтаксической позиции в высказывании.

Способ объективации предметного значения определяет внутреннюю форму субстантивных номинативных единиц, их грамматическую структуру, а также их семантический потенциал в речевой деятельности. Вопрос о функциональной неоднородности субстантивных номинативных единиц составляет предмет отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление). Л., 1971.
2. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
4. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
5. Бондарко А. В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
6. Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц. — В кн.: Функциональный анализ грамматических единиц. Сб. научных трудов. Л., 1980.
7. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
8. Забавников Б. Н. О неадекватности «имманентных» грамматик. — ВЯ, 1980, № 6.
9. Забавников Б. Н. О некоторых элементах адекватного определения языкового знака в коммуникативно-ориентированной лингвистике. — ФН, 1980, № 3.
10. Забавников Б. Н. Методологические аспекты коммуникативно-ориентированной грамматики. — ИАН СЛЯ, 1980, № 1.
11. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
12. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 34—37.
13. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.
14. Ревзина О. Г. Функциональный подход к языку и категория определенности — неопределенности. — В кн.: Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
15. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
16. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. М., 1968.
17. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
19. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. — Л., 1947.
20. Аджони В. Г. Полевая природа частей речи (на материале числительных). — В кн.: Вопросы теории частей речи. (На материале языков различных типов). Л., 1968.
21. Андреев Н. Д., Андреева Л. Д. Конструктивные уровни частей речи. — В кн.: Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов.
22. Супрун А. Е. Грамматические свойства слов и части речи. — В кн.: Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов.
23. Холодович А. А. Опыт теории подклассов слов. — ВЯ, 1960, № 1.
24. Никитевич В. М. Словообразование и деривационная грамматика. Ч. I. Алма-Ата, 1978.
25. Маловицкий Л. Я. Значение и обозначение. — В кн.: Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда, 1981.
26. Русская разговорная речь. Отв. ред. Земская Е. А. М., 1973.
27. Маловицкий Л. Я. Вопросы истории предметно-личных местоимений. — В кн.: Местоимения. Череповец, 1971.
28. Яцкевич Л. Г. О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи. — ФН, 1977, № 4.

КАНОНИЧ С. И.

ПРИНЦИПЫ ТИПОЛОГИИ КОНТЕКСТНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Грамматическая категория различных индоевропейских языков (в том числе французского и испанского, на материале которых строятся выводы в предлагаемой статье) содержит в своей семантической структуре два инвариантных значения: первичное, закрепленное за ней строем языка, и вторичное, возникающее при включении в контекст. Первичное инвариантное значение неизбежно, оно представляет грамматическую категорию как элемент строевой парадигмы и лежит в основе всех вторичных инвариантных значений категории, объединяя их в контекстную парадигму [1, с. 74].

Экстратемпоральное, т. е. отвлеченное от какого-либо определенного, но действительное для любого момента времени значение превалирует в тексте рекламы. Оно сопровождается дополнительным назидательным модальным оттенком. В тексте анкет и автобиографий настоящее время изъявительного наклонения привязано к моменту речи, но неограниченно в своей длительности. Конкретность значения настоящего времени в тексте анкет и автобиографий обусловлена соотносительностью с первым лицом ед. ч. В тексте уставов, кодексов и других законодательных документов в связи с их оценочной семантикой настоящее время изъявительного наклонения приобретает оттенок атемпоральности.

Каждый из перечисленных выше вторичных вариантов значим постольку, поскольку он представляет грамматическую парадигму определенного контекста, с элементами которой он согласуется семантически. В контексте анкет и биографий настоящее время согласуется с первым лицом ед. ч. как с семантической доминантой. В контексте законодательных текстов оно согласуется с другой семантической доминантой, а именно, с категорией нелица, чисто спорадически выражаемой формой третьего лица ед. ч. Различны и модальные оттенки, сопровождающие значение настоящего времени в названных контекстах. Перечисленные выше вторичные инвариантные значения настоящего времени образуются на базе первичного строевого инвариантного значения.

Исходя из этого, нетрудно сделать следующие выводы: 1) на основе единственного первичного инвариантного значения в языке формируются вторичные инвариантные значения, количество которых соответствует количеству лингвистически дискретных сфер общения; 2) между первичным и вторичным инвариантными значениями категории существует неразрывная связь, проявляющаяся в их обязательной совместимости. Подобно тому, как вторичное значение непременно возникает на основе первичного, первичное значение не функционирует в отрыве от вторичного. Рассуждения о «стилистически нейтральном» значении — результат недостаточной разработанности теории контекста; 3) органическая связь между первичным и вторичным инвариантными значениями грамматической категории семантизируется на пересечении двух парадигматических осей: оси строевой парадигмы и оси контекстных парадигм. При этом вторичное значение включается в две парадигмы: строевую и контекстную. Бытующее в исследованиях по стилистике разграничение первичных и вторичных значений по принадлежности к языку и речи соответственно не имеет под собой теоретической почвы. Первичные и вторичные значения существуют в неразрывной связи и взаимообусловленности. Можно высказать предположение, что первичные значения

исторически сформировались в системе вторичных значений, если принять во внимание тот очевидный факт, что язык изначально реализуется в своей социальной функции в определенной сфере общения.

Известный в настоящее время состав первичных значений грамматических категорий строится на материале литературно-разговорной речи, системный характер которой легче других контекстов поддается наблюдению. Любое явление языка функционально детерминировано, но выявление признаков функциональной детерминированности связано с целым рядом трудностей. Теоретические предпосылки и критерии их изучения только сейчас создаются теорией контекста.

Как средство социальной коммуникации язык существует в виде упорядоченной системы коммуникативных контекстов [2], инвариантное значение которых и включается в семантическую структуру грамматических категорий как вторичное. Описание функциональной семантики грамматических категорий без учета значений, проявляющихся в контекстных парадигмах, фактически неосуществимо.

Если первичное инвариантное значение носит сугубо лингвистический характер, являясь семантическим множителем для вторичных контекстных значений, вторичное значение отражает социально-исторический характер контекста. Оно включает в свою структуру коммуникативные и прагматические компоненты и обусловлено ситуацией речи [3, с. 133], социальными, биологическими, этническими, психологическими и другими характеристиками коммуникантов, темой и целью коммуникации, разновидностью канала коммуникации и предполагаемым эффектом. Весь объем коннотации сосредоточен именно во вторичном значении грамматической категории.

Контекстной грамматической категорией представляется возможным считать формально эксплицированную соотнесенность первичного значения со вторичным. Повторяющиеся в определенном контексте значения грамматических категорий, соответствующие коммуникативной цели контекста, образуют релевантную парадигму, полностью не совпадающую ни с какой другой парадигмой данного языка [4, с. 41]. Именно в этом состоит один из важнейших постулатов коммуникативной грамматики.

Контекстные грамматические категории часто лишены обычно приписываемых им признаков. Способность выражать ближайшее будущее, например, присуща настоящему времени изъявительного наклонения далеко не во всех контекстах. Такого значения настоящее время не может иметь ни в научном или в законодательном текстах, ни в тексте анкет и биографий. Не присуща настоящему времени в перечисленных выше текстах и побудительная модальность.

Коммуникативная специфика контекстной грамматической парадигмы отражена в ее доминантной семе. При этом целый ряд коммуникативных доминантных сем может объединяться единым частным признаком. Наиболее широким охватом обладает оппозиция между следующими двумя семами: *семой, представляющей ситуацию порождения речевого контакта, и семой, представляющей ситуацию, о которой идет речь*. Функция систем семантических и формальных признаков в языке состоит в дифференциации этих двух коммуникативных сфер, между которыми распределяются тексты, различающиеся между собой по многим более частным признакам [5, с. 421]. В первой из названных сфер в тексте эксплицируются моменты начала, развития и концовки речевого контакта — фатические, перформативные, вокативные, оценочные и эмоционально-экспрессивные элементы. Наиболее полно первая коммуникативная семантическая сфера представлена в текстах разговорной речи. Вторая семантическая коммуникативная сфера охватывает ситуацию, лежащую за пределами момента высказывания, но непосредственно с этим моментом не связанную. Основное информативное наполнение текстов обеспечивается второй семантической сферой, представляющей события в окружающем коммуникантов мире. Отвлеченность от ситуации речевого контакта характерна для научных, законодательных и многих других текстов. В диалогическом тексте часто возникает скрещивание признаков названных

семантических сфер, когда признаки ситуации речи превращаются в объект речи. Глобальное деление семантических признаков контекстных грамматических категорий по соотнесенности с одной из двух выше названных систем поддерживается оппозицией между семами частного, конкретного, с одной стороны, и семами общего, отвлеченного, с другой.

Известны концепции, согласно которым производство речи воплощает логические процессы, направленные от единичного к общему, а восприятие речи — от общего к частному, единичному [6, с. 10]. Оппозиция между общим и единичным составляет семантическое ядро всех контекстных грамматических категорий, способствует их распределению между коммуникативными сферами порождения речевого контакта и объекта речи. Оппозиция между единичностью и множественностью характерна для первой коммуникативной сферы и свидетельствует о преобладании в этой сфере конкретных значений. Во второй семантической сфере оппозиция между общим и частным передко нейтрализуется отвлеченным значением контекста. Дифференцируются рассматриваемые нами коммуникативные семантические сферы и по признаку монотемности или политемности одного текста. Различие между контекстом речи и контекстом объекта речи, следовательно, не в том, что один из них монотемный, а другой политемный. Оба контекста тематически разнообразны. Однако если в контексте речи текст обычно обладает признаком политемности, в контексте, представляющем объект речи, текст чаще закреплен за одной по преимуществу темой.

Это обстоятельство изменяет общую семантическую структуру контекстов. Так, например, в контексте научной коммуникации весь объем энциклопедических знаний тематически дифференцирован: текст как единица контекста полностью посвящается в большинстве случаев лишь одной теме, одной области науки. Только одна тема охватывает обычно содержание делового документа, строго выдерживается тематическое деление по главам и статьям в законодательном тексте, в тексте газетного номера тематическое деление дифференцирует страницы, колонки, рубрики и т. д. Тематическая характеристика текста как единицы контекста оказывается, таким образом, весьма существенным его признаком. Закрепленность за текстом одной темы влечет за собой повышенную степень стереотипности формальной и семантической структур текста и соответствующую этому организацию грамматической парадигмы. Однотемные тексты более стереотипны, чем многотемные. Достаточно сравнить текст законодательный с текстом разговорной речи. Стереотипность темы научных текстов оформляется стереотипными значениями контекстных грамматических категорий, для которых характерно обобщенное значение и отвлеченность от ситуации речи. Для текстов разговорной речи характерны разнообразие тем, конкретность грамматических значений.

Единицей сопоставления по однотемности или многотемности является один текст или его раздел. Это уточнение существенно при анализе различия между такими коммуникативными единицами, как текст и контекст.

Еще один общий семантический признак отличает грамматические значения текстов, представляющих ситуацию возникновения речи, от текстов, представляющих ситуацию, о которой идет речь. Это — фактивность, преобладающая в текстах первого типа, и атрибутивность, преобладающая в текстах второго типа.

Характерное для текстов второго типа, т. е. для текстов, отвлеченных от ситуации речевого производства, обобщенное значение, тяготеющее к атрибутивности, нейтрализует конкретные оппозиции, резко изменяя тем самым состав грамматической парадигмы.

Проанализируем в качестве примера категорию лица. Обобщенное значение текста исключает форму третьего лица из оппозиции с первым и вторым лицами. В тексте рекламы, обладающем высоким уровнем обобщения, обусловленным коммуникативной задачей — привлечь внимание широкого круга читателей, выступающих в данном случае в социальной роли потенциальных покупателей предлагаемой продукции, — формы ли-

ца утрачивают конкретное значение, становятся синонимами, обозначающими категорию нелица, и различаются между собой только лишь стилистическим оттенком, напоминающим об их исходном инвариантном значении. Подчиненность грамматической семантики прагматической направленности текста нейтрализует оппозицию между первым, вторым и третьим лицами, придает всем этим формам семантику нелица. Абсолютное преобладание в законодательном тексте формы третьего лица с обобщенным значением, нигде не противопоставляемой формам первого и второго лиц, также полностью нейтрализует эту оппозицию, придает форме третьего лица особое грамматическое контекстное значение.

Вторичное инвариантное значение контекстной грамматической парадигмы отражает коммуникативную и прагматическую направленность текста, определяет отбор категорий и значений, способных их воплотить. Включение той или иной категории или значения в контекстную парадигму становится обязательным, парадигма приобретает жесткий замкнутый характер, что придает ее компонентам свойство обязательной и закономерной дополнительности. В парадигме контекста, отвлеченного от ситуации порождения речевого контакта, категории нелица дополняется категорией атемпоральности, категорией атрибутивности, объективной модальности, нечисла. Категория нечисла, как и категория нелица, возникает на базе нейтрализации конкретных оппозиций.

Связь с ситуацией высказывания в текстах первого типа выдвигает на передний план конкретные значения грамматических категорий: форма единственного числа указывает на единичность, единственность, уникальность. Форма множественного числа, напротив, воспринимается как отрицание единичности, как знак совокупности и одинаковости предметов.

В обобщенном тексте, т. е. в тексте второго типа, нередко форма единственного числа не вступает в отношение антонимии с формой множественного числа. Антонимическое отношение заменяется синонимическим. Форма числа может утрачивать оппозитивный признак, если употребление в тексте другого лица недопустимо, например: *Человеку свойственно ошибаться*.

Этим же семантическим закономерностям подвержен синтаксис. Существительное в функции подлежащего передает глаголу в функции сказуемого значение нечисла и нелица, например: *Услужливый дурак опаснее врага; Слова и иллюзии гибнут, факты остаются*.

Активно участвуют в выражении указанных закономерностей и артикли. Значения артиклей устанавливают связь между числом существительного и оппозицией «общее — частное» [7, с. 26]. Оппозиция «единственное число — множественное число» с помощью артикля локализуется в зоне конкретного значения существительного и дополняется оппозицией «осведомленность адресата речи об обозначенном существительным предмете — неосведомленность». Оппозиция «единственное число — множественное число» нейтрализуется в зоне обобщенного значения существительного. В зоне обобщенного контекстного значения существительного нейтрализуется также оппозиция «осведомленность адресата — неосведомленность» [8, с. 37]. Конкретное значение единственного числа определенного артикля, например, в испанском языке четко противопоставлено множественному числу и несет в себе сему отрицания множественного числа. Преобладание формы единственного числа при выражении обобщенного значения приводит к асимметрии категории числа определенного артикля.

Неопределенный артикль обнаруживает иную семантическую структуру категории числа. В значении единственного числа неопределенного артикля постоянно как бы вторым кадром проявляется сема множественного числа. Значение множественного числа включено в семантику формы единственного числа неопределенного артикля как при конкретном, так и при обобщенном в данном контексте существительном. Форме единственного числа неопределенного артикля как в испанском, так и во французском языке присуща дополнительная сема дистрибутивности, возни-

кающая в результате скрещивания значений единственного числа со значением множественного. Подобное значение не характерно для определенного артикля. Неопределенный артикль направляет внимание на соотношенность предмета с включающим его классом, сортом, видом. Можно предположить, что сема дистрибутивности, в которой присутствует маркер множественного числа, препятствует употреблению неопределенного артикля во множественном числе при конкретных в данном контексте существительных в испанском языке. При обобщенном существительном с атрибутивным значением неопределенный артикль в испанском языке, согласуясь в числе с существительным, может иметь как форму ед. ч., так и форму мн. ч., например: исп. *Eres un miserable; Sois unos miserables*. Обобщенное атрибутивное значение и в этом случае нейтрализует конкретную оппозицию между единственным и множественным числом. Таким образом, в зоне артиклевых функций категория «осведомленности — неосведомленности адресата» дополняет конкретное значение существительного, устанавливая тем самым еще одну линию связи с ситуацией порождения и развития речевого контакта.

Наиболее полно ситуация речепроизводства отражается в тексте диалогической речи, строящейся на попеременном приобщении к ней то одного, то другого коммуниканта. Описание смены коммуникативной роли говорящих по необходимости связано с учетом различных обстоятельств речепроизводства. Уже само по себе указание на манеру общения — непринужденную или, наоборот, сухо официальную, интимную или протокольную — дает представление о характере ситуации, специфически «настраивает» лингвистический аппарат, используемый для воплощения связи текста с моментом и условиями его возникновения. В текстах разговорной речи вычлениаются две лингвистически релевантные смысловые сферы: первая из них связана с процессом реализации коммуникативного контакта, вторая лишена такой связи, в ней представлен объект речи, отчужденный от обстановки высказывания. Соотношенность текста с ситуацией речепроизводства или с ситуацией, о которой идет речь, обобщенное или конкретное значение текста — все это способствует раскрытию новых ракурсов семантики грамматических категорий текста.

Синтаксическое оформление текстов с обобщенным значением отличается от синтаксического оформления текста с конкретным значением: во-первых, преобладает стереотипная структура предложения, во-вторых, — многообразие структур. Свообразие в реализации грамматической категории «осведомленность — неосведомленность адресата» накладывает печать на семантику текстов: обобщенные тексты предполагают заведомую осведомленность адресата об исходных постулатах текста. В коммуникативную задачу обобщенных текстов входит развитие и уточнение объема знаний, данных в пресуппозиции. Иной семантический характер носят конкретные тексты, связанные с речевой ситуацией. В этих текстах значение неосведомленности может быть связано с внезапностью, неожиданностью появления в ситуации нового предмета. Употребление артиклей может быть связано и с эмотивно-оценочным значением и с другими коннотациями, в которых проявляется отношение между коммуникантами, обусловленное коммуникативной задачей высказывания. От распределения в корпусе текста значений определенности и неопределенности во многом зависит семантический строй кореференции, конкретной синонимии и антонимии, соотношение прямых и переносных значений, характер используемых в тексте тропов.

Подведем итог. Типология контекстных грамматических категорий опирается на следующие признаки: 1) соотношение между первичными и вторичными инвариантными значениями грамматических форм; 2) соотношенность вторичных грамматических значений со смысловой сферой, представляющей ситуацию порождения и развития речевого контакта; 3) соотношенность вторичных грамматических значений со смысловой сферой, представляющей независимо от обстоятельств говорения ситуацию, о которой идет речь; 4) соотношенность вторичных грамматических

значений с доминирующим в тексте обобщенным или конкретным значением; 5) однотемность или политемность текста; 6) степень фиксированности, стереотипности смысловой и формальной сфер текста; 7) характер пресуппозиции в плане осведомленности или неосведомленности адресата; 8) системный парадигматический характер грамматических значений, дифференцирующих коммуникативные смысловые сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
2. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1981.
3. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. М., 1977.
4. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.
5. Бехерт Й. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
6. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris. 1919.
7. Bonnard H. Guillaume, il y a vingt ans. — Langue française, 1969, № 1.
8. Вайнрих Х. Текстовая функция французского артикля. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.

ВОСТОКОВА Г. В.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ СЛОЖНОГО СЛОВА

(об одном из значений *пол-/полу-* как первого компонента сложений в русском языке XI—XVII вв.)

Описание лексики в словарях русского языка различных типов (исторических, современных, диалектных и т. п.) в качестве основной лексикографической проблемы выдвигает проблему семантического содержания фиксируемых единиц. При этом лексикограф-историк нередко оказывается перед задачей толкования слова, обозначающего утраченную реалию или представление. Один из путей решения такой задачи лежит в изучении компонентов линейной структуры слова как целостной синтагмы и в определении его положения в многочисленных парадигматических рядах на различных уровнях языковой системы: грамматическом, словообразовательном, лексическом.

Цель статьи — проиллюстрировать возможности определения лексического значения слов на основе анализа значения общего компонента и их семантико-тематической отнесенности. Материалом для наблюдений служат сложения с *пол-/полу-* по данным памятников письменности XI—XVII вв. с привлечением фактов языка XVIII в., современного литературного языка и диалектов.

Модели сложений с *пол-/полу-* генетически восходят к сочетаниям существительного *полъ* с зависимым словом. Изолированное *полъ*, как указывает Г. А. Богатова, в древнерусском языке обладало сложившейся системой значений: «одна из двух частей чего-л., иногда неравных; половина», «середина чего-л.», «одна из сторон чего-л., берег» [1]. Эти значения реализуются и в составе сложений: 1) «половина», точная (в сочетании с числительными и наименованиями единиц измерения — *полтретья*, *полубочка*) и приблизительная (*съ полстакана*, *полцарства*), то же в составе наречий (*вполь*, *вполю*, *наполю*, *исполу*); 2) «граница между двумя половинами, середина чего-л. линейно протяженного», точная (*полдень*, *полночь*) и приблизительная, нередко обусловленная значением предлога (*съ полдороги*, *до полуноги*); 3) «одна из двух сторон чего-л., берег» (*обонъполъ*, *обаполъ*, *обапольный*).

В то же время связанное *полъ* развивает и такие значения, которые свойственны ему как отдельному слову только в части предложных употреблений (ср. далее примеры из памятников с лексикализованными формами *вполь*, *вполю*, *исполу*). Эти значения объединяются общим указанием на подобие, сходство предмета, названного сложением, с предметом, обозначенным второй частью (*полукафтанъ*, *полжубка*, *полукрюче*, *ползолотной*). Значения последней группы образований представляют особый интерес, как содержащие качественную характеристику объекта номинации.

Качественные значения *пол-/полу-* в литературе принято называть «наречными» в отличие от «числительных», указывающих на членение исходного объекта на две части (1-е и 2-е) или подразумевающих парность объектов (3-е). Очевидно, что между «наречными» и «числительными» значениями существует семантическая связь: качество именуемого объекта связано с представлением о его величине, степени интенсивности проявления признака (если речь идет о прилагательных); оно выступает как неполное, означая меньшую величину именуемого объекта, по сравнению с исходным, недостаток или отсутствие в именуемом объекте опре-

деленных признаков, деталей, свойственных исходному; именуемый объект всегда в чем-то частичен по отношению к исходному объекту.

Компонент *пол-/полу-* с качественной семантикой, по сути, оказывается одним из способов выражения неполноты качества предмета или признака наряду с приставками: *под-* (*подлец, подмастерье*), *недо-* (*недоумок, недолюсок*), *су-* (*сумрак, суглинок*), *при-* (*придурок, приглубый*) и т. п.¹. Сопоставление с близкими по значению приставочными образованиями, выявляющее частные случаи парадигматических связей, также может быть весьма продуктивным при определении мотивации сложного слова.

Выражение неполноты качества с помощью компонента *пол-/полу-* является едва ли не самым продуктивным в современном русском языке, оно широко представлено и в памятниках письменности. Однако вопрос о семантике *пол-/полу-* в подобных образованиях еще не имеет достаточно глубокой и детальной разработки. Так, 17-томный Словарь современного русского литературного языка указывает только одно, нерасчлененное, значение такого рода «не совсем, не до конца, почти». В этих же границах от «не совсем то» до «почти то же» рассматривает наречные значения *пол-/полу-* М.-О. Маликова [2], создавшая интересную классификацию значений *пол-/полу-* в целом. Однако ее наблюдения ограничиваются данными современного русского языка, причем только представленными в названном словаре².

Между тем система качественных значений *пол-/полу-*, как и любое явление языка, имела свою историю, была причинно обусловлена и подготовлена развитием компонента образования от самостоятельного слова до семантически обогащенной части сложного слова, по мнению некоторых ученых, даже префиксоида [4, 6]. Относительно диахронического аспекта вопроса мы имеем лишь одно замечание, высказанное И. И. Срезневским: «Поль и полу в соединении с прилагательными качественными и глаголами имеет значение, равное выражениям „отчасти, частью, почти“: *поль сухой* — почти сухой, *полугнияше* — почти гнил» (Срезн. II, стлб. 1145)³. Несомненно, в словах И. И. Срезневского содержится ключ к пониманию сущности и происхождения качественных значений *пол-/полу-*. Вместе с тем собранный нами материал позволяет рассматривать этот вопрос шире, не только по отношению к прилагательным, но и по отношению к существительным.

Ранние образования с *пол-/полу-* весьма немногочисленны, они встречаются в памятниках с церковнославянским типом языка. Эти памятники зачастую представляют собой переводы с греческого. Сопоставление церковнославянского слова с его иноязычным соответствием дает дополнительную, нередко решающую, информацию о значении слова [7].

В Синайском Патерике читаем: «Бяху и лють и польсьмрътъна оставьмрьне охождааху (*ἡμιθάλη*)», 385. XI в. Является ли образование *польсьмрътънь* дельноформленным словом или наречным сочетанием типа «почти мертвый», судить трудно, но несомненно то, что *поль* употребляется здесь в переносном значении: «наполовину» > «частично» > «почти». Это значение закрепилось в более позднем прилагательном *пол(у)мертвый*: «Ура-

¹ Примеры взяты из соответствующих разделов «Русской грамматики» 1980 г.

² На материале современного русского языка качественные значения *пол-/полу-* рассматривались также в работах Р. П. Рогожниковой [3], М. В. Черепанова [4], В. Н. Немченко [5] и некоторых других исследователей.

³ Включая глагол *полугнити* в «Материалы для древнерусского словаря», И. И. Срезневский опирался на издание отрывков Синайского Патерика XI в. в «Исторической христоматии церковнославянского и древнерусского языков» Ф. И. Буслеева (М., 1861, 334—342). Правила воспроизведения текста рукописи еще не были разработаны в то время, поэтому при прочтении этого места была допущена неточность. Новейшее издание Патерика (М., 1967) указывает на разору в две буквы между *о* и *л*. В греческом оригинале соответственно находим *ἡμιθάλη* «тем временем гнила» (указ. изд., с. 50) — выражение, не обуславливающее необходимость появления компонента *полу-*. Кроме того, рассматриваемый пример оказался единственным в наших материалах соединением *пол-/полу-* с глагольной основой для XI—XVII вв. Таким образом, существование данного сложения представляется сомнительным.

нени полмертви оставлени». Сл. Евф. о мил., 33. XVII в.⁴, «Начаша бити ея велми... яко остати ей полумертвой». Ж.ц.Дм., 13. XVII—XVIII вв. Сохраняется оно и в выражении *до полусмерти*⁵: «И учаль меня бить... и убиль до полусмерти». АМГ I, 248. 1629 г., а также в синонимичном *до полуумертвия*: «И он Кондратей и тое дочеришку мою девчонку убил до полуумертвия». А. Ивер. м., Челобитная 1682—1692 гг.

Иное значение компонент *пол-* наблюдаем в Истории иудейской войны Иосифа Флавия (переводном памятнике XI в., известном по спискам XV—XVI вв.). Так, древнегреческие герои названы полубогами: «Мню же, яко и еллини, ту мысль имѣюще, написаша о своих, глаголюще яко душа храбрых, нарекше полубогы я, ведут на блаженныя острова (ἡμιθέοις καλοῦσιν)», Флавий. Полон. Иерус. I, 144. XVI в. ~ XI в.; «Кто бо не вѣсть от благых мужь... сущь дѣмони блазии и полубози, милостиви являюще ся своим сродником съ кротостию (ἡρώες)» (там же, II, 138); обладающими полубожественной душой: «Быс(ть) в нем полубожнаа душа и храбрѣиши тѣла (ἡρωικὴ ψυχή)» (там же, II, 140). *Полу-* (*поло-*⁶) имеет здесь переносное качественное значение «подобный, похожий», «обладающий какими-то признаками того, что названо вторым компонентом». Интересно, что в первом случае (*полубогы*) образование является калькой с греческого сложного слова ἡμιθεός (Flav., с. 184), следующие два — самостоятельные переводы по смыслу: ἡρώες — «полубози» (Flav., с. 519), ἡρωικὴ «полубожная» (Flav., с. 520). В греческом языке компонент ἡμι- уже обладал системой переносных качественных значений (ср.: ἡμιβρεχίς — «наполовину мокрый, влажный», ἡμικλαστός «полуразбитый, надломленный», τὸ ἡμιπέλεκλον — «полусекира» — Дворецкий), которые проникали в язык переводных памятников и безусловно способствовали развитию аналогичных значений у *пол-/полу-* на русской почве, а также осознанию образований с *пол-/полу-* как цельнооформленных сложных слов.

Более поздние памятники церковного жанра дают примеры нового значения *пол-*: «не совсем, отчасти»: «Польсуха сътвори». Пам. Мил. муч. (Срезн. II, стлб. 1148); «Падохъ яко мртвъ и пребыс(ть) лежа на одрѣ много время полсухъ». Вол. Пат.², 359. 1554—1568 гг.

Книжно-литературной разновидности языка принадлежит образование *полуѣврие* «об ошибочном с точки зрения христианской православной церкви осознании божественнаго закона», употреблялось по отношению к еретическим учениям и к католической, «латинской», вере: «[Меркурий] вѣрю православною отгражден, а не полуѣвриеъ боляи». Мерк. Смол. служ., 417. XVII в.; последователи католицизма, «латини», получали эпитет *полуѣврные*: «Книги сопотивъ полуѣврныхъ латиновъ писати... повелевають». Курб.Пис., 463. XVII в. ~ XVI в.; отсюда и производный субстантив *полуѣврный* «тот, кто придерживается латинской веры»: «Здѣ ми зри, полуѣврне, лицемѣрны христианине... яко храбри еще обрѣтаются старцы въ православной христианской землѣ». Курб.Ист., 343. XVII в. ~ XVI в. С последним сходно образование *полбожники*: «Иромъ — баснем вѣрующе ложным, они же нарицаются и полбожницы». Алф.¹, 99об. XVII в., т. е. «заблуждающиеся в вере, приверженные полубогам». В этих образованиях значение *пол-/полу-* приближается к отрицанию того, что названо второй частью (ср.: *неѣврие*, *неѣврный*), однако оно с трудом поддается определению вследствие большой идиоматичности данных сложных слов.

⁴ Названия памятников приводятся в соответствии с правилами, принятыми в Словаре русского языка XI—XVII вв. («Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений». М., 1975).

⁵ Интересно, что нам удалось найти только одно самостоятельное употребление слова *полусмерть*: «Много ли 70? Многим ли удасть досчитаться до 100? И что жизнь между 70 и 100? Полусмерть». (Жуковский В. А. Письмо 1841 г. — К ССРЛЯ).

⁶ Возможно, перед нами единственная в своем роде попытка переводчика строить сложения с *полъ* по общей модели с соединительной гласной — *пол-о-*. Известные позднее *полоужь* (А. гражд. распр. I, 203. 1559 г.) и *полоустный* (Тов. цен. росп., 65. 1649 г.) связаны, по-видимому, со словом *полый* «пустой» (ср. Фасмер, III, с. 317).

Иногда греческое сложное слово, содержащее компонент *ήμι-*, переводилось сочетаниями наречного типа *въ полъ, въ полы, исполу*, которые также приобретали качественные значения, аналогичные названным выше значениям *пол-/полу-*: «Уне ти есть быти въ полы суху, неже вьсему» (*ήμιξηρον εἶναι, ἤ ὀλιξηρον*). Изб.Св. 1076 г., 534; «Се иже длъгъими альчъбачи истяскли и у полы съмрътъи (*ήμιθῦήτες*)». Гр.Наз., 204. XI в.; «Рече господь притчею о въпадъшимъ в разбойники, и от них одежда обнажену, и язву приимъшу, и исполу мъртву при пути повържену». Кир. Тур. XII, 358. XIV в. ~ XII в. Качественное значение *въ полъ, въ полы, исполу* оставалось характерным для памятников церковного жанра и высокого стиля и позднее: «Возложиша на мя раны доволны и оставиша мя въ полы мертва». Х. Зос., 20. XVI в. ~ 1422 г.; «Браду имѣя долгу, русу, в пол сѣду». Ж. Стеф. Махр., 461. XVII в. ~ XVI в.; «Яко же убо от Иерусалима божественныхъ заповедей и ко ерихонскимъ страстемъ пришед... усныиия благодати совлеченъ быхъ одеяния, и ранами исполу мертвъ оставленъ». Дух. и дог.гр., 462. 1572 г.

Итак, ранние образования с качественным *пол-/полу-*, а также *въ полъ, въ полы, исполу* встречаются в книжно-литературных памятниках, нередко это кальки соответствующего греческого сложного слова. Употребление образований с *пол-/полу-*, построенных по модели, аналогичной греческой модели сложного слова, и заметная идиоматичность значений данных образований позволяют считать их сложными словами, несмотря на параллельное существование синонимичных сочетаний с наречиями *въ полъ, въ полы, исполу*.

Наличие в русском языке сложных слов с качественным *пол-/полу-* и развитие различных оттенков качественности в данном компоненте нельзя, однако, относить исключительно на счет влияния греческих образцов⁷. Подобные слова, безусловно, существовали и в народно-разговорном языке, о чем свидетельствует их наличие в современных диалектах. В XVI—XVII вв. множество сложных слов с данным компонентом зафиксировано в деловой письменности, причем форма *полу-* для качественных значений становится преобладающей.

Сложные слова с качественным *пол-/полу-* входят в состав целого ряда лексико-тематических групп, в то же время образуя семантические группы по признаку соотношения качественности значения, вносимого компонентом *пол-/полу-* в сложение, с содержащимся в этом компоненте исходным представлением о величине, причем внеязыковые связи слова, его предметная отнесенность здесь особенно наглядно представлены как существенный момент обусловленности номинации [9].

Рассмотрим типичные, наиболее определенные в семантическом отношении случаи, не исчерпывающие всего материала, отражающего многообразие межкомпонентных отношений в модели, ищущей собственное семантическое наполнение среди синонимичных и полусинонимичных структур. Предлагаемые для рассмотрения случаи представляют собой тематические объединения имен существительных. Имена прилагательные в данный период относительно немногочисленны и большей частью вторичны, т. е. образованы от сложных имен существительных.

Для периода XVI—XVII вв. можно выделить три большие семантические группы, различающиеся уровнем качественности значения *пол-/полу-*.

I. К первой семантической группе относятся сложные наименования предметов, качественные особенности которых определяются в первую очередь их размерами. Именуемый предмет представляет собой целиком более или менее точную копию исходного предмета, но меньшего размера, причем степень уменьшенности (вполовину, больше или меньше половины) значения не имеет:

1. В названиях меховых шапурок: *полукуница* («Тритцат шапокъ мускихъ з бобровыми пухами разныхъ цвѣтовъ, мѣг. шапки с полукуницей разныхъ

⁷ Сложения с *пол-/полу-* и позднее нередко появлялись в результате калькирования иноязычных слов, например: *полуостров* с нем. *Halbinsel*. *полуфабрикат* с нем. *Halbfabrikat* [8].

же цвѣтов». Там. кн. Тихв. м., № 1352, 13. 1669 г.), *полусоболь* («Шуба песцовая, покрыта камкою черною, по подолу по полусоболю». Кн. пер. казны Ник., 105. 1658 г.). По-видимому, здесь следует видеть не половинки разрезанных шкур, а шкурки меньшей величины, чем те, которые были приняты в качестве мерной единицы, возможно, принадлежащие молодым, недоросшим животным. Ср. в архангельском говоре: *полупесец* «молодой, еще не взрослый песец» (Подвысоцкий, 130). В данной тематической группе встречаем синонимичные образования с *недо-*: «З сорока куниц и недокуней». Там. кн. III, 35. 1676 г.; «Худыхъ соболей и вешныхъ и недособолей въ государевъ ясакъ не имати». ДАИ II, 162. 1639 г., а также: «С песцов рослых и непесков... имать десятая пошлина с промыслу». Там. д. Сиб., 369. 1689 г. Значение *полу-*, таким образом, здесь полностью синонимично значению *недо-*, оно показывает, что предмет не вполне является тем, что названо во второй части, причем в первую очередь важен факт уменьшенной величины предмета, названного производным словом, по сравнению с предметом, названным мотивирующим словом.

К этой группе примыкает и название выделанной шкуры *полукожа* («Велѣно привезти московскихъ товаровъ... 2000 полукожъ лошадиныхъ на гзы». Посольство Звенигородского, 213. 1594—1596 гг.). Ср. *полукожникъ* — «малая, маломѣрная кожа» (Даль, III, 252). В современном языке *полукожником* называется шкура бычка старше полугодовалого возраста, более грубая, чем шкура «пойка» или «выростка», не достигших полугода (БСЭ, т. 33, стлб. 639). Отсюда, возможно, что слово *полукожа* заключает в своем значении либо только понятие о небольшом размере, либо также и о грубой фактуре, оставаясь в любом случае наименованием шкуры молодого животного (в примере — жеребенка).

2. В названиях рыб: *полулещь* («Лещов семсот без трицати лещов, триста полулещей». Там. кн. Тихв. м., № 1291, 20. 1635 г.), *полуосетрь* («А запасовъ... осетрь съ полуосетромъ провѣстныхъ». Посольство Тихан., 208. 1614 г.), *полурьбникъ* («А привозили б они полурьбники и шевриги... полурьбников [продавати] по две за рыбу, а шевриг по пяти за рыбу». Астрах. а., № 772, сст. 3, Наказ 1623 г.). Способ указания на недостаточность размера рыбной особи, по сравнению с принятой за норму, с помощью *пол-/полу-* широко известен в говорах: *полумѣрка* «рыба меньше 1½ аршин длины» (астрах., Доп., 197), *пол-угорникъ* «мелкий угорь, не более фунта весом» (псковск., 1912—1914 — К СРНГ), *полумерок* «нестандартная рыба» (уральск., 1975 — К СРНГ) и т. п. В данной тематической группе *пол-/полу-* выступает синонимом к *под-*: «Щук и судочков и окуней и подлещиков на 10 рублей с полтиною». Кн. прих.-расх. Волокол. м., № 1028, 81 об. 1575—76 г.; «400 лещей и подлещья вялыхъ, просолныхъ». Оп. им. Тат., 20. 1608 г. Ср. также в современном литературном языке: *подлещ* и *подлещик* «речная рыба, сходная с лещом, а также лещ небольших размеров» (ССРЛЯ X, 434).

3. В названиях оружия: *полкартоуна* («60 полкартоунъ, 110 мортировъ, 20 000 бомбовъ». Петр, I, 28. 1695 г.), *полника* («[Прапорщик] не-сетъ... полпики или фузею з багенетомъ». Устав Вейде, 21 об. 1698 г.) и *полуника* («Его [полуполковника] оружие есть полуника». Там же, 25), *полупистоля* («Двѣ сабли простыхъ... да пистоль, да полуpistoля». Д. Шаковит. I, 525. 1689 г.). *Картаунъ* — «название осадной пушки, заряжавшейся ядром в 40 фунтов (ср. нем. *Kartaune* — картауна, пушка)» (СлРЯ XI—XVII вв., VII, 83); полкартауна заряжалась ядрами вполонину меньшими по весу: «Новой карабль съ осьмнадцатифунтовыми [пушками], или полкартаунами, вскорѣ заложитца». Петр, III, 159. 1704 г. Точно так же, по-видимому, сопоставлялись по каким-то измеряемым признакам *ника* и *полуника*, *pistoля* и *полупистоля*. Роль понятия величины для мотивации данных наименований подтверждается употреблением слова *недомѣрокъ* по отношению к оружию: «З луки черкаские немерковъ». Оруж. Бор. Год., 25. 1589 г.; «9 пицалей полуторных и немерков медных». Оп. оруж. Кир.-Б. м., 196, 1635 г.; «Старыхъ мушкетовъ немерковъ, съ жаграми». Кн. описн. Кир.-Б. м. I, 8. 1668 г. *Пол-/полу-* в этой тематической группе выступает синонимом к *недо-*.

4. В названиях судов: *полубарка* («В кострах и в полубаркахъ варнишных плавныхъ дровь... одиннатцать тысячь двесте пятдесят одна сажень»). Кн. Ивер. м., № 122, 10. 1679 г.), *полубусье* («И иноземцовъ торговыхъ людей, которые... въ Астарахань ѣздить на бусахъ и на полубусьяхъ и въ стружкахъ, [казаки бы] не грабили.» ДАИ XI, 134. 1684 г.), *полувешнячье* («Куплен дощаникъ полувешнячье дву водъ». Кн. прих. расх. Холмог. арх. д. № 103, 6. 1685 г.), *полукаторга* («Взяли наши турецкую полукаторжи, которая долиною ручныхъ сажанъ з дватцать». Петр, I, 47. 1695 г.), *полукаторгина* («Повелѣль коліе бити и полукаторгину... нагрузя каменіем, потопити». Ав. пов. особ., 33. XVIII в.), *полукорабелье* («Воевода ж... собрал втай сто полукорабелеи да двѣ бусы наполнены ратныхъ людей». Куранты¹, 118. 1628 г.).

Полубарка (*полубарокъ*) определяется как «водоходное судно, строением барке подобное, но гораздо оной менее» (САР 1822, IV, 1450). *Буса* — «большая долбленая лодка, однодеревка» (Даль, I, 144), «род мореходного судна» (СЛРЯ XI—XVII вв., I, 358), в то время как *полубуски*, более поздний аналог *полубусья*, упоминаются при перечислении «мелких судов», занятых на рыбных промыслах (ПСЗ XII, 277. 1744 г.). Для остальных наименований мы не имеем данных для сопоставления, однако логично предположить подобные отношения между производным и мотивирующим словом и для них.

5. К этой же группе относятся и названия посуды: *полкубка* («Посломъ дары... кубокъ двойчатъ, золочень... полкубка». Швед. д., 168. 1569 г.), *полумисокъ* («Въ Дорогобужѣ... изгнули два полумиски цыновые». Польск. д. III, 749. 1570 г.), *полумисье* («Да на Оптикорскомъ же дворѣ серебряныхъ судовъ: 4 полумисья, 5 блюдь среднихъ, 6 блюдь малыхъ». ДТП I, 210. 1676 г.), *полпогарь* «Польпогарь новой резной» [10] (ср. польск. *puhar* «чаша, чарка»).

Слово *полумисокъ* юго-западного происхождения, как и большинство слов данной тематической группы, сохранилось в некоторых говорах до наших дней как название «плоской чаши или блюда» (в форме *полмисокъ*, зап. Даль, III, 252; ср. польск. *rólmisek*), «маленькой чашки» (также в форме *полумиска*, калуж., 1916 г. — К СРНГ), «небольшая миска» (курск., 1967 г. — К СРНГ)⁸.

II. Более свободная зависимость между неполнотой качества и величиной объекта номинации наблюдается в тех случаях, когда именуемый объект не является уменьшенной, более или менее точной копией исходного объекта, а обладает рядом отдельных признаков, деталей, частей, по которым он может рассматриваться как подобие последнего.

Данная семантическая особенность также охватывает слова, принадлежащие к разным тематическим группам. Рассмотрим некоторые из них в порядке убывания названной зависимости:

1. В названиях экипажей: *полукарета* («Въ Коретномъ анбарѣ... полукорета сверху обита и въ ней кожею черною и гвоздми лужеными». Заб. Мат. I, 1181. 1691 г.), *полукаретка*, здесь «вид игрушки» («За взятые потѣшки, которые взяты ко г(осударю) царевичу въ комнату... за страменцы, за полукаретку 6 алт. 4 д.» Заб. Дом. быт, II, 580. 1693 г.), *полукаретье* («Полукоретье дорожное съ полами, сверху обито черною кожею». Д. Шакловит. IV, 180. 1682—1686 гг.). Лексикон Целлария приводит слово *полукаретка* в одном ряду с *одноколка*: «Carrúca, f. Полукарѣтка, одноколка» (с. 42, 1746 г. — К XVIII), которая в Лексиконе Волчкова стоит в толковании рядом со словом *полуколяска*: «Одноколка, извѣстная полуколяска о двухъ колесахъ, на которой одна, а в силу двѣ персоны ѣздить» (I, 369, 1755 г. — К XVIII). Таким образом, *полукаретка*, как и *полукарета*, обозначают не просто маленькую карету, а особый вид экипажа, отличающийся количеством некоторых деталей, например, колес, хотя и сходный по устройству и внешнему виду с каретой.

2. В названиях хозяйственной утвари: *полуключье* («Сергею старцу

⁸ Ср. также *полутарелка* — особый сорт посуды, вырабатывавшийся в Пермском уезде (Перм. краевед. сб., вып. I, 1924 г., с. 95. — К ССРЛЯ).

ковал... в поварню полуключь(ь)е, цена ·й· де(ньги)». Арх. Бог. Важ. м., № 886. 1680 г.) и *полукрючье* («Два крюка печных железных да полукрюч(ь)е железное». Арх. Карг. м., № 52. 1622 г.), *полуситокъ* («Куплено три сита волосяных большой руки... да дватцать полуситков волосяных же». Кн. Ивер. м. № 24, 43об 1663—64 г.).

Слово *крюкъ* встречается в памятниках архангельского края, где оно имеет значение «кочерга» (СлРЯ XI—XVII вв., VIII, 97), это же значение отмечает и Даль: «арх., клюка, кочерга» (II, 207). Отсюда *полукрючье* и *полуключье* также называют род кочерги, которая, по устному сообщению В. Я. Дерягина, отличалась от обычной тем, что ее черенок (ручка) изготовлялся из дерева, а не из металла, вследствие чего железная часть полукрючья оказывалась намного короче «полного» крюка.

Полуситокъ — западное образование, определяемое как «редкое сито» (Добровольский, II, 656) и противопоставляемое в памятнике «ситу большой руки». Иногда, в отличие от волосяного сита, *полуситокъ* делался из мочал, так как не требовалось большой частоты переплетения сетки (там же). В говорах известно также *полусито* «мочальное», по частоте сетки занимающее промежуточное место между более частым *ситом* и более редким *подситком* (Изв. РГО, II, 217. 1929 г. — К ССРЛЯ). Значение *полу-* в данном случае не полностью синонимично значению префикса *под-*, указывая на меньшую степень неполноты качества, чем *под-*. Качество же предмета определяется здесь не уменьшением его величины, а уменьшением выраженности одного из признаков его детали, а именно частоты сетки.

3. В названиях одежды: *полукафтанъ* («Явиль... 3 полукафтана крапешинных». Там. кн. I, 12. 1633 г.), *полукафтанье* («Даль вкладомъ... полукафтанье обьяринное». Вкл. Ант., 51. 1660 г.), *полуманатя* («Явиль... ·й· манатей старческих да ·ё· полуманатей». Там. кн. Тихв. м., № 1348, 22. 1668 г.), *полумантия* («2 мантии большие же, да 2 полумантии... Манатийка малая з боркомъ». Вкл. Ант., 71. 1677 г.), *полрясокъ* («Сшили ... рясу кириловского сукна, до полрясокъ стамъдной». Кн. расх. Ивер. м., № 24, 81об. 1663—64 г.), *полутълогрейка* («Полутълогрейка новая, китайчатая». АЮБ III, 267. XVII в.); детали одежды: *полукушачье* («Однорядка гвоздичная лундышна, полукушачье шелковое, полотенцо бълое». А. моск., 99, 1622 г.).

Кафтанъ определяется в СлРЯ XI—XVII вв. как «верхняя мужская одежда разного покроя и назначения; преимущественно верхняя длинная (почти до пят) одежда, с длинными рукавами, застегивающаяся спереди на пуговицы» (VII, 95). При толковании слова *полукафтанъ* и синонимичного *полукафтанье* первостепенное внимание уделяется указанию на внешние и детальные отличия именуемого предмета от кафтана: «кафтан короче и уже обыкновенного» (САР, 1847, III, 320), «короткий, в обтяжку» (Даль, III, 251), «короткополый кафтан» (ССРЛЯ, X, 1093), подчеркиваются и функциональные различия, обусловленные качеством ткани, шедшей на изготовление полукафтана: «носимый под шубою или верхним платьем» (САР 1847, III, 320), «поддевочный кафтан, под верхний» (Даль, III, 251). Таким образом, путь утраты первоначального представления об уменьшенной величине именуемого предмета прослеживается здесь особенно наглядно. Семантическое обособление сложного наименования от исходного делает возможным появление вторичнопроизводных с уменьшительным суффиксом: *полукафтанейцо* («Продано полукафтанейцо золотное». Кн. прих. Болд. м., 188. 1593—1607 гг.), *полукафтанешко* («А платишка... осталос(ь) толко зипуненко мозелное ветчаное да два полукафтанешка ветчаные ж». Колл. Зинченко, № 125, сст. 3. 1686 г.). «Золотное *полукафтанейцо*, вероятно, обозначало еще более легкий вид одежды, чем *полукафтанье*, поэтому в морфологической структуре слова находится еще один показатель известного рода неполноты качества суффикс *-ейц-*. В слове *полукафтанешко* суффикс *-ишк-* несет другую смысловую нагрузку — уменьшительно-уничижительную — «ветчаное» *полукафтанешко*.

Очевидно, что слова данной тематической группы обозначают совершенно новую] реалию, а может быть, и несколько новых реалий (*полу-*

кафтанъ — полукафтанье — полукафтанейцо), лишь приблизительно напоминающие ту, которая названа мотивирующим словом⁹.

4. В названиях тканей. Включение их в данную семантическую группу основано на том, что понятие величины здесь также связано не с размерами предмета, а с составом его деталей, конкретно с составом пряжи, шерстью на их изготовление. Зависимость качества от меры (количества примеси в основной пряже) как бы спрятана глубоко внутрь мотивации, на первый план выступает внешнее сходство именуемой ткани с той, что названа вторым компонентом.

Как тематическая группа (точнее уже терминологическая) названия тканей представлены наиболее многочисленно: *полубарбарель* («Явил... пол. · · · косяка полубалбарелей [так!], · · · половинокъ лятчин». Там. кн. Тихв. м., № 1356, 14. 1670 г.), *полубархатъ* («19 арш. полубархата алово... на престоль и на жертвеникъ». Кн. прих.-расх. Каз. пр., 57. 1613 г.), *полубархатъе* («Стихарь<ь> постной полубархатъе черное клетчатое». Кн. пер. Псков. Печ. м., 126. 1639 г.), *полубрюкишиъ* («Дворовая пошлина... съ сукна съ брюкиша... и съ полубрюкишевъ, и съ колтыревъ съ постава по три денги». ААЭ I, 399. 1586 г.), *полувиницейка* («На подклатку десять вершковъ тафты черной полувиницейки». Заб. Дом. быт, II, 541. 1627 г.), *полгранатъ* («Кафтанъ турской сукно вишнево полгранатъ». Росн. им. Н. Ром., 58. 1657 г.), *полукармазинъ* («Половинка сукна полукармазину, цѣна 40 руб.» Тов. цен. росп., 76. 1649 г.), *полукеджь(-а)*¹⁰ («Явил... 26 полукеджей малых, 40 киндяков дербадовых, 13 бязей белых малой руки». Там. кн. Моск. I, 75. 1693—94 г.), *полукисея*¹⁰ («Товару... восемьдесят четыре бязи лощеных... шестьдесят четыре полукисеи». Астрах. а., № 654. 1622—23 г.), *полукушачье*¹⁰ («А с ними руског<о> товару: четырнатцат кушаков, девят полукушачей, три пестреди». Якут. а., карт. 4, № 8, сст. 4. 1641 г.), *полуобъярь* («Подолникъ полуобъярь зеленая струйчεται». Опись Моск. Усп. собора, РИБ III, 793. 1701 г.), *полутласье* («Стихарь протопопской же подризной полутласье полосато, оплечье у него полутласье же зелено». Там же, 354. XVII в.), *полпестредь*¹⁰ («· · · пестрядей, · · · полпестредей». Там. кн. Тихв. м. № 1310, 10 об. 1657 г.), *полушарлатъ* («Шапка с околomъ, полушарлатъ, петли низаны жемчюгомъ». Оп. им. Тат., 3. 1608 г.), *полушелковица* («Два пояса полушелковица с кистями». Оп. библи. Солов. м. II, 346. 1549 г.).

Как реалья с принадлежащим ей названием сохранился до наших дней *полубархатъ*, поэтому определения полубархата находим во многих словарях: «ткань таковая же, как и бархат, только реже онаго» (САР 1822, IV, 1450; Соколов, II, 634), «бумажный, плис» (Даль, III, 25), «хлопчатобумажный бархат» в отличие от настоящего, шелкового, бархата (Бр. и Ефр., т. 47, 381), полубархат сравнивается и с собственно хлопчатобумажным бархатом по материалу и переплетению нитей, пряжа для полубархата оказывается средней по толщине (Бр. и Ефр., т. 73, 351—352), но чаще с настоящим бархатом по составу пряжи: «ткань, представляющая собой имитацию бархата, состоящая в известной доле из бумаги» (ТСРЯ, III, 543), «хлопчатобумажная ворсовая ткань, похожая на бархат» (ССРЛЯ, X, 1082) и т. п. Все определения подчеркивают внешнее сходство именуемой ткани с бархатом, но если определения, данные в САР 1822 и у П. Соколова, акцентируют внимание только на этом, то последующие говорят об изменении состава ткани, ведущем к изменению ее качественных особенностей. Так, внешнее различие, неполнота качества («реже, грубее») по сравнению с предметом, названным второй частью, обусловлено уменьшением доли первоначального материала («шелка»), шедшего на изготовление ткани, названной второй частью сложного слова.

Подобное же объяснение значения находим для слова *полушелковица*. Так, у Даля это «полушелковая ткань, платье, шелк с бумагой, шерстью»

⁹ Ср. также *полутулуп* (волог., 1902 г.), *полутулупчик* (пенз., 1899 г., яросл., 1929 г.) — К СРНГ, *полусалопчик* — К ССРЛЯ, *полупальто*, *полуфрак*, *полушубок* — ССРЛЯ, т. X.

¹⁰ Иногда название ткани зафиксировано только в метонимическом значении штука данной ткани как товарная единица.

(сиб., III, 254)¹¹. В других толковых словарях находим определения прилагательного *полушелковый* «состоящий из шелка и других каких-либо нитей» (САР 1847, III, 322), причем поздние словари называют в качестве примеси хлопок или шерсть (ТСРЯ, III, 552; ССРЛЯ, X, 1128).

5. Близки к последней лексико-тематической группе названия пряжи, содержащей примесь золота или серебра: *полузолотье* («Отъ двадцати завязокъ шелковыхъ лопатки дѣланы въ кружки съ полузолотьемъ». Кн. прих.-расх. Каз. пр., 142. 1614 г.), *полусереберье* («Завяски шолкъ багровъ, лопатки тканы съ полусереберьемъ». Заб. Разр., 334. 1623 г.). *Полузолотье* противопоставляется «прямому» золоту («А ведать, чтобъ золото было прямое, а не полузолотье, оселкою притнутъ к золоту, а буде прильнетъ красно, то прямое золото». Цветник, 134. XVII в.)

Примечательно, что в описаниях состава тканей или пряжи мы не находим указания на равное, «половинное», количество основного материала и примеси. Точные величины здесь уже не имеют значения для мотивации наименования, «числительное» значение, по существу, не ощущается¹².

III. Третья семантическая группа объединяет слова, в которых понятие неполноты качества совершенно несоотносимо с какой-либо измеряемой величиной. Понятие величины переносится в область отвлеченных, абстрактных представлений, связано с более низким статусом именуемого объекта по сравнению с исходным.

Здесь входят наименования людей по чину, должности, званию, занимаемому в обществе положению: сохранившееся в составе имени собственного *полубояринъ* («Роспись имянная... посадскимъ людемъ ... Федька Ивановъ сынъ Полубояре». Писц. д. I, 577. 1627 г.), *полуголова* («[Полосланника] за Землянымъ городомъ встрѣчаетъ голова стрелецкой или полуголова, да подьячей». Котош., 67. 1667 г.), *полумастерь* («Да на томъ же дворѣ поваровъ, мастеровъ и полумастеровъ, и учениковъ, и судомоевъ, и водовозовъ, и сторожей будетъ болши полтораста человекъ». Там же, 77), *полполковникъ* («Помянутой Ламбои... проѣзжую просилъ на полковника Холдакер да на полполковника Бентина». Куранты³, 185. 1648 г.) и *полуполковникъ* («С свѣиские стороны на семь бою убитыхъ изъ начальныхъ людеи... полуполковникъ Бредковский». Куранты¹, 170. 1636 г.)¹³.

Все эти наименования обозначают чин, должность, звание, положение на одну ступень ниже названного второй частью сложения. Так, *полуголова* определяется как «в старинномъ войске старший по голове, товарищ головы» (САР 1847, III, 319), «помощник головы, или подполковник» (Даль, III, 250). Объяснение слова *пол(у)полковникъ* находим в памятнике XVII в.: «Баталионъ состоитъ изъ ·Г·, ·Д· и ·Е· ротъ и есть обыкновенно сие половина или третья часть полку, и кто над онымъ повелѣваетъ, тотъ есть полуполковникъ или маюръ» (Устав Вейде, 24. 1698 г.). Словари толкуют это слово с помощью синонимичного *подполковник*: «старший

¹¹ Несколько неожиданно здесь отнесение наименования к названиям одежды: «подушелковица... платье». Ни одна из цитат XVI—XVII вв., имеющих в нашем распоряжении, не иллюстрирует подобного переноса наименования. Приведенное выше *полкушачье*, по-видимому, является следствием омонимии параллельно развившихся образований.

¹² Характер мотивации названий тканей может быть представлен и как наиболее близко стоящий к исходной семантике слова *поль* («одна из двух частей целого»), поскольку состав ткани, именуемой с помощью *пол-/полу-*, первоначально включал два вида пряжи: названная мотивирующим словом и еще какая-либо. Отсюда значение *пол-/полу-* можно считать как бы сохраняющим здесь момент членения целого на две части. Со временем, однако, этот момент утрачивается, так как в составе пряжи может быть более чем два компонента. Такой подход к объяснению мотивации названий тканей находим у М.-О. Маликовой [2]. Отнесение же названий тканей на последнее место во II семантической группе как обладающих наиболее абстрактной семантикой компонента основано на том, что различия между исходным объектом и объектом номинации заключаются во внешних качественных особенностях реальных. *Пол-/полу-*, следовательно, выражает здесь значение «неполного подобия», «частичной похожести», однако первоначально не исключена и двойная мотивация по количеству и качеству.

¹³ Ср. также *полусержантъ* [«Къ сему прош(е)ни(ю)... полусержантъ Петръ Сергеевъ сынъ Матвеевъ... руку приложилъ». «Памятники московской деловой письменности XVIII в. М., 1981, с. 167, 1741 г.] и *полшкипер* «должность на корабле» (Н. С. Лесков, «Левша», гл. 16—19).

по полковнике, подполковник» (САР 1847, III, 321), «подполковник» (ворон., Опыт, 168; Даль, III, 253 и др.). *Подполковникъ* также было в употреблении в рассматриваемый период: «Драгунсково строю в Борисове: полковникъ... подполковникъ, маеор, 7 человекъ капитанов». Днев. зап. ПТД, 19. 1657 г. В данной семантической группе *пол(у)-* выступает синонимом к *под-*. *Полумастерьъ*, который, с одной стороны, противопоставляется мастеру, с другой, ученику, имеет соответствие *подмастерье*: «Да подмастерьи и пушкаремъ дано гривна». Кн. расх. Болд. м., 157. 1598—1600 гг. Ср. также *подповарье*, употреблявшееся в тот же период: «Поварь да подповарье». Кн. расх. Кир. м., 12. 1588—1622 гг.¹⁴

Несколько сложнее, возможно, обстоит дело со словом *полубояринъ*. Более позднее, тематически близкое *полубаринъ* имеет две группы значений: 1. «Однодворец», то же *полупанъ*, *полупанокъ* (южн., Даль, III, 252); «барин, имевший прежде землю без крестьян» (волог., К СРНГ); 2. «Подражающий барам» (САР 1847, III, 319), то же *полубарокъ* и *полубарье* «вышлец простого рода» (псков., Даль, III, 250; твер., Доп., 196). Помимо значений субординации (здесь имущественной) *полубаринъ* имеет значения эмоционально-негативной оценки именуемого объекта, возникающие в результате метафорического употребления сложного слова в целом. Производные метафорические значения, вероятно, относятся к более позднему времени, и слово *полубояринъ* скорее всего мотивировано на основе имущественной и социальной субординации объектов. Однако возможность метафорического переноса в значениях сложения представляет несомненный интерес как свидетельство семантического развития качественного *пол-/полу-* в сторону более абстрактных представлений.

В заключение необходимо отметить, что формирование нового лексического значения в регулярном корневом компоненте сложения, до некоторой степени стимулированное в книжной речи влиянием иноязычных образцов, осуществляется путем уточнения значения, его обособления, поиска своего места в ряду синонимичных средств языка.

Семантика сложений с *пол-/полу-* в XI—XVII вв., как мы видели, уже не исчерпывалась обозначением половины или середины объекта. Развитие переносных качественных значений исследуемой морфемы началось уже в ранний период истории языка, параллельно с существованием *полъ* как самостоятельного слова. К концу XVII в. эти значения в основном наметились и послужили той базой, на которой развилась высокая продуктивность данной словообразовательной морфемы, широко охватившая впоследствии сферу прилагательных и глаголов.

ИСТОЧНИКИ

- САР 1822 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. IV, СПб., 1822.
Соколов — Соколов Ш. Общій церковно-славяно-русский словарь. Ч. 2, СПб., 1834.
САР 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. III. СПб., 1847.
Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III, М., 1955.
ТСРЯ — Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова Д. Н. Т. III, М., 1939.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 10. М. — Л., 1960.
Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. Трубачева О. Н. Т. III, М., 1971.
Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. т. II, М., 1958.
СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Тт. 1—10. М., 1975—1983.
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Доп. — Дополнения к опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Добровольский — Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Т. 1—2. Смоленск, 1914 г.
Бр. и Ефр. — Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза — Ефрона, т. 47, СПб., 1903; т. 73, СПб., 1903.

¹⁴ Ср. *полдружья* и *поддружья* — помощники дружки во время свадебного обряда («Собрание народных песен П. В. Киреевского». Т. 1. Л., 1983, словарь).

- БСЭ — Большая советская энциклопедия. 2-е изд., Т. 33. М., 1955.
 Flav. — Niese V. Flavii Iosephi opera. V. VI. De bello Iudaico. Berlin, 1894.
 Дворецкий — Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1—2. М., 1958.
 К XVIII в. — Картоoteca Словаря русского языка XVIII в. (ЛЮИЯ АН СССР).
 К СРНГ — Картоoteca Словаря русских народных говоров (ЛЮИЯ АН СССР).
 К ССРЛЯ — Картоoteca Словаря современного русского литературного языка (ЛЮИЯ АН СССР).
 К ДРС — Картоoteca Словаря русского языка XI—XVII вв. (ИРЯ АН СССР).

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатова Г. А. Семантические наблюдения и лексикографическая практика. I *роль и поль¹, поль², поль³. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, с. 49.
2. Malíkovi M.-O. Slovo tvorná a semantická štruktúra slov a lexikálnou morfému pol-/polo-/polu- v ruštine. — Slavica Slovaca, 1970, 5, 1.
3. Рогожников Р. П. Варпавты слов в русском языке. М., 1966, с. 37.
4. Черепанов М. В. О разграничении словосложения и префиксации. — РЯШ, 1968, № 5, с. 101.
5. Немченко В. Н. О сложных существительных с начальным компонентом пол- (полу-) в современном русском языке. — РЯШ, 1978, № 6, с. 86.
6. Головин В. Г. Очерк деривации имен прилагательных современного русского языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Самарканд, 1971, с. 28.
7. Дубровина В. Ф. Греческий оригинал в лексикографической практике. — В кн.: Древнерусский язык. М., 1980.
8. Флекенштейн К. Кальки по немецкой модели в современном русском литературном языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1963, с. 17, 15.
9. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 6—8.
10. Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974, с. 52.

БУХАРИН В. И.

ВВОДНЫЕ СЛОВА В АСПЕКТЕ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ

Известно, что вводные слова являются одним из главных средств выражения субъективной модальности, понимаемой как оценочное отношение говорящего к содержанию высказывания. Оценка говорящим содержательной стороны высказывания может носить самый различный характер [см. 1, с. 214—217], и русский язык располагает (наряду с другими средствами [см. 1, с. 217—236] богатым набором лексико-грамматических разрядов вводных слов, с помощью которых в высказывание и привносится субъективная модальность¹.

Традиционно вводные слова² изучались и описывались со стороны их значения, результатом этого описания были в той или иной степени варьируемые у разных авторов «группы вводных слов по значению». Изучение функционального аспекта вводных слов, особенностей их употребления не шло дальше утверждения о том, что вводные слова могут относиться или ко всему высказыванию, или к какому-либо его элементу.

Между тем значительный теоретический и практический интерес представляет анализ вводных слов в аспекте актуального членения, ибо он позволяет выявить такие их свойства, которые при традиционном описании оказывались не раскрытыми. Среди многих задач этого анализа следует выделить в качестве наиболее значительных две: 1) выяснение роли вводных слов в формировании коммуникативной (актуальной, динамической) структуры высказывания и 2) выявление степени линейной мобильности разных подклассов вводных слов. Попытка наметить решение данных задач и определила цель настоящей заметки.

В коммуникативной структуре (простого) высказывания вводные слова выполняют две основные функции: 1) модально-детерминирующую и 2) модально-актуализирующую.

Модально-детерминирующая функция свойственна тем вводным словам, которые соотносятся с содержанием всего высказывания. Такие вводные слова являются своего рода «модальными кулисами», на фоне которых разворачивается его актуальная структура. Модально-детерминирующие вводные слова чаще всего стоят в абсолютном начале высказывания. Например: *К о н е ч н о, // успех в обучении иностранному языку // зависит от многих факторов; И т а к, // можно утверждать следующее; Б о л ь ш е т о г о, // во время каникул // мы сможем побывать в Киеве и т. п.*

Интонационная структура (интонаема) подобных высказываний характеризуется усиленным (по типу логического) ударением и нисходящим тоном на вводном слове, а также значительной паузой после него³. Не случайно поэтому после таких вводных слов возможна постановка не обычной запятой, а двоеточия, тире или даже точки (см. [4]).

Модально-актуализирующую функцию выполняют вводные слова, которые соотносятся в смысловом отношении с компонентами актуального

¹ Существует и другая концепция, согласно которой субъективная модальность содержит «оценку степени достоверности мысли с точки зрения субъекта мысли» [2].

² Под термином «вводные слова» мы понимаем также вводные (преимущественно бинарные типа *так сказать, может быть, собственно говоря, таким образом* и др.) непредикативные сочетания слов.

³ «Позиция начала предложения считается наиболее сильной для модального слова, здесь оно выступает с сильным логическим ударением, после него обычно следует значительная пауза, а модельное значение его накладывается на содержание всего предложения» [3].

членения высказывания (ремой или темой). В соответствии с этим вводные слова с модально-актуализирующей функцией могут занимать в высказывании любую позицию (т. е. находиться в его абсолютном начале, в середине и в абсолютном конце).

При актуализации вводными словами ремы высказывания актуализируемая рема обычно уже имеет при себе интонационные (акцентные), или лексические (частицы), или же, наконец, и те и другие актуализаторы сразу. Например: «Может, и не будет больше такой возможности» (В. Шукшин, Сапожки); «Хотя это не тени, конечно...» (Ю. Казаков, Северный дневник); «[На таран ходил, но, пожалуй, зря. Наши машины лучше ихних.] Значит, бей культурненько *из орудия* [Береги свою технику]» (В. Кожевников, ... и о тех, кто сражался в солдатском мундире, как в рабочей спецовке); «*Таж*, вероятно, тоскует всякий о своих родных местах» (С. Сартаков, Земля — моя); «Однако главное для нашего времени, пожалуй, *в другом*» (там же).

Актуализируемая вводными словами тема высказывания также нормально имеет при себе в роли актуализатора логический акцент или частицы. Например: «*Скоро*, однако, // лес впереди поредел»; «*Я*, например, // в Москву не поеду; *Меня*, впрочем, // это мало волнует» и под. В подобных высказываниях обычно заключена антитеза (возможно, и нулевая⁴). Очевидно, что соотношенность вводного слова с темой способствует подчеркиванию границ актуального членения, поскольку тема и вводное слово при этом автономизируются в отдельную синтагму-тему. Такова общая картина функционирования вводных слов в коммуникативной структуре высказывания.

При более детальном рассмотрении данной проблемы выявляется, что вводных слов с «чистыми» признаками, характеризующихся монофункциональностью (например, только модально-детерминирующей функцией или только функцией актуализации темы или ремы), в русском языке мало. Основная масса вводных слов в русском языке обладает полифункциональностью, и во многих случаях можно говорить только о тенденции того или иного их подкласса к какой-либо коммуникативной функции.

При описании функционирования вводных слов в коммуникативной структуре высказывания достаточно надежно выделяется лишь подкласс вводных слов, специально предназначенных для модально-детерминирующей функции. Эти вводные слова занимают только позицию абсолютного начала и снабжаются усиленным ударением. К числу их относятся, в частности, вводные слова *итак*; *так*; *так*, например; *так вот*; *ну вот*; *ладно*; *теперь*. Очевидно, что вводные слова данного подкласса немногочисленны. Нетрудно заметить также, что с точки зрения семантической они обозначают разного рода логические отношения высказывания с другими высказываниями в речи, т. е. выступают в так называемой связующей функции и содержат характеристику говорящим сообщаемого с точки зрения его связей и отношений [1, с. 228]. (Сравнительно редко вводные слова данного подкласса могут сигнализировать связь высказывания с предситуацией. Например: «*Итак* — перепись»).

Другой (более многочисленный) подкласс вводных слов с той же семантикой характеризуется только тенденцией к модально-детерминирующей функции в позиции абсолютного начала (т. е. данные вводные слова могут также выполнять и модально-актуализирующую функцию по отношению к теме или реме высказывания). Сюда относятся такие вводные слова, как *кстати*, *между прочим*, *следовательно*, *стало быть*, *значит*, *вообще*, *вообще говоря*, *мало того*, *больше того*, *таким образом*, *собственно*, *собственно говоря*, *в частности*, *сверх того*, *во-первых*, *во-вторых* и под.

Ср. примеры, где одно и то же вводное слово последовательно выполняет модально-детерминирующую функцию, модально-актуализирующую функцию по отношению к реме и модально-актуализирующую функцию по отношению к теме высказывания: *К с т а т и*, // *подобные опыты* // *проводились еще в прошлом веке* — *Кстати*, и *е г о* // *надо взять в экспе-*

⁴ О нулевой антитезе см. [5].

дицию — *А э т о т опыт, кстати, // еще ничего не доказывает; С л е д о в а т е л ь н о, // данное исключение // подтверждает общее правило — Следовательно, только э т о исключение // свидетельствует о некоорректности рассуждений — Данное и с к л ю ч е н и е, следовательно, // подтверждает общее правило и т. п.*

Среди данного подкласса выделяется небольшая группа вводных слов, имеющих в интерпозиции тенденцию к модально-актуализирующей функции по отношению к теме высказывания. Таковы вводные слова *однако*, причем, к примеру, к слову *сказать*. Например: *«На место, однако, // прибыли своевременно»* (Г. Дробот, Тапцорка); *«Это о т к р ы т и е, к слову, // не принесло ему успеха; Надо п о м н и т ь, причем, // все условия опыта»*. (Очевидна принадлежность подобных структур к разговорному стилю речи).

За вычетом указанных подклассов остается основной корпус вводных слов, предназначенных для модально-актуализирующей функции по отношению к реме или теме высказывания, а также иногда (о чем речь будет идти ниже) для модально-детерминирующей функции. Данный корпус весьма обширен и включает в себя практически все вводные слова, кроме отмеченных выше подклассов. При описании этих вводных слов важно разграничить, при каких условиях они соотносятся с темой, а при каких — с ремой высказывания, поскольку никакой специальной (категориальной) предназначенности и даже тенденции к ней у них не наблюдается. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Для соотношения вводного слова с темой высказывания необходимы следующие условия: 1) абсолютно начальная или срединная (в пределах первой синтагмы) позиция вводного слова; 2) логический акцент на теме, эксплицирующий свое значение с помощью слов-экспликаторов типа *а вот; а; ну, а* и под.; 3) интонационное стяжение между вводным словом и логически акцентированной темой; 4) отчетливая пауза после синтагмы-темы. Например: *К счастью, о т е ц // пришел вовремя = О т е ц, к счастью, // пришел вовремя.*

Как можно видеть, актуальная структура данных высказываний (имеющих, кстати, одинаковую актуальную информацию и потому функционально взаимозаменяемых) задана одной и той же конситуацией, предполагающей двухэлементную антитезу (противопоставление). Ср.: [Мать опоздала.] *О т е ц, к счастью, // пришел вовремя.* = [Мать опоздала.] *К счастью, о т е ц // пришел вовремя.*

Вводные слова, выполняющие модально-актуализирующую функцию по отношению к реме, могут занимать в высказывании любую из трех возможных позиций. В любой из них для соотношения вводного слова с ремой на ней необходим логический или фразовый (в терминологии Л. В. Щербы) акцент.

Особого внимания заслуживают вводные слова, которые занимают абсолютно начальную позицию и соотносятся с конечной ремой, сигнализируемой фразовым акцентом. Широко распространено мнение, что подобные вводные слова соотносятся с содержанием всего высказывания, т. е. выполняют, по нашей терминологии, модально-детерминирующую функцию. Это верно лишь отчасти. В действительности соотношенность начального вводного слова со всем высказыванием или с каким-либо его элементом задается конситуацией, выявляемой с помощью так называемого «метода вопросов». Сущность этого метода (здесь) заключается в следующем.

Для выяснения того, с каким элементом высказывания соотносится вводное слово, надо, во-первых, соотнести данное высказывание с одним из четырех (в классификации Ш. Балли [6]) возможных вопросов. При этом, если данное высказывание может служить ответом на поставленный вопрос только в полном виде, вводное слово соотносится со всем его содержанием, т. е. выполняет модально-детерминирующую функцию. Это возможно только при полных диктальных вопросах. Если же данное высказывание может служить ответом на поставленный вопрос в «свернутом», эллиптированном виде — с сохранением (!) своей субъективной модаль-

ности, сигнализируемой вводным словом, — то в этом случае вводное слово соотносится с ремой, которая «запрашивается» в вопросе и только с которой данное вводное слово предстает в эллиптированном варианте высказывания. Это происходит при частных диктальных, полных модальных и частичных модальных вопросах. Например: 1) [— Что случилось?] — *Кажется, // вечером придет брат*; 2) [— Кто придет вечером?] — *Кажется, вечером придет брат. = Кажется, брат*; 3) [— Вечером придет брат?] — *Да. Кажется, вечером придет брат. = Кажется, да. = Кажется, брат*; 4) [— Брат ли придет вечером?] — *Кажется, вечером придет брат. = Кажется, брат.*

Соотнесенность вводного слова с ремой в полном и эллиптическом вариантах 2-го, 3-го и 4-го высказываний очевидна. Соотнесенность вводного слова с ремой, сигнализируемой логическим акцентом (при любой позиции вводного слова), решается аналогично и проще, поскольку в этом случае высказывание обычно не предполагает полный диктальный вопрос. Примеры здесь, думается, очевидны, тем более, что исследователи, насколько нам известно, имеют в этом вопросе согласное мнение.

Что касается вводных слов основного корпуса, употребляемых в абсолютном конце высказывания, то их функционирование также связано с целым рядом интересных обстоятельств.

Во-первых, следует отметить, что вводных слов, специально предназначенных для модально-актуализирующей функции в данной позиции, в русском языке нет. Практически любое вводное слово, кроме собственно модально-детерминирующих, может быть употреблено в абсолютном конце высказывания. Следует, однако, учитывать, что с увеличением объема высказывания уменьшаются возможности расположения вводных слов в его абсолютном конце [7].

Во-вторых, заслуживает внимания вопрос о том, могут ли вводные слова в абсолютном конце высказывания выполнять модально-детерминирующую функцию. Скажем сразу: могут. В том же случае, что и при абсолютно начальной позиции их, т. е. тогда, когда включающее их высказывание называет ситуацию, заданную полным диктальным вопросом. При назывании высказыванием ситуации, задаваемой каким-либо другим типом вопроса, абсолютно конечное вводное слово соотносится с ремой, выполняя по отношению к ней модально-актуализирующую функцию.

Возьмем высказывание: «Торги не состоялись, по всей вероятности» (А. Чехов). При ответе на полный диктальный вопрос оно возможно только в полной форме, и вводное слово в этом случае выполняет модально-детерминирующую функцию: [— Что случилось?] — *Торги не состоялись, // по всей вероятности.* Ср., однако: [— Торги не состоялись?] — *Да. Торги не состоялись, по всей вероятности. = Не состоялись, по всей вероятности;* [— Состоялись ли торги?] — *Торги, не состоялись, по всей вероятности. = Не состоялись, по всей вероятности;* [— Что не состоялось?] — *Торги не состоялись, по всей вероятности. = Торги, по всей вероятности.* Как можно видеть, элиминирование в ответном высказывании актуально нерелевантных элементов при сохранении его субъективной модальности подтверждает тождественность актуальной информации полного и неполного вариантов высказывания и соотнесенность вводного слова с ремой⁵.

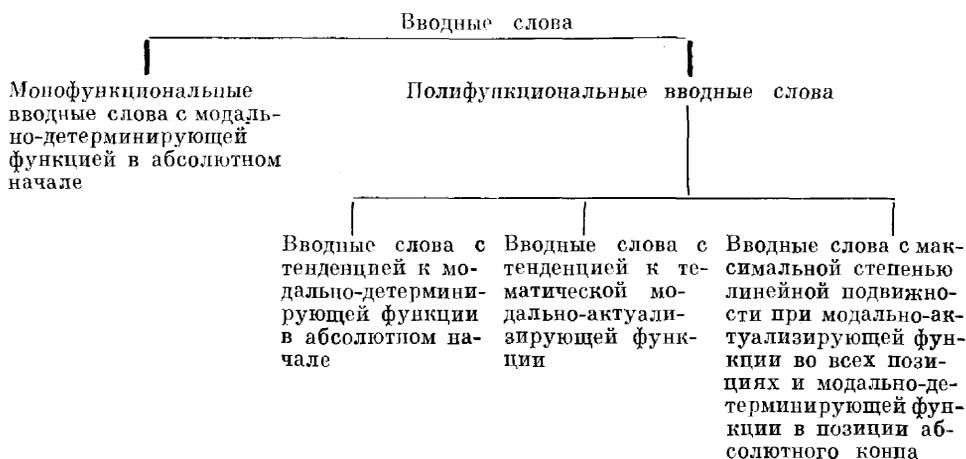
Теперь о вводных словах основного корпуса, употребляемых интерпозитивно в модально-актуализирующей функции по отношению к реме. Пожалуй, главной проблемой (имеющей и большую практическую значимость) при описании этих вводных слов является вопрос о том, в каких местах высказывания возможно их размещение.

Общая закономерность здесь состоит в том, что интерпозитивное вводное слово может быть размещено только в таких местах высказывания, где при реализации коммуникативной парадигмы базового предложения возможен эффект актуального членения, т. е. в местах возможных

⁵ Приведенный пример заимствован из статьи А. А. Корнилова [7, с. 62], который безоговорочно считает, что в этом и подобных предложениях «вводный элемент окрашивает модально передаваемую мысль в целом» (там же).

«актуальных швов», где будет проходить граница этого членения (подробнее см. [8]). Поэтому вводные слова не могут быть расположены, например, между компонентами фразеологических единиц или между определением и определяемым (по крайней мере, в кодифицированной литературной речи). С другой стороны, вводные слова свободно располагаются между словами с предикативной или приглагольной подчинительной (управление, примыкание) связью. Ср.: *Он работает, // кажется, спустя рукава.* — **Он работает // спустя, кажется, рукава;* *Экскурсия в лес // нам, конечно, понравилась.* — *Экскурсия в лес, // конечно, нам понравилась.* — **Экскурсия, конечно, в лес // нам понравилась* и т. п. Такими предстают вводные слова в аспекте актуального членения.

Функциональную роль вводных слов в данном аспекте с учетом степени их линейной мобильности можно изобразить на схеме:

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980, с. 214—217.
2. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения. — ВЯ, 1977, № 4, с. 41.
3. Черткова М. С. О функционально-семантическом соотношении модальных слов с частицами и союзами. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1970, № 332, с. 272.
4. Седун Е. П. Обучение студентов-иностранцев интонационным нормам русского языка. — В кн.: Русский язык для студентов-иностранцев. Вып. 10. М., 1971, с. 189.
5. Кандинский В. С. Целый текст и его интонационная структура. — В кн.: Иностранные языки в высшей школе. Вып. 4. М., 1968.
6. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, с. 47—48.
7. Корнилов А. А. Местоположение вводных элементов с модальным значением в составе предложения. — В кн.: Лингвистические основы преподавания русского языка иностранцам на продвинутом этапе обучения. Л., 1977, с. 62.
8. Бухарин В. И. Об эффекте актуального членения. — ФН, 1980, № 4.

АНТОНОВА Т. И.

ТЕКСТОВЫЕ ФОРМУЛИРОВКИ НАУЧНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Научное определение, т. е. формулировка, раскрывающая сущность какого-либо научного понятия или термина, имеет, как известно, принципиальное значение для той или иной науки. Как в классическом языкознании, так и в более поздний период обязательным требованием к формулировке определения была ее полнота: научное определение должно отражать все существенные признаки понятия¹. Для научной традиции характерно также наличие достаточно строго очерченного и не слишком широкого круга моделей научного определения.

В период интенсивного и многообразного изменения языка науки представляется интересным рассмотреть наиболее характерные особенности научного определения и систему функционирующих в настоящее время моделей определения. При этом очевидно, что самым показательным материалом для исследования может быть язык учебной литературы с его особенно строгой общей регламентацией (в настоящей статье анализируются формулировки в [1—3]).

Определение, находящееся в связном тексте, в отличие от словарного, естественно, нередко представляет собой «трудноуловимую» единицу: наличие термина во фразе само по себе не всегда служит свидетельством того, что предложение, в которое оно входит, является научным определением.

С другой стороны, возможность конструкций, напоминающих научное определение, но не являющихся таковыми, никак не отрицает реальности типичных, бесспорных формулировок, дефиниций: в научной речи почти в каждом предложении есть нечто от определения [4]. Итак, рассматриваемый вид речи анализируется в данной работе в плане его текстовых функций и далее — со стороны семантической и грамматической структуры.

Функциональный тип определения (в нашем употреблении термина) обуславливается его целевой установкой в тексте, ролью в организации текста. Соответственно различаются два функциональных типа определения — прямое, специальное определение и не прямое, неспециальное. Прямым, или специальным определением мы называем определение, экспликация которого составляет единственное или основное содержание предложения. Наиболее яркое проявление дефиниции такого рода — фраза, представляющая собой законченную формулировку, фраза-формула. Классическим текстовым положением подобной формулы является начало того или иного фрагмента текста-раздела, параграфа, когда научное определение является исходной точкой изложения, ср.: «§ 9. Повествовательные предложения. Повествовательными называются предложения, содержащие сообщения о каких-либо фактах действительности, событиях, явлениях и т. д.» [3, с. 23].

Не прямое, неспециальное определение не ставится в фокус внимания, не служит отправной точкой текста и соответственно не представляет собой цельной фразы-формулы, а может характеризоваться как сегмент предложения, главной целевой установкой которого в речи не является выражение дефиниции, например: «В речи сила звука связана с типом

¹ «Исчерпывающее» содержание определения можно понимать, разумеется, неоднозначно, в частности, в плане отражения смысловых и формальных свойств определяемой единицы. Однако последнее связано непосредственно с методологической основой языковедческой теории и в данной статье не рассматривается.

ударения, называемого с и л о в ы м, или д и н а м и ч е с к и м, где ударный гласный отличается от безударного своей силой» [2, с. 28—29].

Неспециальное, вспомогательное определение имеет ряд вариантов, разграничиваемых в зависимости от назначения вводимого во фразу в качестве одного из ее компонентов определения. Наиболее типично явление, когда толкование соответствующего понятия составляет лишь одно звено (притом не главное) содержания предложения. Это обусловлено тем, что такой организации фразы требует условие связности текста, который, однако, не «нацелен» специально на толкование данного термина. Понятие, выражаемое термином, является деталью описываемой системы, деталью, суть которой должна быть, тем не менее, истолкована, поскольку ранее о термине речь не шла. Ср.: «С орфоэпической точки зрения в произношении первого предупредного *e* (графически *e*) в мягкорядной редукции существовало два варианта, называемых *э* к а н ь е и *й* к а н ь е, т. е. признание его с уклоном на *e* или же с уклоном на *и*, причем москвичи больше „йкали“, а ленинградцы, в основном, больше „экали“» [2, с. 107].

Вместе с тем достаточно характерна для анализируемых текстов и иная, более конкретная функциональная направленность непрямого определения, которое в данном случае можно назвать определением-напоминанием (краткое повторение сути понятия при вторичном и последующих употреблениях термина). Ср.: «При качественной редукции следует различать таким образом с т е п е н ь редукции, т. е. степень опускания спинки языка..., и редукцию по р я д у, т. е. ... по движению языка вперед или назад...» [2, с. 97].

Проявление того или иного из отмеченных вариантов вспомогательного определения иногда характеризуется дополнительными нюансами, тонко варьирующими определение в соответствии с содержанием фразы, например: «Огубление (иначе лабиализация) гласных, т. е. изменение величины отверстия, понижает высоту тона гласного» [2, с. 61].

Прямые определения в анализируемых книгах количественно преобладают. Тем не менее более существенным является то обстоятельство, что процентное отношение специального и вспомогательного определения весьма резко колеблется в зависимости от общей стилистической окрашенности текста, т. е. в данном случае — от более или менее традиционной манеры изложения. Количество специальных определений соответственно может колебаться от 1/30 до 1/3 части от числа прямых формулировок.

Говоря о традиционном и современном научном языке, мы имеем в виду не всю совокупность характеристик того и другого, а лишь значимые в определенном аспекте явления, т. е., например, синтетический или аналитический способ изложения. Так, при традиционном способе толкования явлений языка параграфы текста и более крупные части имеют конкретную тематику, посвящаются одному классу единиц, одному факту, одной закономерности [3, § 11]. О более современной, более аналитической манере изложения свидетельствует, например, такая тематика параграфов, как «Нераспространенные и распространенные предложения», «Типы предложения по коммуникативной целеустановке» [4] и т. п. Впрочем, естественно, что отмечаемая многими атомарность в квалификации языковых фактов, свойственная классическому языковедению, в науке нынешнего дня уже не встречается.

Широкий показ названных свойств научного языка не входит в задачи статьи. Остановимся на одном показательном факторе: наличии во фрагменте текста (параграфе), посвященном одному явлению, прямого специального определения, представляющего отправную точку изложения, т. е. открывающего текст. Ср.: «**И**побудительные предложения. П о б у д и т е л ь н ы м и называются предложения, выражающие волю, стремление говорящего побудить собеседника к совершению какого-либо действия» [3, § 11]. В параграфах более широкой тематики абсолютная препозиция прямого определения необязательна и наблюдается более редко, чем иные виды начала текста. Общей характеристикой начальных отрезков речи при отсутствии препозитивного определения является

раскрытие сути того более общего понятия, проявлением которого предстают определенные сопоставимые единицы, или изложение неких фоновых закономерностей языка, истории становления понятия и т. п. Определение основных конкретных единиц, которым посвящен фрагмент, содержится в последующей части текста. Если речь идет о двух-трех явлениях, это, как правило, определение комплексное, сочетающее в одной фразе сопоставление определяемых единиц. Ср., например: «В каждом языке... могут быть чередования различного рода, одни — ж и в ы е (или иначе п о з и ц и о н н ы е), требуемые живыми фонетическими нормами языка...» [2, § 72]. Итак, вспомогательные определения, наиболее частые в текстах последнего вида, квалифицируются в данной работе как определенные проявления того способа научного изложения, который характерен для современного научного языка в широком смысле слова. Очевидно, что упомянутое соотношение связано с многогранной квалификацией фактов, получающих прямые определения, которые в данных условиях оказываются недостаточными и должны поддерживаться вспомогательными определяющими фразами. Ср. дополнительные определения в последующем тексте указанного выше параграфа из [2]: «Иначе говоря, с точки зрения развития языка... все чередования являются фонетическими, но с точки зрения данного периода... чередования разделяются на исторические (т. е. чередования по традиции) и ж и в ы е (т. е. фонетические)».

Различная частотность вспомогательных определений в учебных текстах с традиционным или сугубо современным способом изложения представляется достаточно значительным фактором, характеризующим систему научных определений, свойственных современному периоду существования языка. Таким образом, важно не только наличие в языке специальных, дополнительных определений, но и явление сочетаемости определений двух функциональных типов или же отсутствия в тексте вспомогательных дефиниций². Наличие во фрагменте лишь прямого определения (особенно в зачине текста) связано с традиционным способом характеристики фактов языка, в котором в известной степени проявляется «атомарность» классического языкознания.

Семантическая структура научного определения, проявляющаяся в количестве и определенном соотношении обязательных смысловых компонентов, представляет собой одно из проявлений организации предложений более широкого семантического типа — субстантивного варианта реляционных предложений со значением тождества. Формулировки научного определения рассматриваются нами как частный случай предложений тождества [5].

Вопрос о семантических компонентах дефиниций получил определенные толкования в современной литературе, связанной с теорией семантики синтаксиса. В наиболее общем виде компоненты определения, равно как и реляционных предложений в целом, могут быть квалифицированы как детерминат и детерминант [6]. Возможности более определенного синтаксического моделирования — не собственно научного определения, но смежной единицы, словарной дефиниции — рассматриваются Ю. Н. Карауловым [7].

Думается, что вместе с тем правомерно и более конкретное описание семантической структуры определения. Семантическая организация современного научного определения (нами рассматриваются лингвистические тексты) выражается в двух семантических моделях: четырехкомпонентной и двухкомпонентной. В качестве компонентов ч е т ы р е х ч л е н н о й семантической (логико-грамматической) структуры определения могут выступать: термин, опорное слово (существительное — повторяемое или имеющее значения, соответствующие термину), определяющая

² Наблюдения показывают, что сопоставление не является в подобных случаях целью употребления соответствующей конструкции и содержательно мало существенно. Объединение в одной сложной структуре двух, трех определений есть следствие ярко выраженной системности и дедуктивности изложения. Учебные тексты рассматриваемого типа не могут не быть дедуктивными.

часть (относящаяся к опорному слову или непосредственно к термину и раскрывающая в том и другом случаях суть термина) и предикативная связка. Ср., например: «Безличными предложениями называются односоставные предложения, главный член которых — сказуемое — обозначает действие или состояние независимо от производителя действия...» [3, с. 75].

Некоторый комментарий к данной системе компонентов определения: основными единицами являются, безусловно, термин и определение, которое в итоге и толкует термин. Опорным словом выступает субстантив, обязательный в развернутой формулировке в силу значения тождества, присущего рассматриваемым конструкциям. По существу своему это формальное связочное слово, необходимое именно для выражения идеи субстанции по причине субстантности термина; семантически это слово предстает как «пустое» при повторе или как малозначимое в случае употребления другого слова с более общим значением. В известном смысле можно говорить о родо-видовом соответствии (сказуемое — главный член, предикат — признак, сильное управление — связь, обобщающее слово — грамматическая форма и т. п.), включающим понятие, выражаемое термином. Значение тождества двух понятий в определении сохраняется и в подобных случаях, обуславливаясь сочетаемостью данного существительного с определяющим компонентом. Предикативная связка, как известно, не является компонентом собственно семантической структуры [7, с. 345]. Однако в аспекте рассматриваемых в работе вопросов существенно и наличие (отсутствие) такой релятивы в определении (Ю. Н. Караулов в обоих случаях говорит о нулевом множителе). Итак, четырехчленное определение представляет собой наиболее развернутую, классическую формулировку с максимальным количеством компонентов.

Предложениям со значением тождества присуща взаимобратимость семантических компонентов. Возможные варианты порядка слов связаны в данном случае с различной ролью слова, которое может быть опорным. Данную функцию оно имеет при препозиции термина, например: «Двусоставные предложения — это предложения...». В случае постпозитивного положения термина к подобному слову вместе с утратой функции грамматической связки возвращается полнозначность: «Предложения... называются двусоставными». Очевидно, что в первом варианте имеет место толкование термина, который предстает в роли детермината, тогда как во втором в функции детермината выступает не термин (детерминант), а другое субстантивное слово. Формулировки второго типа обнаруживают невозможность выделения в них более конкретных элементов содержания, чем детерминат (существительное + определяющий компонент) и детерминант (термин). Думается, однако, что это не может быть препятствием для признания одним из логико-грамматических компонентов определения так называемого опорного слова.

Компонентами двуэлементной модели являются термин и непосредственно определяющий его член. Ср., например: «...различают гласные негубные (иначе нелабIALIZED или неогубленные) [и, е, а, ы], когда губы находятся в нейтральном положении... и гласные губные..., когда губы выпячены и округлены» [2, с. 65]. Или: «Так, среди целевых предложений выделяются собственно целевые, имеющие в главной части значение произвольного, целенаправленного действия, и предложения антицели, имеющие в главной части значение непроизвольного действия» [1, с. 224].

Разобранные нами два вида семантических моделей существенно различаются, таким образом, наличием в первой избыточных в собственно семантическом плане компонентов и отсутствием их во второй, что зависит от того, является ли определение целевой предикативной единицей, имеющей предикативные категории модальности и времени (хотя бы и с панхроническим значением), или таковой не является. Формулировки второго типа, как правило, представляют собой прямые, специальные определения, имеющие целью истолковать термин в условиях первичного употребления его в тексте.

Практически существуют и формулировки (впрочем, встречающиеся редко), которые можно назвать в рассматриваемом отношении трехкомпонентными (термин, связка и определяющий компонент, организованный на основе субстантивного слова). При этом субстантивное слово не вычленяется из атрибутивной части как формальнограмматический связующий элемент. Ср., например: «Под к о л и ч е с т в е н н о й редукцией понимается сокращение длительности гласного в определенных фонетических позициях» [2, с. 96]. «То, что называется тембром, есть результат совокупности основного тона и парциальных тонов...» [2, с. 29].

Малая частотность подобных формулировок — свидетельство их «случайности», выхода пишущего за рамки естественной языковой закономерности в сочетаемости термина и субстантивного «противочлена».

Степень употребительности четырехкомпонентной семантической модели и модели двухкомпонентной различна и в конкретных текстах неоднородна. Так, в одной из анализируемых нами книг двучленная модель составляет 1/30 часть от общего количества формулировок определения, в другой — 1/15, в третьей же книге двухкомпонентные определения преобладают (44:35). Частотность моделей связана, безусловно, с индивидуальной манерой письма. Тем не менее очевидно, что употребляемость семантических моделей определяется и объективными языковыми факторами.

Современный научный стиль, как известно, отличается компрессией речи; значительно возросла в сравнении с традицией и системность характеристик. Именно с данными явлениями связана прежде всего частотность соответственно четырех- и двухкомпонентной модели определения. При более традиционном в целом стиле изложения преобладают четырех- и трехчленные модели; при ярко выраженных компрессии языка и системности изложения возрастает количество двучленных определений. Последняя модель связана с явлением компрессии текста в двух планах: она представляет сама по себе «сжатую» формулировку и одновременно создает уплотнение большого отрезка текста. Это достигается за счет употребления определения во фразе с более широким содержанием, совмещающей толкование термина с выражением того или иного более широкого суждения. Ср.: «Различаются два вида корреляционной подчинительной связи: 1) обязательная двусторонняя связь, при которой обе части сложного предложения взаимно предполагают друг друга, 2) не обязательная односторонняя связь, при которой...» [1, с. 184].

Несколько более редки предложения, в которых определение «сопутствует» термину, впервые употребленному в данной фразе, т. е. представляет собой по существу вставной оборот, который мог бы и отсутствовать, если бы не первичное употребление термина, например: «К дорсальным согласным, образующимся..., относятся большинство русских переднеязычных... Как апикальные, т. е. с кончиком языка, поднятым к верхним зубам и альвеолам, произносятся в русском языке только [л, л', р, р']» [2, с. 133].

Наблюдается разнообразное варьирование содержания конструкций, включающих определение, в плане степени значимости определения в этом содержании, причем в известных случаях предшествующую определению часть фразы, может быть, следует толковать как вводящую, вступительную.

Итак, четырехчленная семантическая модель научного определения³, которую можно характеризовать как традиционную модель развернутого

³ Существенная характеристика дефиниции заключена в возможности линейного порядка ее членов (имеется в виду термин и второе субстантивное слово). В четырехчленной модели термин может стоять как в препозиции, так и в постпозиции (абсолютной относительно второго субстантива). В плане предпринятого анализа прежде всего значим тот факт, что с начальным термином используются формулировки дедуктивного типа, тогда как с начальным вторым существительным — индуктивные. Дедуктивными по существу являются и двучленные модели с *для, при, в*. Отмеченное различие, по нашему мнению, и объясняет подавляющее преобладание в текстах конструкций с препозитивным термином, т. е. дедуктивных, соответствующих дедуктивному построению

определения, уступает место более «легкому», динамическому двучленному определению, отвечающему в полной мере свойствам современного научного стиля. Употребление четырехчленного определения ограничивается и реализацией иных способов толкования сути научного понятия. Таковыми являются определение-описание и так называемое списочное определение.

Под определением-описанием подразумевается фраза (несколько фраз), раскрывающая значение термина, но фраза не типизированная, отличающаяся «свободной» структурой и не являющаяся предложением тождества; ср., например: «Связки второго типа делятся на полузнаменательные и знаменательные. Полузнаменательные связки вносят в именное сказуемое значение появления признака... его сохранения... внешнего обнаружения...» [1, с. 89].

Значение тождества двух понятий отсутствует в силу некоторых особенностей в организации фразы, основной из которых является семантика глагола-предиката. Состав глаголов в типичных формулировках-определениях и в определениях-описаниях различен. Если во фразах первого типа это глаголы (или же именные формы предиката) прямого или менее явного отождествления (*заключается, подразумевается, является, понимается, представляет собой, принадлежит, подразумевается; определяет, предполагает, характерны, типичны*), то в предложениях второго вида круг глагольных лексем значительно шире. Некоторые глаголы тождества, возможные в описании (*состоит в, обозначает, выражает, образуется*), как бы «тонут» в массе глагольных и именных предикатов иной семантики (ср.: *допускает, ограничивается, участвует, соединяет, распространяет, обуславливается, указывает, характеризуют, поясняет, вносит, связаны, предопределены, объединены, построены* и т. п.). И несмотря на то, что и в этом перечне можно усмотреть более глубоко скрытое значение тождества, данные слова лишены реальной отождествительной функции в анализируемых конструкциях. Наиболее явно отсутствует отождествительное значение в описательной подчинительной конструкции с *если*: «Если надо передать звуки языка с их оттенками в их акустическом и артикуляционном аспектах, то применяется фонетическая транскрипция...» [2, с. 44].

Сопутствующие признаки определения-описания заключаются в частом отсутствии во фразе термина (и возможности его фактического эквивалента — *это, оно*), в распространенности конструкции, включающей и семантически необязательные компоненты. Ср.: «В языках со свободным ударением оно может находиться на любом слоге слова, хотя каждое слово (или почти каждое) и имеет свой определенный ударный слог, что нередко выполняет и семантическую функцию слова, например: ...» [2, с. 226].

Достаточно часто имеет место и явление, которое можно назвать развернутым описанием. Оно представляет собой несколько предложений, составляющих сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое), часто равное абзацу. Сущностная характеристика терминированного понятия; рассредоточена в описательном тексте. Ср., например: «Подчинительная связь между компонентами сложного предложения аналогична разным видам подчинительной связи в словосочетании и связи между компонентами предикативной основы предложения... Она может также не иметь аналогов в синтаксических связях между словом и формой слова или между формами слов, но всегда характеризуется тем, что объединяемые ею элементы различаются по своей синтаксической функции и каждый из них имеет свое особое место в сложном предложении. Средства выражения подчинительной связи между компонентами сложного предложения специфичны...» [1, с. 178].

Вариантом развернутого описания является иногда наблюдаемое тезисное определение, в котором описательные фразы могут сочетаться с «истинно» определяющими формулировками: «Определяя тему, исследователи актуального членения отмечают три ее признака: 1) тема —

текста в целом и его частей. Добавим, что предложения с *для, при, в* представляют собой определения именно при препозиции термина. В противных случаях они не имеют, вне особых условий, функции научного определения.

это „исходный пункт высказывания“, „отправная точка“ для передачи актуальной информации; 2) она актуально менее значима, чем рема; 3) тема — часть предложения, которая обычно дана, известна, вполне очевидна, предопределена предшествующим контекстом, является носителем „данного“ [1, с. 146]. Одной из реализаций тезисного определения можно считать текст, состоящий из трех-четырёх пунктов, образующих развернутое описание, предваряемый или заключаемый фразой, содержащей термин (этот текст не представляет собой типизированную формулировку и не является описанием-определением по содержанию).

В связи с разграничением собственно определения и описательного определения интересным явлением представляются предложения с *в, при, для* в абсолютной препозиции — предложениями, вводящими термин. Предложения с *в, при, для* надлежит, очевидно, толковать как формулировки научного определения, имеющие двучленную семантическую структуру: Т — Аtr. Атрибутивным компонентом выступает следующая за термином часть фразы, например: «В предложениях чередования перечисляется ряд событий, которые повторяются, чередуясь, не совпадаясь в одно и то же время» [1, с. 210]. При предсказуемой связи главный компонент определяет (предсказывает) форму зависимого. В отличие от наиболее частотных двучленных определений данные формулировки, имея предикативную структуру, являются самостоятельно функционирующими.

Обращает на себя внимание тот факт, что в анализируемых текстах часто встречается сочетание развернутого описательного определения с типовой формулировкой, сохраняющей позиции компонентов четырехчленной семантической модели, но лексически развернутой не до конца — атрибутивный член представлен указательным местоимением, например: «... Э т а окраска согласных носит название л а б и а л и з а ц и я или о г у б л е н и е» [2, с. 126]. Очевидно, что такое сочетание отвечает потребности придать описательному, определяющему тексту большую четкость, целенаправленность.

Описательное определение в различных его реализациях представляет собой, таким образом, во всех анализируемых источниках широко распространенное явление, составляющее в каждом тексте более трети от числа «истинных» определений. Высокая частотность определения-описания — закономерность, характерная, по-видимому, именно для современного учебного текста.

Толкование термина путем описания свойств соответствующей языковой единицы, подобно двучленным моделям собственно определения, — более экономный способ раскрытия сущности того или иного явления в сравнении с типичной громоздкой формулировкой с ее избыточными элементами. Подобным же образом можно истолковать и роль в тексте списочного определения, которое в проанализированных нами книгах встречается, правда, довольно редко. Ср., например: «К п а с с и в н ы м речевым органам следует отнести: твердое нёбо, альвеолы и зубы. К ним же относится также и носовая полость» [2, с. 27].

Грамматическая структура типового определения прежде всего привлекает внимание тем обстоятельством, что, как видно из изложенного, определение может представлять как предикативную (четырёх- и трёхкомпонентная модель и некоторые реализации двухкомпонентной), так и непредикативную (основная масса проявлений двухкомпонентной модели) синтаксическую конструкцию.

Предикативные конструкции наиболее часто организованы по структурной схеме двусоставных (в традиционной терминологии) предложений, предикативный центр которых включает именительный падеж с субъектным значением (дискуссионный вопрос о синтаксической сути второго именительного падежа, связанный с толкованием коммуникативной направленности предложений тождества [ср. 7, с. 279—280], не связан непосредственно с рассматриваемым кругом фактов и не ставится в данной работе). Достаточно употребительны и так называемые безличные предложения, не имеющие позиции именительного падежа. Вместе с тем последние не представляют в ряду анализируемых формулировок столь замет-

ного явления, как в научном языке в целом [8]. Возможно, этот факт объясним тем, что в особо строго регламентируемых подсистемах научного стиля безличные конструкции оказываются излишне субъективно окрашенными (ср. *принято называть, можно определить, следует назвать*). Показательно в данном отношении обилие в формулировках определения возвратных форм: *понимается, подразумевается, выделяется, закладывается, определяется, соединяется, ограничивается* и др. Подобные формы, соотносимые с личными глаголами без *-ся*, также нельзя не воспринимать в этих случаях как результат стремления избежать субъективной окраски связочного глагола. Таким образом, общая тенденция предельной объективизации речи, характерная для современного научного языка, проявляется в системе научного определения несколько своеобразно.

Интересен вопрос о грамматических структурных схемах определения. Общая грамматическая схема дефиниций известна: $N_1 - N_1$. Однако данная схема, отражающая строение предикативного минимума предложения, не дает достаточно полного представления о грамматической выраженности определения. Приведенная формула приложима к рассматриваемым конструкциям в достаточной мере условно, поскольку синтаксическая функция именительных падежей, а также финитного глагола не всегда однотипна и вообще точно определима. Грамматическая структурная схема предложения-определения должна отражать номинативный минимум фразы, т. е. семантическую модель деформации, «расширенную структурную схему» [7, с. 279—280].

Грамматическая структурная схема предложения, как известно, основывается на морфологии соответствующих компонентов фразы. Систематизация морфологических форм единиц семантической структуры определения показывает, что наиболее простую форму имеют терминируемое понятие, опорное слово и связка. Значительно детализированы морфологически основные компоненты — термин и определяющая часть.

Терминируемое понятие может иметь единственно возможную форму — именительного падежа, что соответствует функции этого компонента в семантической структуре определения, препозитивной позиции во фразе, позиции темы высказывания (возможность темо-ремного членения дефиниций многими отрицается). Именительный падеж — основная форма и субстантивного опорного слова определения, что объясняется предикативной (по крайней мере формально) ролью его, требующей морфологической, падежной однотипности с подлежащим-термином. В безличных конструкциях именительный падеж замещается винительным. В единичных случаях возможен творительный падеж (ср.: *Сложное предложение является предложением...*).

Связочный компонент семантической модели представляет собой финитную форму глагола, варьируемую в числе и выступающую в форме 3-го л. настоящего времени изъявительного наклонения. Возможно известное лексическое варьирование связочного глагола и связочного компонента в целом, например: *называется, носит название, принято называть, Матезиус называет*.

Термин в составе определения характеризуется строгой заданностью круга падежных форм, который состоит из 8 единиц: им. падеж (только препозитивный); твор. падеж (как в препозиции, так и в постпозиции); вин. падеж; *для* + род. падеж; *к* + дат. падеж; *под* + твор. падеж; *в* + предл. падеж; *при* + предл. падеж.

Беспредложные и предложные формы связаны с различными условиями употребления. Именительный и творительный падежи возможны как в самостоятельных, так и в несамостоятельно функционирующих формулировках; предложные формы в последних отсутствуют.

Как отмечено ранее, формулировки с им., вин. и твор. падежами термина являются традиционными (как и индуктивное определение с им. падежом определяемого слова). Частотность данных структур неодинакова в разных текстах. В тексте [1] традиционные формулировки составляют половину имеющихся в нем типовых определений. В текстах [2, 3] традиционных формулировок — 11% в одном случае и 22% в другом. Среди

предложений с прочими падежами термина в учебно-научных текстах существенно различно количество двучленных определений — как самостоятельно функционирующих (с *для, при, в*), так и противоположных (с *им., вин., предл.* падежами термина) — в обратной пропорции к приведенным цифрам. Употребительность двучленных конструкций с *предл., твор.* и *дат.* падежами в анализируемых источниках одинакова.

Приведенные факты показывают, что морфологическая форма термина в научном определении достаточно динамична (в отличие от формы двух других субстантивных компонентов — опорного слова и терминируемого понятия). Чем определяется падеж термина? Очевидно, что вся совокупность необходимых падежей и предлогов обусловлена прежде всего возможностью выражения тождества двух понятий. Наряду с этим сам факт многообразия падежей термина объясняется, как думается, стилистически.

Совокупность форм выражения определяющего компонента дефиниции также представлена достаточно четко, но морфологические формы в данном случае более многообразны, чем у прочих компонентов определения. Можно отметить более десяти основных синтактико-морфологических форм атрибутивного компонента: причастный оборот, адъективное слово или оборот, субстантивное слово (как правило, несогласованное), род. падеж без предлога, падежи с *при, для, без, с, о, согласно*; обороты с *то есть, или*; придаточные конструкции с *который* (но не с *какой, чей, что, где, если, когда, поскольку, так как*), с некоторыми сложными союзными сочетаниями — *в том, что; на то, что*⁴.

Традиционными и наиболее стабильными формами определяющего компонента являются прежде всего причастный оборот и придаточное с *которой* (свидетельство тому — словарные дефиниции и тексты классических исследований Л. В. Щербы, В. В. Виноградова). Данные конструкции могут характеризоваться как основные и в настоящий период, т. к. употребительность их наиболее высока.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что традиционными формами атрибутивного компонента выступают конструкции, наиболее типичные в кругу форм с синтаксической функцией определения. Характеризуемая определяющая часть дефиниции нередко может быть многокомпонентной на морфолого-синтаксическом уровне, обнаруживая самую разнообразную сочетаемость форм: ср.: «*Период — это относительно законченное в смысловом отношении развернутое сложное или простое, осложненное оборотами предложение, четко распадающееся на две противопоставленные части, первая из которых, как правило, состоит из ряда однородных единиц...*, а вторая, произносимая пониженным тоном, заключает первую в смысловом, грамматическом, интонационном отношении...» [3, с. 224].

В тексте с более традиционным способом и стилем изложения — наибольшее число и наибольшее разнообразие формулировок с многокомпонентным определяющим членом. В тексте с более современным стилем многокомпонентных определяющих членов в дефинициях почти нет. При этом морфологическая форма определяющего члена более разнообразна, формулировки в целом отличаются большей легкостью, раскованностью.

Итак, очевидно, что семантические компоненты определения имеют разную морфологическую активность. Связка, толкуемое понятие и опорное слово способны реализоваться лишь в одной морфологической форме — соответственно финитной глагольной и падежной. Термин и атрибутивный член характеризуются, можно сказать, неограниченной морфологической продуктивностью. Многообразие форм атрибутивного компонента в аспекте структурных схем определения несущественно, т. к. практически каждая форма возможна в формулировке любого типа. Значительной в плане выявления структурных схем оказывается мор-

⁴ Поскольку речь идет о формулировках, не образующих цельную предикативную структуру, а представляющих собой часть некоего предложения, понятие «структурная схема» приложимо к данным оборотам условно в сравнении с типичным их употреблением.

фологическая форма термина, которая в данном случае и служит опорной при составлении грамматических структурных схем, группируемых в рамках семантических моделей определения.

Из различных грамматических схем научного определения наиболее частотны в целом схемы с им. и твор. падежом термина, независимо от представляемой ими семантической модели. Данные конструкции сохраняют основу традиционного определения и в сочетании с неклассической формой атрибутивного компонента. Из числа прочих высокопродуктивны схемы с дат. (с *к*) и твор. (с *под*) падежами.

Итак, анализ системы научного определения в учебных текстах языковедческой литературы дает основание утверждать, что помимо традиционного развернутого определения в подобных текстах широко употребительны «облегченные», сжатые формулировки, а также определение-описание разных видов и списочное определение. Грамматические структурные схемы определения многообразны, причем наибольшая синтактикоморфологическая продуктивность характерна для атрибутивного компонента дефиниции, который может быть и многокомпонентным.

Изменения в системе текстовых определений (семантические модели, способы определения понятия, грамматические схемы дефиниций, условия функционирования различных определений) сводятся в целом к существенно возросшей частотности многих явлений, известных в принципе и традиционному языкознанию, частотности, следствием которой и является многообразие проявлений определения в современной учебной литературе. Эти изменения в кругу текстовых научных определений обуславливаются общими тенденциями развития научного функционального стиля — языковой компрессии, ярко выраженной дедуктивности в построении текста и всестороннего многообразия языковых средств (синтаксических, морфологических, лексических).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1979.
2. Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976.
3. Современный русский язык. Под ред. Розенталя Д. Э. Ч. 2. Синтаксис. М., 1979.
4. Ратцева И. И., Строганов В. А. Семантика текста и алгоритмизация. — В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, 1976, вып. 103, с. 119.
5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
6. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981.
7. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981, с. 329—338.
8. Митрофлюва О. Д. Язык научно-технической литературы. М., 1976.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ТОРСУЕВА И. Г.

СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ИНТОНАЦИОННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Лингвистическое изучение интонации имеет почти столетнюю историю. Начало теоретического осмысления интонации было положено выходом в свет книги Г. Суита [1], где были определены основы анализа интонации, не потерявшие своего значения и в настоящее время. В отечественном языкознании основы научного рассмотрения интонации были заложены в трудах В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, Л. В. Щербы. Это учение получило развитие в работах Л. Р. Зиндера, А. А. Реформатского, Г. П. Торсуева.

Учение об интонации прошло в своем становлении несколько этапов, которые определялись, с одной стороны, общим развитием лингвистической теории, с другой стороны — совершенствованием акустической аппаратуры. Изучение интонации началось с выявления ее роли в различении типов высказывания (вопрос, побуждение и т. п.), затем в центре внимания оказалась проблема соотношения интонации и синтаксиса. Начиная с 60-х годов нашего столетия ведется интенсивный поиск единиц интонации, а в 70-е годы происходит переориентация исследований в сторону изучения интонации текста.

К настоящему времени разработан перечень функций интонации в высказывании и тексте, принят постулат о дискретном характере интонации, выделены единицы интонации, заложены основы ее типологического изучения. Однако многие проблемы еще остаются нерешенными: это прежде всего соотношение интонации и семантики, интонации и прагматики, диахронический и социолингвистический аспекты интонации.

Постановка этих проблем приводит к необходимости уточнить понятие «интонация». Наиболее распространенное определение интонации можно сформулировать следующим образом. Интонация представляет собой единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, силы, длительности, темпа произнесения, тембра и пауз. С точки зрения акустики интонация — это взаимосвязанные изменения частоты основного тона и интенсивности, развертывающиеся во времени. Как видно из сказанного, операция определения была проведена только на основе формы либо с точки зрения ее восприятия, либо с точки зрения ее материального воплощения. Независимо от того, сопровождается ли такая трактовка перечнем функций интонации, она остается определением некоторой звуковой формы.

По нашему мнению, более корректным является следующее определение. Интонационная форма представляет собой единство взаимосвязанных компонентов — мелодики, силы, длительности, темпа произнесения, тембра и пауз, — соотносимое с определенным набором языковых значений. Таким образом подчеркивается, что интонация имеет не только формальную, но и содержательную сторону. Следовательно, интонацию можно определить как систему единиц супrasegmentного уровня языка, определенным образом структурированную.

Единицы интонации выступают в литературе под различными названиями: фонема тона, интонационная конструкция, интонационный контур, интонома. Под единицей интонации понимается совокупность интонационных признаков, достаточных для дифференциации значения высказывания и/или его части. К значениям, дифференциация которых может происходить только при помощи интонации, относятся коммуникативный тип высказывания (вопрос, побуждение, восклицание), тема-рема-тическое членение, категория завершенности/незавершенности, смысловая важность частей высказывания. Перечень этих значений представляет собой открытый список. Содержательная сторона интонации еще не подвергнута полному систематическому изучению.

Помимо единиц в интонации вычленяются фигуры: повышения и понижения мелодики на отдельных слогах, мелодические пики, параметры интенсивности произнесения и т. п. Сами по себе они значения не имеют, но могут изменять рема-тематические или эмоциональные характеристики высказывания. Их функцию можно сравнить с функцией фонемы, тогда как функции единиц сравнимы с функциями морфемы. Таким образом, система интонации предстает как иерархическая система. Интонация имеет парадигматический и синтагматический аспекты. Интонационные фигуры реализуются на таких сегментах, как слог или ритмическая группа, единицы — в пределах синтагмы или фразы.

Такое понимание интонации непосредственным образом связано с вопросом о том, являются ли интонационные единицы знаками языка. Решение этого вопроса затруднено существованием различных концепций знака языка. Известно, что многие трактовки языкового знака эксплицитно или имплицитно основываются на анализе слова как основной единицы языка. Семантика интонационных единиц не аналогична семантике слова, однако вполне уместна аналогия со значениями аффиксов.

Все исследователи интонации признают за определенными интонационными формами определенные функции. Регулярность соотношения функции и формы и является основой образования единицы языка. Функция в этом случае может трактоваться как значение (ср. деривационное и реляционное значение морфемы). Л. Р. Зиндер пишет, что если мы связываем с интонацией «определенный смысл, значит, она имеет объективное лингвистическое значение» [2, с. 268]. Однако далее Л. Р. Зиндер отмечает, что «вопрос о том, являются ли интонационные средства языковыми знаками, или же они представляют только план выражения такого знака, остается нерешенным» [2, с. 273]. Думается, что на этот вопрос можно ответить следующим образом.

Если полагать, что знак двустороннее образование, то интонационные средства, т. е. интонационная форма как она была определена выше, знаками языка не являются. Интонационные формы являются планом выражения, а интонационные единицы представляют собой знаки, имеющие план выражения и план содержания. Интонационная форма имеет регулярное соответствие с определенной семантикой в сознании языкового коллектива. Это не всегда прямое и однозначное соответствие. Единицы интонации полифункциональны. В них находит свое воплощение принцип асимметрии языкового знака. Одна и та же форма может соотноситься с различным содержанием (например, незавершенность и вопросительность), а одно и то же содержание (например, выделенность) может быть передано как совокупностью максимальных значений интонационных параметров, так и совокупностью их минимальных значений.

Постановка вопроса о том, что именно является содержательной стороной интонационных единиц, является сейчас самым важным в теории интонации. Семантика интонационных единиц может быть выявлена при рассмотрении трех проблем: соотношение смысла высказывания и интонационной формы, соотношение семантики слова и интонационной формы и соотношение смысла текста с его интонационной формой. При этом важно подчеркнуть, что содержательная сторона высказывания, слова и текста не тождественна семантике интонационных единиц.

Семантика интонационных единиц сформировалась в процессе рече-

вой практики при выражении различных коммуникативных намерений, отражения в речи (высказываниях и текстах) элементов реальной действительности, отношения говорящего к отображаемому. Известно, что операции познания и отображения мира способствуют появлению в языке определенных функциональных категорий (например, категории сравнения). Эти категории получают свое воплощение на различных уровнях языковой системы, в том числе и в единицах интонации. Так, категория вопросительности имеет свое лексико-семантическое поле, синтаксическое и морфологическое выражение. В каждом языке имеются и специальные интонационные формы для выражения вопроса.

Изложенное свидетельствует о том, что при определении единиц интонации не следует искать в языке таких категорий, которые не выражены ничем иным, кроме интонации. Такая постановка вопроса сводила бы язык к механическому перечню одно-однозначных соответствий. Все функциональные категории языка, сформировавшиеся в процессе мышления, пронизывают язык в целом. При порождении речевых произведений доминирующую роль может принимать на себя одно из возможных средств выражения данной функциональной категории.

Доминирующая роль одного из средств выражения позволяет говорить о его автономности в языке. На основании признания определенной степени автономности в языке какого-либо средства или единицы строится методика приведения в систему единиц языка и их классификация. Интонация также обладает некоторой автономностью. Восприятие интонации первично по отношению к восприятию фонемного состава. В плане онтогенеза у ребенка сначала формируются интонационные модели, которые предшествуют всем остальным языковым моделям; обеспечение коммуникации в затрудненных условиях обеспечивается прежде всего при помощи интонации.

Функциональные категории как бы разлиты по всему языку, но в условиях конкретного речевого общения их выражение может быть сконцентрировано в одном определенном языковом средстве. Такая возможность существует только потому, что данное средство уже кодифицировано, уже соотносено в системе языка с определенной семантикой.

В процессе порождения текста различные средства языка либо дублируют, либо компенсируют друг друга при выражении того или иного смысла. И в этом и в другом случае они соотносены с одной и той же семантикой. В тексте возникает то, что называется оттенками, созначениями интонационных форм. Эти наблюдения над интонацией хорошо согласуются с выводом Ю. С. Степанова: «... каждый акт высказывания должен рассматриваться как практика, преобразующая и обновляющая значение (семантику)» [3, с. 330].

Следует разграничивать категориальные лингвистические значения интонационных единиц и ситуативные, коннотативные созначения. Категориальные значения интонационных единиц изучены, в основном, в рамках высказывания [4]. Это соотносительность интонационных форм с коммуникативным типом высказывания и его смысловым членением. В лингвистике выделено бесспорно три коммуникативных типа: вопрос, побуждение и утверждение (сообщение). Эти типы выделены на изолированных высказываниях, их интонационная форма хорошо изучена во многих языках. Однако в последнее время с развитием лингвистики текста возникает необходимость уточнения коммуникативного типа высказывания. Е. Косериу совершенно прав, когда утверждает, что коммуникативный тип высказывания есть текстовая категория [5].

Известно, что вопрос, побуждение и утверждение являются полярно противопоставленными типами, между которыми располагается целая шкала промежуточных типов высказываний. Среди них выделяют восклицание, импликацию и др. Этот список можно продолжить и, по существу, он будет включать в себя типы, обозначенные в языке глаголами речевого действия: *просить, обещать, хвалить, жаловаться, порицать, подтверждать, объяснять* и т. д. Эти типы высказываний можно назвать ситуативно-прагматическими. Их список будет несколько отличаться от языка к

языку. Таким образом, в этом перечне будут сочетаться универсально-типологические и конкретно-языковые характеристики. Ситуативно-прагматические типы разных языков представляют собой пересекающиеся множества.

Ситуативно-прагматические типы хорошо распознаются за счет их включения в ситуацию и текст. Их языковые корреляты еще не подвергались детальному изучению, однако в экспериментально-фонетических исследованиях имеются данные, подтверждающие правомерность такого подхода [6]. В этих высказываниях проявляется синкретизм значения: например, *жаловаться* означает одновременно «сообщать о чем-либо», «побуждать к чему-либо», «искать сочувствия». Этот синкретизм выражается интонационной формой совместно с лексико-грамматическим составом высказывания, а иногда только лишь при помощи интонации.

Ситуативно-прагматические типы высказывания имеют своей целью воздействие на слушающего, поэтому их функцию в процессе коммуникации можно было бы определить как инфлюативную (от франц. *influence* «влияние»). Эту функцию можно рассматривать как подфункцию коммуникативной функции, за которой сохраняется выражение категориальных значений вопроса, побуждения, утверждения. Выделение инфлюативной функции позволит проанализировать в интонационной форме те характерные черты, которые осуществляют реализацию именно этой функции, отделив их от параметров выражения вопросительности, побудительности, утвердительности.

Выделение инфлюативной функции позволило бы прояснить еще один вопрос, связанный с семантикой интонационных единиц: включенность и/или невключенность эмоций в состав значений, реализуемых интонационной формой. При исследовании интонации встает та же проблема, что и при исследовании лексического состава языка, т. е. является ли эмоциональность компонентом значения слова или оттенком значения, возникающим в тексте и ситуации.

А. Н. Леонтьев писал, что эмоция выражает оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в ней [7]. Выражение эмоций составляет неотъемлемую часть процесса речевого общения, которое может рассматриваться как деятельность. Психологи различают два типа эмоций: 1) основные эмоциональные явления, свойственные человеку как биологическому существу, 2) чувства и волеизъявления, которые являются элементами социального поведения человека.

В результате наблюдений над эмоциональной речью было установлено [8], что непреднамеренное выражение основных эмоциональных явлений, неконтролируемый «психологический беспорядок»¹ сопровождается аналогичным беспорядком просодических сигналов². Основные эмоциональные явления выражаются при помощи паралингвистических сигналов (вдох, гортанная смычка, назализация). В противовес этому выражение эмоций второго типа является в речи кодифицированным, стилизованным и составляет хорошо структурированную систему. Эта система, по мнению П. Леона, может быть интерпретирована через ее акустические корреляты. Стилизованные эмоции выражаются ограниченным числом просодических сигналов (диапазон мелодического движения, его регистр, форма мелодического контура, интенсивность и длительность произнесения). Структурирование этих сигналов зависит в большой мере от степени стилизации эмоции. Существует довольно много экспериментально-фонетических работ, где выделяются единицы интонации, соотносимые с выражением конкретных эмоций.

По мнению П. Леона, восприятие эмотивных категорий зависит, в частности, от уровня осознания системы оппозиций этих категорий. Изложенное приводит к выводу, что в речи реализуются и сосуществуют две

¹ С точки зрения физиологии в этом «беспорядке» есть свои закономерности, но их рассмотрение не входит в компетенцию лингвистики.

² Под просодией понимаются все явления супraseгментного уровня языка, включающие интонацию и ударение.

системы: система лингвистических категорий и система эмотивных категорий. Из этого логически следует, что в области интонации дискретными являются не только единицы, имеющие лингвистическое содержание, но и единицы, соотносимые с конкретными эмоциями.

Такая точка зрения на проявление эмоций в интонации не является единственной. Другая точка зрения состоит в том, что конкретные эмоции не представляют интереса для лингвиста. Лингвистику может интересовать только степень эмоциональной насыщенности высказывания, независимо от конкретной эмоции [4]. При этом утверждается, что интонационные единицы, немотивированные знаки, имеющие коммуникативное значение и значение выделения, выполняют одновременно со своей основной функцией функцию передачи общего эмоционального состояния говорящего и степени эмоциональной насыщенности высказывания безотносительно к тому, какие именно конкретные эмоции при этом выражены в речи. Нами рассматривались такие типы высказывания, как сообщение, вопрос, побуждение, восклицание и импликация. Экспериментальным путем было установлено, что наибольшей степенью эмоциональной насыщенности обладают высказывания, относящиеся к следующим типам: восклицание, приказание, импликация. Таким образом, некоторые языковые структуры оказываются более предпочтительными для передачи интенсивности эмоционального состояния. Конкретные эмоции могут быть выражены любым коммуникативным типом высказывания.

Итак, существуют две противоположные точки зрения: одна включает конкретные эмоции в семантику интонационных единиц, но при этом постулируется, что это отдельные специальные единицы. Другая исключает конкретные эмоции из семантики интонационных единиц, имеющих основное лингвистическое значение, и при этом не признает права на существование единиц, имеющих своим содержанием только эмотивные категории.

Обе точки зрения разрабатывались преимущественно на материале изолированных высказываний. Слабость первой точки зрения состоит в том, что за интонационную форму выражения эмоций недифференцированно принимаются любые акустические параметры без учета того, что эти параметры могут быть нагружены и другими значениями. Л. Р. Зиндер указывает, что поиск специального выражения конкретных эмоций следует искать в области тембра. К такому же выводу приходит в результате наблюдений Е. Н. Винарская [9]. Слабость второй точки зрения состоит в том, что не учитывается положение, трактующее конкретную эмоцию как оценку отражаемого индивидом явления.

Рассмотрение данной проблемы с точки зрения текста может дать следующую картину. Содержание текста представляет собой отражение некоторого фрагмента реальной действительности. Смысл текста включает в себя и оценку данного фрагмента, как интеллектуальную, так и эмоциональную. Следовательно, конкретные эмоции входят компонентом в смысловую структуру текста. Высказывание как единица текста детерминировано текстом, как с точки зрения его формы, так и с точки зрения его смысла. Смысл высказывания включает в себя его коммуникативный тип, рема-тематическое членение и эмоциональную окраску. Включенность конкретной эмоции в смысл высказывания становится более очевидной, когда мы переходим от общей коммуникативной направленности (вопрос, побуждение) к ситуативно-прагматическому типу высказывания (*обвинять, успокаивать, подбадривать, каяться, упрекать, угрожать* и т. д.).

Семантика текста (его содержание и смысл) и семантика высказывания определяют в данном тексте значение слова и значение интонационной формы. Регулярность соотнесения определенного значения и определенной формы позволяет рассматривать эти значения как компонент общей семантики данной единицы в системе языка. Таким образом, оказывается, что эмоциональный компонент входит, наряду с другими семанти, в состав слова и интонационной единицы. Следовательно, в теории интонации нет необходимости выделять особые единицы, соответствующие конкретным эмоциям. С. О. Карцевский писал о том, что означающее

стремится иметь кроме своей собственной функции еще и другие функции. Р. А. Будагов усматривает в единстве коммуникативной и экспрессивной функций одну из главнейших фундаментальных особенностей человеческого языка. Р. А. Будагов утверждает, что мы не просто называем, но и передаем определенную мысль, определенное чувство [10]. Перенося эти рассуждения в область интонации, можно сказать следующее.

Интонационные единицы выполняют функции передачи типа высказывания и выделенности его частей. Вместе с этими основными функциями они передают и конкретные эмоции. В интонационной форме один из ее компонентов, а именно тембр, осуществляет реализацию конкретной эмоции в речи. Сам по себе тембр отдельно не воспроизводится, как не воспроизводится отдельно признак звонкости или глухости на уровне фонемы. Поэтому неправомерно выделять тембральные единицы, соответствующие той или иной эмоции. Совокупность интонационных признаков передает некоторое целостное значение, в котором его компоненты также тесно связаны между собой как компоненты интонации друг с другом. Расчленение компонентов значения и компонентов интонации есть лишь прием анализа, а не онтологическая реальность.

Интонация и семантика слова связаны опосредованно, через включенность слова в текст. Общее содержание и смысл текста отражаются в целостном интонационном оформлении, которое накладывает свой отпечаток не только на интонационные характеристики отдельных высказываний, но, в конечном итоге, отдельных слов. Интонация может не только подчеркивать, то и затушевывать лексическое или грамматическое значение слова. Часто союзы, союзные слова и наречия выделяются в отдельную синтагму, что выдвигает на первый план не их собственное значение, но прагматическую функцию привлечения внимания слушающего.

Л. В. Минаева проследила интонационное оформление номинативного и производно-переносного значения одного и того же слова (англ. *cold, divine, delicate, move* и др.) и отметила регулярную интонационную маркированность производно-переносного значения [11]. Автор полагает, что просодические элементы представляют собой неотъемлемую часть означаемого языковых единиц и что «просодия является постоянным элементом звуковой оболочки слова» [11, с. 91]. Под просодическим вариантом слова Л. В. Минаева понимает оформление слова как лексической единицы в потоке звучащей речи. Эти варианты находятся в тесной связи с лексико-семантическими вариантами слова. Переносное значение слова включает в себя эмоционально-оценочный компонент, что соответствует определенному варианту интонационного оформления. Автор подчеркивает, что «реализация семантической структуры слова находится в тесной связи с его реальным звучанием» [11, с. 94]. Важно отметить, что реализация семантической структуры слова определенной интонационной формой является регулярной.

Во многих разновидностях речи, типах текстов (внутриязыковая типологическая характеристика) и в различных языках (межъязыковая типологическая характеристика) наблюдаются некоторые закономерности интонационного оформления слов определенной семантики. Можно выделить несколько семантических групп, которые стабильно несут на себе интонационное выделение. Экспериментальные исследования показывают, что выделению подвергаются слова-усилители. Во многих языках (например, романских, русском и др.) они сопровождаются наличием мелодического пика. Модальные, оценочные слова, а также переносное значение слова в его противопоставлении прямому сопровождаются изменением тембральных характеристик. Глаголы движения сопровождаются изменением темповых характеристик и т. д. Во всех этих случаях речь идет не столько о контекстной семантике, но о регулярном соотношении словарного значения и определенной интонационной формы.

В этой связи новым и интересным аспектом интонационных исследований является выявление в тексте при помощи интонации потенциальных, скрытых сем [12]. П. Леон рассматривает эту проблему на материале поэтических текстов. Главным принципом актуализации потенциаль-

ных сем он считает рекуррентность звуковых сегментов и интонационных форм.

Исследование интонации представляется весьма важным для анализа художественных текстов, для выделения их смысловой структуры. Большую роль в интерпретации текста играет акцентное выделение, которое осуществляется тем же комплексом интонационных компонентов (мелодики, силы, длительности). Т. М. Николаева полагает, что акцентное выделение возникает там, где необходимо выйти за пределы ситуации, базирующейся на нормативной оценке составляющих ее компонентов [13]. Таким образом, акцентное выделение оказывается связанным с «видением мира», с «картиной отражения мира» индивидом, с интерпретацией окружающих человека ситуаций. По мнению автора, акцентное выделение создает «коммуникативную ауру» вокруг высказывания, порождает высказывание-тень. Это положение соотносимо с идеями П. Леона о дополнительном кодировании высказывания. На основе анализа акцентного выделения Т. М. Николаева вычленяет текстовые категории предупоминания, противопоставления, крайности и экстраординарности.

Развитие лингвистики текста позволило по-новому подойти к изучению интонации. Изменился взгляд на перечень функций интонации. Появилась возможность исследовать такие функции, как изобразительная, магическая, игровая, которые плохо поддавались анализу в рамках изолированного высказывания. Эти функции рассматривались как маргинальные, но они являются доминирующими в некоторых типах текстов (сказки, скетчи, обрядовый фольклор).

Представляется существенным пояснить, что определение понятия «текст» в лингвистике текста не идентично пониманию этого термина в теории интонации. Для лингвистики текста письменно зафиксированный текст представляет собой некоторую объективную данность. Для интолога текст существует только тогда, когда он представлен в звучащем варианте, например, в прочтении. В различных прочтениях одного и того же текста обнаруживается интонационная структура, т. е. интонационные черты, общие для всех прочтений, которую можно рассматривать как инвариант. Данностью для интолога является интонационная структура текста в его конкретной реализации, т. е. в конкретном прочтении. Каждая реализация с этой точки зрения представляет собой новый текст, существующий в пределах вариативности, свойственной данному языку.

Термин «текст» предстает в виде двух омонимов: текст — общая структура и текст — конкретная реализация. Интолог имеет дело прежде всего и непосредственно со вторым явлением. Изучение конкретных реализаций составляет основу выявления соотношения интонации и семантики текста, а также интонации и семантики текстовых единиц. Семантика текста включает в себя две величины: содержание текста и его смысл, т. е. денотативный и сигнификативный аспекты [14]. Интонационная форма соотносится как с тем, так и с другим.

Содержание текста есть отображение реальной ситуации, определенного отрезка действительности. Интонация в этом случае передает в совокупности с другими языковыми средствами некоторые стороны этого содержания. Так, динамический характер текста, т. е. преобладание действия, выражается при помощи широкого употребления глаголов движения, настоящего времени и особым темповым оформлением. Об этом можно судить по изменениям среднеслоговой длительности, продолжительности пауз и времени фонации крупных текстовых единиц. Динамичность действия передается убыстрением темпа, уменьшением продолжительности пауз и общего времени звучания отдельных единиц текста. Изображение ситуации при помощи интонационных средств может быть тесно связано с сегментацией речевого потока [15].

Особенно ярко связь интонации с семантикой текста проявляется в чтении сказок через изобразительную функцию интонации. Экспериментальное исследование, проведенное на материале английских сказок, показывает, что противопоставление сил добра и зла, героя и ложного героя, вредителя и дарителя, большого по размерам персонажа и малень-

кого персонажа, быстрого и медленного действия происходит за счет появления максимальных и минимальных значений интонационных параметров по отношению к их средним текстovým значениям. Так, образ большого или маленького персонажа передается контрастными характеристиками высотного уровня произнесения; создание картины быстрого или медленного действия происходит за счет противопоставления быстрого/медленного темпа произнесения, изображение сил добра и зла связано с изменениями мелодического диапазона и формы мелодического контура [16].

Инвариантные черты интонационной структуры текста при его различных интерпретациях базируются на соответствии значения слова и его интонационной формы. Инвариантность интонационной структуры текста связана с его денотативным аспектом, вариативность — с его сигнификативным аспектом. Если денотативный аспект предполагает отображение реальной ситуации, то сигнификативный — отображение психического образа ситуации, который индивидуален для говорящего. В этом состоит основа различной интерпретации текста, трактовки его смысла. Теория интонации может внести свой вклад в разрешение проблемы тождества и различия текста как единицы коммуникации.

Интонационные исследования могут также прояснить проблему вычленения единиц текста. Изучение интонационных характеристик различных видов текстов все чаще наводит на мысль о том, что роль высказывания как основной единицы текста несколько преувеличена. Это преувеличение вполне объяснимо ориентацией предшествующих лингвистических исследований на предложение. Рефлексы этой ориентации до сих пор прослеживаются в лингвистике текста, где синтаксис текста называется межфразовым, хотя когезия текста необязательно осуществляется на уровне связи предложений. Последнее является лишь частным случаем связи единиц текста.

Фонетические работы последних лет [17] приводят к мысли о том, что не фраза, а синтагма наиболее функционально нагружена в тексте. Высказывание, соответствующее предложению, не всегда имеет четкие фонетические границы, в то время как синтагма выделяется очень четко. В фонетике синтагма рассматривается как часть фразы, в пределах которой происходит реализация интонационных единиц.

Развитие лингвистики текста на современном этапе позволяет оценить значимость теории синтагмы В. В. Виноградова. Теория В. В. Виноградова позволяет рассмотреть синтагму как предельную единицу текста. Она дает возможность анализа синтагмы не только с точки зрения ее фонетических характеристик, но с точки зрения всех языковых характеристик в комплексе и с точки зрения ее включенности в текст. «Синтагма,— писал В. В. Виноградов,— отражает „кусочек действительности“, представляя связный элемент речевого целого». И далее: «...членение на синтагмы всегда связано с точным и полным осмыслением целого сообщения или целого высказывания» [18, с. 248]. Здесь содержатся три положения: 1) синтагма является особой единицей номинации, 2) целостным элементом более крупной структуры, 3) членение на синтагмы детерминируется текстом, а не поверхностным синтаксисом.

Теория В. В. Виноградова дает возможность трактовать синтагму как предельную единицу текста, имеющую номинативный аспект и выполняющую в тексте определенные функции: связывать между собой более крупные текстové фрагменты, являться показателем границ более крупных фрагментов текста, осуществлять смену ситуативного фона в тексте [19]. Как номинативные единицы текста синтагмы выполняют три функции: идентифицирующую, интродуктивную и предикатную, которые являются собственно значением синтагмы. Более крупный фрагмент текста накладывает на синтагму значение либо предикации, либо номинации, либо локации [20]. Это способствует формированию дополнительных значений синтагмы, которые она приобретает только в рамках данного конкретного текста. На примере синтагмы ясно прослеживается связь фонетического членения с общей семантикой текста.

Интонация тесно связана не только с семантикой текста, но и с прагматикой, т. е. ориентацией на адресата речи с целью воздействовать на него желаемым образом. Прагматические особенности интонации определяются внешними параметрами ситуации, объективными характеристиками адресата и тем образом, который автор речи создал а priori об адресате. Прагматические характеристики интонации хорошо прослеживаются в таких типах текстов, как лекция, политический комментарий на телевидении, ораторское выступление, спортивный репортаж. При этом говорящий использует определенные интонационные варианты, типичные для данной формы речи. Таким образом возникает интонационная норма, свойственная данному типу текста, отличающая его от всех остальных.

Естественно, что интонационные особенности оказываются при этом тесно связанными с синтаксическими особенностями и лексическим наполнением текстов, но детерминируются не ими, а конкретной прагматической установкой. Так, в речи французских лекторов получает распространение так называемое дидактическое ударение с последующей паузой после артиклей и предлогов, которое считается недопустимым в других формах речи [21]. Паузы hesitation в середине синтагмы регулярно возникают в речи американских лекторов [22]. Исследование различных форм речи способствует выяснению степени влияния различных факторов ситуации на формирование высказывания и текста. Эти исследования дают представление о системе языка в его реальном функционировании, о динамизме системы языка и его эволюции.

В настоящее время на изучение интонации большое влияние оказывают идеи социолингвистики, а также концепция А. Мартине о динамической синхронии. Это приводит к изучению интонационных вариантов в речи различных социальных, профессиональных и возрастных групп, а также к появлению первых диахронических исследований в области интонации. Анализ интонационных особенностей социолектов посвящены работы О. Метта, М. Леон, П. Леона [23—25]. Интересно отметить, что французские фонетисты следуют «методу репрезентанта», предложенному Л. В. Щербой. Поэтому характеристики социолекта иногда изучаются на примере текстов типичного представителя данной социальной группы. Социолингвистическая ориентация проникает и в изучение интонации территориальных диалектов. Так, изучая просодические характеристики диалекта в окрестностях г. Лилля, Ф. Картон проводил свое исследование в рамках определенного регистра языка (обиходно-разговорный) и строго детерминированной профессионально-социальной группы. При этом учитывался возраст информантов [26].

Анализ просодических характеристик речи различных возрастных групп является первым шагом в диахроническом изучении интонации. Широкое распространение звукозаписывающей аппаратуры и постепенное накопление записей звучащих текстов, относящихся к различным временным пластам, позволяет ставить вопрос об изучении закономерностей в развитии интонационной системы языка. Интонационная система языка, как и всякая другая его область, подвержена эволюции. Причинами эволюции интонационной системы могут выступать факторы социального престижа, стремление к выразительности, явления диглоссии и билингвизма.

Первые попытки исследовать формы интонационных явлений были предприняты И. Фонадем на материале французского и венгерского языков [27, 28]. И. Фонадь предлагает различать три типа интонационных изменений: 1) интонационная интерференция, 2) функциональная мутация интонационных форм, 3) интонационная метафора. Автор полагает, что эти типы изменений универсальны и, следовательно, могут быть использованы при анализе интонации других языков.

Мелодическая интерференция (с нашей точки зрения ее правильнее было бы назвать внутриязыковой мелодической интерференцией) заключается в том, что происходит соединение двух интонационных форм. Для современного французского языка И. Фонадь отмечает соединение воп-

росительной и утвердительной интонаций в пределах одной фразы, что приводит к выражению модального оттенка недоверия.

Функциональная мутация заключается в том, что экспрессивная интонационная форма начинает употребляться с большой частотностью какой-либо профессиональной группой и в результате становится нейтральной. Так произошло во французском языке с интонационной формой, соотносимой с выражением снисходительности, легкой иронии, которая стала широко употребляться дикторами радио и телевидения в контекстах, не имеющих подобной эмоциональной окраски.

Интонационная метафора — это замена ожидаемой в данном контексте интонационной формы на другую [29]. По мнению И. Фонадя, интонационные единицы, как и другие единицы языка, могут иметь метафорическое употребление [28]. В артистическом исполнении можно выделить 4 типа переносов: 1) перенос эмотивной мелодической модели, 2) синтаксической интонационной модели, 3) модальной интонации, 4) перенос идиоматической мелодической модели. И. Фонадь анализирует первый и четвертый типы переноса. В качестве примера переноса эмотивной модели он описывает употребление интонации агрессии вместо интонации сочувствия, ожидаемой в контексте. Четвертый тип переноса встречается в общедоступно-разговорной речи, которая насыщена различными клише, в том числе и мелодическими. Многие фразы-клише произносятся с определенной интонацией, и в сознании языкового коллектива эта интонация тесно связана со смыслом данной фразы-клише. Когда такая интонационная форма употребляется с другим лексико-грамматическим наполнением, то адресат речи автоматически отсылается к исходному смыслу.

Возможность метафорических переносов еще раз подчеркивает существование тесной связи между семантикой речевых произведений и их интонационной формой, а также потенциальной автономизации интонационных форм и приобретения ими тонких семантических оттенков.

Интонационная метафора состоит также в стилистическом употреблении особенностей того или иного социолекта в ином социальном контексте. П. Леон называет этот тип метафоры социолингвистическим и связывает его с диглоссией [30]. Он проанализировал некоторые фонетические особенности говора парижских рабочих предместий и показал, что эти особенности находят широкое распространение как символ социального класса, который является идеалом в сознании говорящих.

На развитие интонационной системы оказывают большое влияние факторы билингвизма. В области интонации ярко выявляются имитационные возможности говорящего индивида, поэтому в языковых контактах интонационная система оказывается более открытой для заимствований.

В Советском Союзе, где русский язык выступает как средство международного общения, изучение билингвизма представляет собой обширное поле деятельности. Изучение интонации в плане билингвизма является почти нетронутой областью. Если интонация русского языка описана довольно подробно [31, 32], то интонационные системы языков народов СССР изучены явно недостаточно. Исследования носят чаще всего фрагментарный характер. В описании большинства языков в пятитомном издании «Языки народов СССР» термин «интонация» вообще не упоминается, в некоторых случаях говорится о том, что интонация выполняет синтаксическую роль, и только при описании русского и азербайджанского языков указывается на характер интонационных форм. Незнание интонационных систем языков народов СССР не позволяет правильно оценить факты межъязыковой интерференции, которая проявляется различным образом в зависимости от профессиональных и возрастных характеристик носителей языка.

Интонация занимает важное место в системе языка, ее функциональная нагруженность весьма значительна. Как в речи, так и в системе языка она оказывается тесно связанной с другими языковыми единицами. Развитие социолингвистики, лингвистики текста, семантики и прагматики ставит перед исследователями интонации новые задачи и в то же время дает возможность нового подхода к теории интонации.

1. *Sweet H.* New English grammar. Pt. 1. Oxford, 1892.
2. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979.
3. *Степанов Ю. С.* В поисках прагматики.— ИАН СЛЯ, 1981, № 4.
4. *Торсуева И. Г.* Интонация и смысл высказывания. М., 1979.
5. *Косериу Е.* Современное положение в лингвистике.— ИАН СЛЯ, 1977, № 6.
6. *Галочкина И. Е.* Коммуникативные типы высказывания как единицы интонационного исследования.— В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 196. М., 1982.
7. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
8. *Léon P.* De l'analyse psychologique à la catégorisation auditive et acoustique des émotions dans la parole.— Journal de psychologie, 1976, № 3—4.
9. *Винарская Е. Н.* Психо-физиологический взгляд на проблему просодии.— В кн.: Просодия текста: Тезисы межвузовской конференции. Ч. II. М., 1982.
10. *Будагов Р. А.* К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике.— ВЯ, 1981, № 3.
11. *Минаева Л. В.* Просодия и семантика слова.— В кн.: Контекстуально-типологические исследования. Иваново, 1979.
12. *Léon P.* Sèmes potentiels et actualisation poétique.— Études littéraires, 1976, v. 9, № 2.
13. *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
14. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
15. *Танабаева З. К.* Языковые средства смысловой организации текста: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1980.
16. *Сазарова Э. А.* Просодические характеристики чтения английской сказки: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1981.
17. *Антипова А. М.* Ритмическая организация английской речи: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1981.
18. *Виноградов В. В.* Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
19. *Жданова Л. М.* О функциях синтагмы как номинативной единицы текста.— В кн.: Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 195. М., 1982.
20. *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. М., 1975.
21. *Lucci V.* Etude phonostylistique du rythme, de la variabilité de la longueur en français parlé et en français lu.— Bulletin de l'Institut de phonétique de Grenoble, 1973, v. II.
22. Интонация. Киев, 1978.
23. *Mettas O.* Quelques variations de l'intonation dans les parlers parisiens.— In: Rapport d'activités de l'Institut de Phonétique. Bruxelles, 1972.
24. *Léon M.* Culture, didactique et discours oral.— In: Le français dans le monde, 1979, № 145.
25. *Léon P.* Modèles et fonctions pour l'analyse de l'énonciation.— Le français dans le monde, 1979, № 145.
26. *Carton F.* L'accentuation dans le français dialectal du Nord de la France.— In: L'accent en français contemporain. Paris, 1980.
27. *Fónagy I.* Structure et aspects sociaux des changements prosodiques.— In: Proceedings of the Ninth International Congress of Phonetic Sciences. V. II. Copenhagen, 1979.
28. *Fónagy I.* Artistic vocal communication at the prosodie level.— Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science, 1979, v. IV, № 9. Amsterdam.
29. *Fónagy I., Bérard E.* Questions totales simples et implicatives en français parisien.— In: Interrogation et intonation. Studia phonetica, 8. Ottawa, 1973.
30. *Léon P.* Réflexion idiomatologique sur l'accent en tant que métaphore sociolinguistique.— The French review, 1973, v. XLVI, № 4.
31. Русская грамматика. Т. 1. М., 1982.
32. *Светозарова Н. Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982.

РЕЦЕНЗИИ

Peruzzi E. Mycencans in early Latium. With archeological appendix by L. Vagnetti. — Roma: Edizioni dell' Ateneo e Bizzari, 1980. 184 p. + 12 p. ill.

Более полутора десятков лет работает над серией исследований по этно- и глоттогенезу древнего Лациума известный итальянский лингвист-антиковед Э. Перуцци. Две его монографии [1, 2] стали заметным явлением в италистике¹. Одна из проблем, постоянно привлекающих внимание Э. Перуцци, — проблема южной границы в истории греко-латинских контактов и возможность знакомства обитателей Лациума с достижениями микенской культуры путем непосредственных контактов с ее носителями, проникшими на территорию будущего Рима в конце микенской эпохи.

Этой проблеме посвящена новая книга Э. Перуцци, во многом вырастающая из главы «Аркадские культы на Палатине» предыдущей монографии [2, с. 7—52] и в то же время подводящая итог ряду статей автора [5—14]. Э. Перуцци вынужден признать (с. 4), что микенские находки в Лациуме, на которые в свое время возлагались большие надежды [14, с. 104], оказались слишком малозначительными. Это подтверждается составленным Л. Ваньетти приложением «Микенский импорт в Центральной Италии» (с. 151—167). С одной стороны, Э. Перуцци вполне оправданно стремится перенести центр тяжести на лингвистические изыскания, с другой — он признает за легендарно-мифологической традицией безусловную ценность исторического свидетельства. Согласно его концепции, «чисто лингвистические корреспонденции скорее ставят проблему, чем обеспечивают доказательство. Чтобы была возможна проверка, отдельный элемент... должен входить в набор однородных лингвистических элементов (т. е. принадлежащих к тому же семантическому полюю или обнаруживающих то же самое необычное звуковое развитие), а также должен соответствовать определенной культурной картине, которая в настоящее время создается скорее древней традицией (разрядка наша. — Г. Л., Д. В.), чем малочисленными и сомнительными черепками (sherds), выкопанными в Лациуме» (с. 4).

Таким путем Э. Перуцци стремится выделить слой микенских заимствований в латыни. В качестве традиции, отразившей ранее проникновение микенцев в Лациум, рассматривается предание об аркадянце Эвандре, который, напутствуемый своей матерью-пророчицей

Карментой, якобы еще до Троянской войны основал греческое поселение на Палатине. По преданию, греки познакомили латинян с изготовлением новых видов оружия, с новой техникой строительства жилищ, выделки тканей, обработки земли. Они принесли с собой культ волчьего божества Ликейского Пана, отождествленного ими с местным царем Фавном, гостеприимно принявшим пришельцев на италийской земле, и учредили в его честь праздник Луперкалий. Интерпретации легенды посвящена глава I «Античные источники» (с. 1—32).

В главе II «Лингвистические критерии» (с. 33—56) Э. Перуцци показывает, что в латинском языке существует ряд слов, которые, будучи, по его мнению, заимствованы из греческого, отличаются следующими фонетическими особенностями: 1) начальное л передается через *b* [πυζός «самшит», мик. *pu-ko-so* > *butus* «то же»; παλτόν «дротник», мик. *pa-ta-ja* (= *παλταία*) «дротники» > *balteum*, вар. *balteus* «перевязь», в том числе «перевязь колчана»]; 2) ф в начале слова передается не через *p*, как обычно (Φίλιππος > *Pilippus*, σφιγκτήρ «повязка» > *spinter* «запястье»), а через *f* (σφίδες «струны» > *fides* «то же»). Эта особенность, по мнению Э. Перуцци, объясняется наличием как в греческом, так и в протолатинском (в начальной позиции) глухого придыхательного *ph (давшего в латинском спирант *f*); 3) начальные сочетания «s + смычный» (в том числе смычный придыхательный) замещаются простым смычным или спирантом *f* [σφίδες > *fides*; στύπος, вар. στύπη «ствол, жердь» > *tubus*, вар. *tuba* «труба»; σκαφίς, -ίδος «миска, подойник» > *capis*, -*idis*, «чаша», умбр. *kapit* «то же», сюда же глосса σκάφαλος ἀντλητήρ «сосуд для вычерпывания воды» (Нес.), мик. *to-sa ka-pa-ra* «столько-то сосудов» > *capula* «чашка, черпалов»].

В следующем разделе книги Э. Перуцци дает полный список предполагаемых им микенских заимствований, объединяя их соответственно античной традиции в лексические группы.

«Оружие» (гл. III, с. 57—68): *cuspis*, -*idis* «острие» ~ греч. ξίφος «меч», мик. *gi-si-pe* «то же»; в анлауте микенского и латинского слов отражен лабиовелярный, отсутствующий в позднейшем греческом; передача ф через *p* объясняется сабибским посредничеством (с учетом фонетических соответствий типа лат. *albus* «белый», умбр. *alju*, саб. *alpus* «то же» < **albh-*) (с. 58—60), (мнение Э. Перуц-

¹ См. развернутые рецензии на эти работы в отечественной периодике [3, 4].

ци о роли сабинского элемента в латинском языке и культуре см. [2, с. 53—78, 161—175]; *balteum* (с. 60—63; см. выше); *bratlea*, вар. *bractea* «тонкая металлическая пластинка» ~ мик. *pa-ga-ke-te-a*, вид металлических изделий, над которыми работали кузнецы, называвшиеся *pa-ga-ke-te-we* (с. 63—67).

«Строительство» (гл. IV, с. 69—83): *fenestra*, вар. *festra* «окно» сопоставляется с $\varphi\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ «окно» или «светильник» в надписи из Эпидавра и с $\varphi\sigma\tau\acute{\eta}\rho$ $\theta\omicron\rho\acute{\iota}\varsigma$ «окошко» (Hes.); микенское соответствие отсутствует (с. 74—76); *furca*, вар. *furcula* «раздвоенная жердь» ~ $\varphi\omicron\rho\rho\acute{\alpha}\varsigma$ $\chi\acute{\alpha}\rho\alpha\kappa\epsilon\varsigma$ «жердь» (Hes.) (с. 72); *trabs* «брус, балка» ~ $\tau\rho\acute{\alpha}\rho\eta\zeta$ «брус, конь, жерди», $\tau\rho\acute{\alpha}\pi\eta\zeta$ «копьё», $\tau\rho\acute{\epsilon}\varphi\eta\zeta$ «шест, столб» (с. 77—78); в обоих предыдущих случаях микенские соответствия также отсутствуют; *clavis* «ключ»: Э. Перуцци вслед за Дж. Чэдвиком (15, с. 551) считает заимствованием из микенского, где известна форма *ka-ra-wi-pa-ro* «ключенец», тогда как в позднейших греческих диалектах эта основа представлена лишь с расширениями: дор. $\kappa\lambda\alpha\iota\varsigma$, $\lambda\iota\theta\omicron\varsigma$, $\kappa\lambda\acute{\alpha}\zeta$, $\kappa\lambda\omicron\varsigma$, ион. $\kappa\lambda\eta\iota\varsigma$, $\lambda\iota\theta\omicron\varsigma$; связь с *clavis* «воздь» отвергается на том основании, что древнейшим латинским строениям было якобы чуждо употребление возды в качестве дверного затвора (с. 78—81; специально см. [11]).

«Ткани (и прочие детали одежды)» (гл. V, с. 85—94): $\tau\acute{\iota}\beta\epsilon\nu\nu\omicron\varsigma$, вар. $\tau\acute{\iota}\beta\epsilon\nu\nu\alpha$ — греческое название этрусской и римской тоги, также обозначение какого-то древнего вида одежды в Аргосе (Poll. 7, 61), сопоставляется с мик. *te-pa*, названием одежды из шерсти; латинское соответствие отсутствует (с. 86—90; специально см. [9]); *linum* «лен» выводится из греч. $\lambda\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ мик. *ri-no* «то же», причем удлиненное гласное объясняется контаминацией с $\lambda\iota\varsigma$, $\lambda\acute{\iota}\tau\omicron\varsigma$ «льняная ткань», мик. *ri-ta pa-we-a* «льняная одежда»; той же контаминацией объясняется форма прилагательного *linteus* «льняной»; родственные индоевропейские формы с долгим гласным основы (гот. *lein*, ирл. *lin*, алб. *lini*) Э. Перуцци вслед за авторами ряда этимологических словарей (16, с. 810; 17, с. 582—583; 18, с. 361) считает заимствованием из латыни (с. 90—94); *carbasus* «тонкая ткань» ~ греч. $\chi\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\sigma\omicron\varsigma$ «то же» (надежного микенского соответствия нет); отсутствие ротацизма и редукция кратко *a* в середине слова оправдывается ссылкой на такие примеры, как *asinus* «осел», *casa* «хижина», *alacer* «бодрый» (с. 95—96); *rudens* «канат» ~ мик. *ru-de-a* «пегли, ремни, скрепы» (15, с. 491) и *ru-dei* $\pi\epsilon\rho\iota\tau\lambda\acute{\epsilon}\chi\eta\tau\alpha$ «переплетается» (Hes.) (с. 95—99).

«Сельское хозяйство» (гл. VI, р. 101—117; специально см. [5]): в *verractum* «поле под паром» автор видит композит, первая часть которого прослеживается также в глоссах *urus* «окружность города», *vervo* «окружать», *amburbare* «опашивать плугом», греч. $\epsilon\rho\omicron\varsigma$ (< $\epsilon\acute{\rho}\rho\omicron\varsigma$) «гранца, межевой камень», мик. *wo-wo* «участок земли», второй компонент — греч. $\acute{\alpha}\kappa\eta\tau\omicron\varsigma$ «необработанный», мик. *a-ki-ti-to*; поскольку микенское слово

не вполне соответствует по смыслу греч. $\acute{\alpha}\kappa\eta\tau\omicron\varsigma$ (*a-ki-ti-to* входит в число участков, с которых ожидался урожай [15, с. 470]). Э. Перуцци, предполагая для него значение «находящийся под паром», постулирует сочетание **vorros akittos* «участок земли под паром» и выводит из последнего лат. *verractum*. Более того, на основании упомянутых глосс он ставит под сомнение источники (в частности, Serv. in Aen. 5, 755), говорящие об этрусском происхождении обряда опахивания основного города (с. 101—109); *iuger* «участок земли, вспахиваемый упряжкой волов за день» Э. Перуцци отделяет от *iugum* «упряжка» и связывает с греч. $\zeta\epsilon\upsilon\gamma\omicron\varsigma$ «то же» на основании детерминатива ZE в текстах линейного письма В (с. 110—115), в котором ряд исследователей видит обозначение участка земли (другие считают, что он указывает на сорт зерна [15, с. 422—423]); *forbea*, согласно Фелсу, тождественно по смыслу греч. $\varphi\omicron\rho\beta\eta$ «корм», мик. *po-qa* (= *phorg^w* «то же» (сюда же $\varphi\omicron\rho\beta\epsilon\acute{\alpha}$ «удила», мик. *po-ge-wi-ja* «то же») (с. 115—117).

«Религия» (гл. VII, с. 119—132): имя древнего италийского божества *Vica Potia* ~ мик. *wo-ko po-ti-ni-ja* (= *voikos potnijas*) «дом госпожи», т. е. «храм богини»; если *Potia* в смыслевом отношении точно соответствует греч. $\rho\acute{\omicron}\tau\nu\alpha$, мик. *po-ti-ni-ja* «госпожа», то *Vica* объясняется как результат пересмысления основы **voiko-* «дом, поселение» (лат. *vicus*) по звуковой ассоциации с основой глагола *vincio* «побеждаю» (перфект *vinci* < **voikai*) (с. 120—126); в имени латинских жрецов *Luperci* Э. Перуцци предполагает обратное образование от *Lupercales* < **vlk^w arkades* «волки-аркадцы» (с. 126—128); *februum* «сакрально-очищающее средство» ~ $\varphi\epsilon\beta\rho\acute{\omicron}\nu$ $\chi\alpha\theta\alpha\rho\acute{\omicron}\nu$ $\epsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\epsilon\varsigma$ «чистый, благоуханный» (Hes.) (с. 128—130, также [14, с. 108]); ряд сопоставлений (*tubus*, вариант *tuba* ~ $\sigma\tau\acute{\upsilon}\beta\omicron\varsigma$, вар. $\sigma\tau\acute{\upsilon}\beta\eta$; *capis* < $\sigma\chi\alpha\phi\acute{\iota}\varsigma$) (см. с. 36—40, 49—51 рецензируемой книги); *biscar*, по Фесту, название особого вида ваз: мик. *go-u-ka-ra* «ваза в форме бычьей головы», сюда же детерминатив «бычья голова» в кносском перечне сосудов K 872. Позднейший греческий язык знает лишь формы $\beta\omicron\upsilon\kappa\epsilon\rho\omicron\varsigma$, $\beta\omicron\upsilon\kappa\rho\acute{\alpha}\nu\iota\omicron\nu\omicron\varsigma$, давшие в латинском соответствии *bucerus* и *bucranium*; в словаре Эрну-Мей без особой уверенности рассматривается *biscar* в качестве варианта *bucerus* [18, с. 77] (с. 130—131).

Такое вкратце содержание этой оригинальной по замыслу и методике исполнения книги. Основной методологической постулат автора, согласно которому лингвистическим (resp. филологическим) данным в кругу наук, изучающих этно- и глоттогенез, при отсутствии прямых собственно исторических текстов придается базовое значение, заслуживает самой активной поддержки, равно как и обращение к мифологической легенде, приобретающей в тех же условиях статус письменного текста. Однако Э. Перуцци зачастую слишком упрощенно понимает связь между историей как реальностью

и ее запечатлением в мифе, не учитывая особенностей мифо-поэтического текста, являющегося на определенном уровне единственно возможным способом фиксации действительности (см. об этом [19, с. 13]). По сути, предварительная исследовательская процедура Э. Перуцци сводится к сопоставлению различных вариантов предания и к восстановлению формально непротиворечивого «прото-текста», который затем переписывается в терминах, принятых в историческом описании. Естественно, что подобная работа, к тому же выдержанная в сугубо эвристическом плане, не может не вызывать возражений как по ряду конкретных этимологий, так и относительно конечных выводов.

Переходя к критическому разделу, отметим общий, как нам представляется, просчет автора. Придавая особое значение сематическим дефинициям сопрягаемых лексем, автор склонен без специальной аргументации искать причину смысловых изменений в заимствовании, в данном случае — из микенского, но исчерпав возможности объяснения конкретных фактов сематической эволюцией в рамках самого латинского языка. Показательный пример — *jugum* : *juger*, которые ранее еще никто, кажется, не пытался разединить. Э. Перуцци представляется странным, что *juger* не сохранило значения «упряжка», но его не удивляет потеря у *ζεύξω* значения «участок», якобы присущего ему в микенскую эпоху (хотя в последнем не может быть уверенности, пока нет согласия среди микенологов о значении детерминатива ΖΕ). Относительно пары *clavis* : *clavus* уместно заметить следующее. Мнение о первичности смысла «гвоздь» [16, I, 229—230] кажется далеко не бесспорным. В большинстве индоевропейских языков основа **klaw-*/**klew-* не связывается с представлением о гвозде, она имеет лишь значения «преграда, затвор, ключ». Кроме приведенных греческих форм ср. также литов. *kliūjis* «препятствие», слав. *ključь* «ключ», нем. *Schlüssel* (с *s-mobile*) «то же», ср.-кипрск. *clo* «засов». Кроме латинского, понятие «гвоздь» с этой основой связывает древнеирландский, где имеем *clo* «гвоздь», однако здесь можно видеть либо заимствование, либо общую инновацию [ср. «неясное», по мнению Ю. Покорного, ср.-кипрск. *cloeu* (pl.) «clavi»] [20, с. 604]. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов видят в данной основе семитское заимствование со значением «запиратель» [21, с. 14], ср. возражения Н. М. Дьяконова [22, с. 24], вслед за Ю. Покорным [20, с. 604] считающего первичным значение «крюк», но не «гвоздь». Формы *clavus* и *clavis* этимологически разграничивает также О. Хаас, однако он, наоборот, *clavis* считает исконно латинским словом, а *clavus* объединяет с *clava* «булава», реконструируя для раннеиталийского **klav-* < и.-е. **globh-*, ср. др.-в.-нем. *kolbo* «дубина» [23, с. 33—34]. *Trabs* «брус, балка», имея ряд хороших соответствий как в италийских языках (оскск. *tribuum* «дом», *tribarakavum* «строить»), так и в других языках Европы (ирл. *tréb* «жилище», литов. *trobà* «строение»,

др.-исл. *þorp* «маленький хутор», др.-в.-нем. *dorf* «деревня») [16, II, с. 696; 18, с. 698], не пуждается ни в каких объяснениях через греческое заимствование. То же можно сказать о *furca* «раздвоенная жердь» — обратном образовании от псевдомушкетерского *furcula*, точно соответствующего литов. *žirkles*, лтш. *ziřkles* «то же» [16, I, с. 569; 24, с. 1314]. Впрочем, сам Э. Перуцци ставит под сомнение микенское происхождение слов *furca* и *fenestra* [14, с. 109]. Сближение последнего слова с *fenum* «сено», несмотря на свое остроумие, убедительной этимологии все-таки не дает [ср. 16, I, с. 479; 18, с. 225]. Таким образом, в разделе «Строительство», к сожалению, не оказывается ни одного надежного сопоставления. Этимология галакса *forbea* невозможна без учета глоссы *fordea omnis herba* «любая трава». Неясно, представляют ли эти слова варианты *herba*, также не имеющего этимологии [16, I, с. 526, 639 и сл.; 18, с. 291]. Что касается отношения к греч. *φορβή* «корм», *φέρβω* «есть» (ср. др.-инд. *bhārvati* «поедать», др.-исл. *bergja* «пробовать» [17, с. 1020]), то словари Вальде — Гофмана и Эрну — Меёе достаточно обобщенно видят здесь лишь конструкцию учебного грамматика [16, I, с. 526; 18, с. 246]. Однако, в отличие от авторов указанных словарей, мы не склонны считать само слово *forbea* позднейшим образованием, появившимся в результате сближения *φορβή* и *herba*, и не разделяем скептицизма словаря Вальде—Гофмана по отношению к возможности связи с *fordeum*, вар. *hordeum* «ячмень», имеющим хорошую индоевропейскую этимологию (ср. др.-в.-нем. *gersta* «ячмень», греч. *κράβη* «то же», пехл. *džurtāk* «хлеб») [16, I, с. 640, 656 и сл.]

Лексема *linteus*, согласно словарю Эрну — Меёе [18, с. 361—362], — действительно, трудный случай латинской этимологии. В этой связи следует отметить: 1) постулированные Э. Перуцци фонетические критерии выделения микенской лексики к данному слову не применимы, и, даже в случае заимствования, его нельзя с уверенностью отнести к микенской эпохе; 2) поскольку происхождение этой основы в латыни связано с общей проблемой распространения *l* культуры льна [18, там же], не следует а priori, как это делает Э. Перуцци, отбрасывать гипотезу о субстратном источнике. Необходимо также учитывать балто-славянские формы с кратким гласным основы [слав. *льнь* «лен», литов. *linai* (pl.) «то же»]; кроме того, в тени остается связь с др.-инд. *linā* «мягкий»; др.-исл. *linr* «то же» [17, с. 582—583]. Поскольку коррелят слову *τῆβεννος*, вар. *τῆβεννα* в латыни не засвидетельствован, оно должно быть исключено из списка возможных микенско-латинских соответствий (хотя к проблеме балкано-италийских культурных связей оно может иметь самое прямое отношение).

Кажется вполне приемлемой предложенная Э. Перуцци этимология *balteum* «шереязь» < греч. *παλτῶν* «метательное оружие, дротик». Однако неясно, почему он относит это заимствование к микен-

ской эпохе и отвергает возможность этрусского посредничества при его передаче, о котором прямо говорил Варрон (согласно Char. I, 77). Традиционное мнение об отсутствии в этрусском звонких смычных давно подвергнуто серьезному пересмотру А. Девином в его реконструкции этрусской фонологической системы, где для начала слова постулируется свободное варьирование по глухости — звонкости [25]. Э. Перуцци справедливо замечает, что в этрусском греческие основы на *-eu-* отражаются в виде основ на *-e-/ei-* (с. 61). Однако в слове *balteum* как и в приводимых Э. Перуцци примерах на соответствие лат. *-eu-* ~ греч. *-eo-*, *-eio-*, *-eo-* (ср. *silveus* «клин» < γῶλιος «то же», *caduceus* «жезл Меркурия» < κηρύκειον «то же»), уместно видеть вторичную тематизацию заимствованных из этрусского основ на *-e-/ei-* (ср. список возможных латинских заимствований из этрусского с исходом на *-eu-*, составленный А. Эрну [26, с. 43 и сл.]).

Относительно лат. *tuba* «труба» и греч. στόπος «ствол» прежде всего отметим, что словарь Ю. Покорного на основании глоссы *στύψων βροντῆς* «ударять громом» и *στολάζει βροντῆς* *φωρεῖ, ᾄδει* «ударять громом, толкать, бить» (Hes.) включает эту основу, явно параллельную основе глагола *τύπτω* «бить», вместе с ее индоевропейскими соответствиями (др.-исл. *stufi* «ствол», лтш. *stups* «то же» и т. д.) в число корней с *s-mobile* [20, с. 1034]. Далее форма *στύψω* обнаруживает придыхательный в исходе основы, в связи с чем можно рассматривать соответствие *(s)tiup-: *(s)tiubh- как точный аналог семантически близкой группы корней *steip-: *steib(h)-: греч. *στειβρός* «прочный», др.-инд. *stibhi-* «пучок», лат. *stipes* «ствол», литов. *stiebas* «то же», слав. *stěbъ* «стебель» [20, с. 1015—1016], ср. в латинском соотношение между *tuba* «труба» и *tibia* «труба, флейта», по поводу которых словарь Вальде—Гофмана допускает родство, словарь Эрну—Мейе считает оба слова техническими терминами неизвестного происхождения [16, II, с. 712; 18, с. 691, 709]. Таким образом, лат. *tuba* и греч. στόπος могут оказаться исконно родственными основами. Не следует, впрочем, забывать об интересной попытке О. Хааса связать *tuba* как раннеиталийскую основу (<и.-е. *dhoudha) со слав. *duda* «дудка», литов. *daudytė* «то же» [23, с. 27—28].

О названиях сосудов *capula* и *capis* можно заметить: 1) что *capula* имеет индоевропейские параллели, позволяющие поставить под сомнение как заимствование слова из греческого, так и изначальность придыхательного в его основе, ср. др.-инд. *kapātam* «чаша; череп», др.-англ. *hafola* «голова» [16, I, с. 160]; 2) традиционная этимология *capis*, признающая заимствование из греческого и объясняющая утрату начального *s-* народно-этимологическим сближением с *caprio* «баран, черпак» [18, с. 97], представляется не хуже предлагаемой Э. Перуцци, поскольку больше ни одного примера на постулируемое соответствие мн. *-sk-* ~ лат. *-s-* им не приводится.

Необоснованным выглядит утверждение о производности формы *Luperci* от *Lupercales* (якобы < *ulh^u arkades). Сама гипотеза Э. Перуцци о генетической близости италийских и балканских волчьих культов [2, с. 14—27] нам кажется правдоподобной, но лишь при условии, что из числа возможных этимологий слова *Luperci* [18, с. 370] будет избрано истолкование его в качестве композита *Lup-hirci «волко-козлы», в связи с волчьим и козьим образом Фавна, козьими шкурами на телах нагих луперков, представлявших волков, и т. д. Со своей стороны мы полагаем целесообразным привлечь известную этимологию имени *Faunus*, восходящую к балканскому обозначению хищного зверя, волка: фрнг. *δᾶος λύκος* «волк» (Hes.), фрак. этноним. *Δάοι*, др.-мак. *θαύων* «θῆριον» «зверь» (Hes.), ср. *Θαύμος ἢ Θαύλος* «Ἄρης Μακεδόνος» «Арес по-македонски» (Hes.) [27, с. 35—36], греч. *θῶς* «такал» [28, I, с. 701; 29, с. 450]. Э. Перуцци эту этимологию игнорирует, указывая лишь на вторичный параллелизм с аркадским именем Пана — *παν* (надпись) (с. 128), хотя она дает основание говорить о древних балканских истоках луперкалий, что могло отразиться в легенде о введении их аркадянами. Ср. античную традицию об аркадянах, изображающую их древним племенем, «родившимся прежде луны», и приписывающую им ритуальную антропофагию в качестве характерной приметы волчьего культа (Lucoph. Alex. 481—483). По-видимому, речь должна идти о гораздо более древнем уровне итало-балканских связей, чем это полагает Э. Перуцци.

С формальной стороны не вызывают возражений этимологии *vervactum* «поле под паром» и теонима *Vica Pota*. Однако в первом случае попытка отрицать этрусское происхождение обряда опахивания представляет умозаключение от причины к следствию, а во втором — этимология, затрагивая проблему возможных звуковых ассоциаций, связанных с теонимом, требует ряда серьезных семантических допущений, способных уравновеситься лишь поддержкой со стороны культурного контекста. В настоящее время эти сопоставления могут рассматриваться в качестве не более чем интересных гипотез, нуждающихся в дальнейшем обосновании.

Достаточно правдоподобно выглядит этимологии, предложенные Э. Перуцци для слов *buzus* «самшит», *cuspes* «острие», *bractea* «металлическая пластинка», *fidēs* «струны», *rudens* «канат», *carbassus* «тонкая ткань», может быть, *februum* «очистительное средство», название вазы *bucar*, если последнее слово, тесно связанное с греческим экспортом, не представляет варианта *bucerus*. Возможно, не случайно эти слова (кроме *bucar*), как и их греко-микенские корреляты, не располагают удовлетворительными индоевропейскими этимологиями. Единственно *κάρπασος* имеет параллель в др.-инд. *karṣasā* «шелк», но для него, наряду с греческой формой, М. Майрхофер предполагает, со ссылкой на В. Пор-

цига, происхождение] из общего «догреческо-средиземноморского или малоазийского» субстратного источника [30, с. 174—175]. Относительно пары $\xi\phi\omicron\varsigma$: : *qi-si-pe*. Л. Палмер постулирует независимое происхождение из негреческого источника [31, с. 358]. Словарь Эрну—Мейе в качестве заимствований трактует *buzus*, *fides*, *rudens* [18, с. 79, 232—233, 579]. Кстати, Э. Перуцци признает невозможность однозначного мнения о происхождении мик. *pa-ra-ke-te-a*, лат. *bractea* [14, с. 109]. Таким образом, данные этимологии, вопреки равнодушию Э. Перуцци к идее неиндоевропейских субстратов, пробуждают интерес именно к этой проблеме.

Итак, затронутый Э. Перуцци вопрос о присутствии микенских греков в Лациуме остается открытым. Характер фактической базы накладывает на его разрешение закономерные ограничения, снижающие доказательную силу лингвистических корреспонденций. Критерием достоверности лингвистических показаний в подобных условиях могли бы служить более массовые микенские археологические материалы, чем это наблюдается в настоящее время². Однако вывленная совокупность слов, относящихся к металлическим изделиям, корабельному делу, сакральной утвари, общих для латинской и греческой древней культурной лексики (в том числе засвидетельствованной в текстах линейного письма В), несомненно, привлечет внимание к специфическим связям древнейшей поры Апеннинского полуострова с микенской и даже более ранней Грецией, а также Восточным Средиземноморьем в целом.

Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Peruzzi E.* Origini di Roma. I—II. Bologna, 1970—1973.
2. *Peruzzi E.* Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978.
3. *Маяк И. Л.* Проблема возникновения Рима в исследованиях Э. Перуцци.— ВДИ, 1975, № 4.
4. *Маяк И. Л.*— ВДИ, 1980, № 3.— Рец. на кн.: *Peruzzi E.* Aspetti culturali del Lazio primitivo.
5. *Peruzzi E.* Agricoltura micenea nel Lazio.— *Minos*, 1975, XIV, fasc. 1—2.
6. *Peruzzi E.* Prestiti micenei in latino.— In: *Studi urbinati di storia, filosofia e letteratura*, 1973, XLVII. Supplemente linguistico 1, 1975.
7. *Peruzzi E.* I micenei sul Palatino.— *La parola del passato*, 1975, XXIX, fasc. 158—159.
8. *Peruzzi E.* Etimologie latine.— In:

- Rivista di filologia e di istruzione classica*, 1975, CIII, fasc. 3.
9. *Peruzzi E.* Τύβρυνα.— *Euphrosyne*, 1975—1976, VII.
  10. *Peruzzi E.* Appunti di etimologia latina.— *Euphrosyne*, 1977, VIII.
  11. *Peruzzi E.* Lat. *clāvis*.— In: *Antichità cretesi*, 1978, 1.
  12. *Peruzzi E.* An etymology between Pylos and Gabii.— In: *Studi micenei ed egeo-anatolici*, 1978, XIX.
  13. *Peruzzi E.* I greci e le lingue del Lazio primitivo.— In: *Popoli e civiltà del Italia antica*. VI. Roma, s. a.
  14. *Перуцци Э.* Микенские языковые элементы в латыни.— ВЯ, 1975, № 5.
  15. *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. 2-nd ed. Cambridge, 1973.
  16. *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von J. B. Hoffmann. I—III. Heidelberg, 1938—1956.
  17. *Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 4-ième ed. Heidelberg — Paris, 1950.
  18. *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4-ième ed. Paris, 1979.
  19. *Гиндин Л. А.* Гом. Κήτεροι в конкретно-исторической интерпретации.— В кн.: *Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов*. М., 1983.
  20. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern 1959.
  21. *Гавьярелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным.— ВДИ, 1980, № 3.
  22. *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. I.— ВДИ, 1982, № 3.
  23. *Haas O.* Das frühitalische Element. Wien, 1960.
  24. *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—II. Heidelberg, 1955—1965.
  25. *Devine A.* Etruscan language studies and modern phonology: the problem of the aspirates.— In: *Studi etruschi*, 1974, 42.
  26. *Ernout A.* Les éléments étrusques en vocabulaire latin.— In: *Ernout A.* *Philologica*. I. Paris, 1946.
  27. *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrier. II. Wien, 1959.
  28. *Frisk H. J.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. I—II. Heidelberg, 1960—1970.
  29. *Chantraine F.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. I—IV. Paris, 1968—1980.
  30. *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der Altindischen. Bd. I. Heidelberg, 1956.
  31. *Palmer L.* The interpretation of Mycenaean Greek texts. Oxford, 1963.
  32. *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы. София, 1981.

² Ср. систему взаимоподдерживающих лингвистических и археологических аргументов в пользу превалирующего протофракийского компонента в составе населения гомеровской Трои, в свое время развернутую одним из авторов рецензии [32, с. 117—168, 185—188].

Рецензируемая книга принадлежит к тому типу работ, выход которых в свет является большим научным событием. Она заменяет собой еще одну веху в развитии сопоставительно-типологических исследований функциональных систем языка [см., например, 1, 2]. Выполненная в соответствии с задачами Проблемной комиссии по теории литературных языков, работа отличается монографической целостностью. Введение и Заключение (автор М. М. Гухман) особенно подчеркивают единство замысла и аналитической методологии, присутствующих в монографии, благодаря чему удалось осуществить поставленную цель: создать типологию наддиалектного языкового существования.

Во Введении указывается, что к настоящему времени определились два круга проблем, в рамках которых развивается сопоставительно-типологическое исследование функциональных систем языка: 1) «изучение структуры тех систем, которые представлены совокупностью форм существования языка, а также рассмотрение типов их стратификации и соотношения их компонентов или стран; 2) анализ типов членения или варьирования в пределах одной из форм существования языка» (с. 3). И то и другое направление позволили обособить понятие функциональной парадигмы (в свое время этот термин упоминался Г. В. Степановым) как модели иерархического построения «системы форм существования конкретного языка» (с. 4). В ее анализе главную роль первоначально играло основное противопоставление: диалект — литературный язык. При этом главным объектом исследования всегда являлся литературный язык, особенности которого определялись сравнением с диалектом. Но именно такое сравнение и привело к обнаружению многообразия тех форм языкового существования, которые оказались оппозиционными диалекту. Все эти формы, включая литературный язык, имеют общий дифференциальный признак: наддиалектность. К установлению границ этого понятия исследователи пришли по мере растущей необходимости в констатации существования разных видов и в разной степени обособленности форм литературного языка от диалектов [см. 3].

Совместные усилия лингвистов разных специальностей, изучавших языковое состояние тех или иных языков на тех или иных этапах исторического развития, привели к возможности сгруппировать формы языкового существования, выделенные как наддиалектные, в три основных типа. Соответственно этим типам определялся состав и композиция рецензируемой книги, которая содержит три раздела: I. Язык эпической поэзии как одна из форм наддиалектной речи; II. Наддиалектные устные койне и III. Формирование письменно-литературных языков. В первых двух разделах рассматриваются особые типы наддиалектных форм существования языка, имею-

щие, во-первых, специфические строевые черты наддиалектности (полидиалектности, интердиалектности), и, во-вторых, — специфические условия функционирования, по сравнению как с диалектным речевым общением, так и с общением посредством литературного языка. В третьем разделе наддиалектность и того и другого типа исследуется в «процессуальном» аспекте, что дает возможность увидеть также разность и сходство путей образования литературного языка как высшей стадии наддиалектности для разных языковых состояний и ситуаций. В книге представлено описание языковых ситуаций разных языков в разные исторические эпохи: от наддиалектности языка гомеровского эпоса до наддиалектных свойств провансальско-каталонской поэзии XIII—XV вв. и наддиалектных явлений в языке современной итальянской художественной литературы; от первых памятников литературного азербайджанского языка до современного сосуществования литературной и разговорной форм арабского языка; от немецких и нидерландских «полудиалектов» до московского койне XVI—XVII вв.; от судеб английского языка в Америке до роли старописьменного китайского языка в Корее и Японии и т. д. Некоторые разделы книги посвящены совершенно новой проблематике в изучении отдельных языков (например, африканских и тюркских). Большинство разделов построено на тщательном анализе обширного языкового материала.

Таким образом, рецензируемая книга обладает не только неоспоримыми, но и поучительными для современного состояния нашей науки достоинствами, оценивая которые необходимо учесть следующие обстоятельства: во-первых, известно, что вплоть до самых последних десятилетий работы социалингвистического и функционально-коммуникативного направления были весьма малочисленны и нередко грешили декларативностью. Лучшие традиции советского языковедения 20-х и 30-х годов в этой области оказались частично утраченными ввиду смешения социалингвистического подхода к фактам языка с вульгарно-социологическим. Поэтому приоритет изучения внутренней структуры языков по сравнению с их «внешней системой» (термин Г. В. Степанова) долгое время оставался неизблемым. Монография «Типы наддиалектных форм языка» в ряду других работ названного направления и, в частности, монографий упоминавшегося цикла, как нельзя лучше восполняет этот пробел, отражает новый этап в увеличении интереса к исследованию языковых состояний и ситуаций.

Во-вторых, книга важна с точки зрения разработки функционально-прагматического аспекта исследования и применения соответствующего понятийного аппарата. Последней, получивший всеобщее обоснование во Введении к книге, представляется столь же надежным инструментом для изучения языко-

вого существования, как и привычный круг сопоставительных категорий, используемых при сравнительно-типологическом изучении внутренней структуры различных языков. Все разделы книги показывают, что сходство и различие путей развития литературных языков с функциональной точки зрения, специфика диалектного и наддиалектного состояния национальных систем речевого общения и прочие смежные вопросы — есть самостоятельная, собственно лингвистическая и крайне актуальная проблематика, требующая специального внимания лингвистической общественности. К настоящему моменту в этой области уже накоплен богатый и разносторонний теоретический опыт (ср. работы М. М. Гухмаи, А. В. Десницкой, Л. Б. Никольского, Н. Н. Семешюк, Г. В. Степанова, А. Д. Швейцера и др. в 60-е и 70-е годы). И, следовательно, заинтересованный читатель теперь вправе ожидать обилия конкретных исследованных языкового существования разных систем и разных исторических эпох.

Особенно хочется отметить, что само себе состав рецензируемой книги наглядно отражает возможности сравнительного анализа языковых ситуаций. Поэтому перед специалистами тюркологом, романистом, русистом и др. в равной степени открывается заманчивая перспектива: познать функционально-социальную историю своего языка через сравнение с аналогичной стороной других языков, т. е. увидеть сходство (или несходство) не только структур, но и ситуаций.

В-третьих, существенное достоинство книги состоит, по-видимому, в том, что она не только включает диахронические исследования, но в своих основных положениях и выводах опирается именно на них. Ряд разделов книги построен так, что они как бы демонстрируют невозможность постичь и осмыслить жизнь данного языка (или языка вообще) в социуме без картины его исторического развития. Разница между синхронным описанием состояния того или иного языка (особенно современного) и историческим взглядом на изменение этого состояния — в том, что только последний способен отразить сходство и различие языковых судеб в том объеме, который адекватен постановке проблемы о статусе наддиалектных форм языка. Объединенные диахроническим подходом, многие разделы книги дают, таким образом, целостное, функционально-историческое обоснование развития разных типов наддиалектных форм языка.

Некоторые из этих обоснований представляют особый интерес, так как проявляют уникальность отдельных конкретных языковых ситуаций, их (иногда теоретически непредсказуемое) развитие. Ср., например, функционально-историческую судьбу литературных языков хауса и суахили (авторы соответствующих разделов В. Я. Порхомовский и И. С. Рябова). Исследователи установили, что суахили не имеет этнического генезиса, т. е. его образование восходит к формам, которые по своему распространению и по своей функции уже были наддиалектными:

они обслуживали обиходный «язык побережья» восточной части Тропической Африки. Именно поэтому язык суахили с такой легкостью выполнил свое предназначение — сыграл роль своеобразного эсперанто для всего восточно-африканского тропического ареала, стал литературным языком для Кении, Танзании и государственным языком последней. Напомним также о сравнительной простоте его усвоения носителями европейских и других неродственных языков, коль скоро это оказывается практически необходимым. В то же время язык хауса, имеющий несравненно более длительную и богатую историю, глубокие культурные традиции, системные связи с высокоразвитыми языками, не стал и не мог стать ни общелитературным, ни государственным языком тех стран, в которых он распространен. Этому мешает его этногенез.

Авторы многих разделов рецензируемой книги касаются вопросов, теоретическое значение которых далеко выходит за пределы наддиалектной проблематики. Такие вопросы поставлены, например, в разделе А. Д. Швейцера «Вариативность литературного языка и модели формирования его норм». Речь идет об американском варианте английского языка, а подобные проблемы [ср. 4], как мы знаем, открывают большие сопоставительные возможности и диалектного, и наддиалектного масштаба на широком историческом и культурно-социологическом фоне. Пользуясь этими возможностями, автор данного раздела анализирует важнейшие положения формирования литературной нормативности: 1) разные пути возникновения нормы — моноцентрический, полицентрический и ацентрический, которые определились в соответствии с исторически сложившейся ситуацией распространения английского языка на новом континенте; 2) пути развития языковых инноваций, которые с точки зрения социальной структуры общества идут «сверху вниз», «снизу вверх» или же соединяют в себе два направления. Эти вопросы, в свою очередь, связаны с еще более общими и не раз поднимавшимися, но так и не получившими детальной разработки вопросами о взаимодействии территориальных и социальных (в собственном смысле) факторов развития языковой нормы. Здесь выявляются закономерности, имеющие универсальный характер. Они соответствуют ряду явлений в нормативно-литературном развитии и русского языка, вариативности его современной нормы, особенностям нелитературных форм современного русского общения. Синтез территориальных и социальных показателей лежит в основе наддиалектного статуса современного русского просторечья.

Одно из центральных положений рецензируемой монографии — функциональная специфика наддиалектных форм языка. Но, к сожалению, это положение скорее постулируется, чем анализируется, хотя его, не такие многочисленные, как хотелось бы, иллюстрации очень убедительны (современная и древняя эпическая поэзия). Между тем в мысли о функциональной специфике наддиалектных форм

языка и в том, какова ее теоретическая аргументация¹, заложено целое направление дальнейших исследований. Здесь может быть развита область функционально-стилистических наблюдений и в синхронном, и в диахроническом планах, на материале одного языка и на сопоставимом материале разных языков. Так, например, даже в русистике дело никогда не заходило дальше упоминаний о разных функциях русской и чешской обиходной речи или окказиональных сравнений некоторых частных особенностей функционирования русских и других территориальных диалектов². Между тем подобные наблюдения могут, как кажется, представить свидетельства того, что в наше время (так, во всяком случае, обстоит дело в русском языке) языковое состояние способно служить иллюстрацией некоего исторического «перерождения», когда к моменту отмирания диалектной системы национального языка формируется и упорочивается наддиалектная полифункциональная общность, соседствующая с литературным языком. С одной стороны — она выполняет первичную функцию языка, являясь средством общения для людей, недостаточно владеющих литературной нормой и, в то же время, оторвавшихся от территориально-диалектных черт в их генетическом, системном виде. Эта форма общения осуществляется при помощи набора таких полидиалектных средств языка, которые получили распространение в определенной социальной среде, регулярно эксплуатирующей нелитературную, ненормированную сферу речи. С другой стороны, у этой наддиалектной общности как бы существует и дополнительная функция — «обобществить», объединить особенности названной речевой сферы, остаться конкретным свидетельством уходящей реалии — территориального диалекта — т. е. сохранить определенный фонд просторечного языкового выражения, которое в разных видах и в разных пропорциях влетает в основное средство общения любого высоко-развитого современного национального языка — литературный язык. От этой дополнительной функции и развивается эстетическое «ответвление»: нелитературная наддиалектная общность выполняет литературные функции, становится специфическим средством языковой экспрессии, т. е. средством стилистическим.

При всем этом оппозиция «диалект — литературный язык» приобретает иные очертания; она скорее выглядит как противопоставление литературного языка — нелитературному. Причем второе понятие нуждается во внутренней дифференциации и систематическом изучении³.

¹ См., например, раздел «Наддиалектные формы в истории немецкого языка и некоторые аспекты их изучения» (автор — Н. Н. Семенюк).

² А какие возможности существуют в этом смысле, убедительно показано в разделе «К проблеме соотношения русского литературного языка и международного койне» (автор — Л. И. Бараникова).

³ В настоящее время в Институте русского языка АН СССР начато фронталь-

В этом также может помочь изучение художественной речи, по на сей раз письменно-литературной. С точки зрения современного состояния высокоразвитых национальных языков ее функцией является концентрирование и типизация того междиалектного инвентаря, который должен отразить разные типы нелитературного языкового общения, функционально ограниченного личной коммуникативной обиходной характера. Например, произведения современных русских писателей, обладающих точным языковым чутьем, останутся историческим свидетельством употребления этого «просеянного» и, возможно, имеющего большое будущее круга средств, который типизирует обиходную речь так называемых широких демократических кругов населения в нашей стране. Соответственно складывается картина и для других языков. В этом отношении интересно само по себе название раздела Л. Г. Степановой: «Диалектная „вспышка“ в языке художественной литературы современной Италии и ее наддиалектный характер». Оно не содержит, как это могло бы показаться на первый взгляд, никаких противоречий, потому что в разделе убедительно показаны причины и способы образования формы общения, представляющей собой (как, очевидно, и во многих других современных языках) сплав литературной и обиходной разговорной речи, просторечия, социальных жаргонов, замашиваний на территориально-диалектных реликтах. Наличие тех или иных вариантов подобного субстрата и его подвижная связь с литературно-нормированным языком — непрременный признак современного языкового существования. Чрезвычайно показательно в этом смысле содержание раздела А. Г. Беловой: «Средний язык» в системе наддиалектных форм арабского языка».

В заключительном разделе книги обобщаются важные теоретические выводы, которые позволяют сделать описание типов наддиалектных форм языка: о закономерностях соотношения наддиалектных форм во времени, о типологической и конкретно-исторической преемственности между ними (см. с. 292 и далее), об узальности наличия региональных признаков в различных типах наддиалектной речи. Выделением семи перекрещивающихся признаков, по которым обособляются типы наддиалектных форм языка, подведен итог общности и различия.

Этот итог располагает, однако, и к дальнейшим размышлениям по поводу статуса наддиалектных форм языка как «промежуточных»⁴ и как «обобщающих». Несмотря на то, что на данном этапе их изучения целесообразны поиски общности, аргументирующей границы содержания

ное изучение просторечия как средства общения людей, не владеющих нормой литературного языка.

⁴ См. раздел «Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм речи» (автор — С. А. Миронов), а также уже упомянутый раздел, принадлежащий перу Л. И. Бараниковой.

того понятия, которое объединяется термином «наддиалектные формы» языка, — полезно отнестись к ним и с дифференцирующей точки зрения. Этого, как кажется, настоятельно требует именно функциональное направление исследований: «экстралингвистические стимулы наддиалектности бывают для литературного языка в основном или прагматического или эстетического плана» (с. 124). Такие стимулы не могут не найти прямого отражения в составе языковых средств, квалифицирующихся как наддиалектные, что очень хорошо показано во многих разделах книги. Различия в их корпусе и в принципах их отбора вызывают некоторые сомнения относительно их одинаковой терминологической квалификации. Последняя дает примеры неоднозначного применения и колебания в понимании самого ключевого термина «наддиалектность». Ср.: «Наддиалектность гомеровского языка была как бы поэтической полидиалектностью, которая по-новому дифференцировала разнодиалектные формы...» (здесь и далее разрядка наша. — В. Т.) (с. 35); «устно-поэтическая речь остается наддиалектной, сохраняет свои строевые черты, возвышаясь по своим инвариантным качествам над территориальными признаками» (с. 43); «важно подчеркнуть, что эпические зачины не только носят наддиалектный характер, но также отличаются структурными признаками, общими для всех западнокавказских языков» (с. 54); «эти произведения всегда возвышались над повседневной речью и, как правило, все они носили наддиалектный характер» (с. 57); «наддиалектный и интердиалектный характер обнаруживается в стирании и нивелировании наиболее заметных диалектных признаков...» (с. 79); «наддиалектность «...проявляется как в чисто функциональных, социально обусловленных признаках, так и в языковых особенностях, выступающих в совокупности как критерии их отнесения к наддиалектным и интердиалектным формам...» (с. 79); «...основным критерием для выделения наддиалектных форм может служить, по всей видимости, именно функциональная характеристика, хотя функциональные различия, как правило, сопровождаются возникновением структурных противопоставлений на всех (или некоторых) языковых уровнях» (с. 199).

Подобные формулировки характерны для большинства разделов рецензируемой книги⁵. Они свидетельствуют о недостаточной четкости в соотношении термина «наддиалектность» и смежных с ним терминов «полидиалектность», «интердиалектность» («междиалектность», «разнодиалектность»), «внутридиалектность». В то же время в этой нечеткости есть и своя последовательность: выдвигание на первый план или феномена общности относительно совокупности диалектов, или изменения функции общения по сравнению с диалектным. Поэтому невольно складывается впечатление, что термин «наддиалектность», более удовлетворительным образом отвечая содержанию второго понятия, может трактоваться не как обобщающий, а как параллельный по отношению к указанным выше терминам. Возможно, что этот терминологический вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении, что, безусловно, явится мощным стимулом еще более углубленной разработки в высшей степени актуальной и увлекательной проблематики функциональной парадигмы систем языка, начатой данной коллективной монографией.

Винокур Т. Г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.
2. Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1978.
3. Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.
4. Степанов Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

⁵ Заметим, что эта «политерминологичность» не всегда спасает положение. Вот высказывание автора одного из наиболее интересных разделов монографии — М. П. Славянской: «Термин „наддиалектность“, правда, не совсем точно передает диалектную ситуацию в гомеровском языке. Античность всегда отчетливо осознавала наличие в эпическом языке полидиалектности гомеровского языка близкие как бы поэтической полидиалектностью» (с. 35).

Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Под ред. Акуленко В. В. — Харьков: Вища школа, 1980. 208 с.

В сегодняшнем мире языковедам приходится решать все более сложные задачи, вызванные к жизни научно-технической революцией, сокращением расстояний, огромными социальными преобразо-

ваниями. Как никогда ранее, активными стали контакты языков. Особенно остро стоит проблема языкового барьера. Отсюда понятен все возрастающий интерес языковедов к общим чертам в языках,

которые так или иначе облегчают межъязыковую коммуникацию, процессы перевода и изучения иностранных языков.

Рецензируемая книга является попыткой всестороннего рассмотрения вопросов, связанных с существованием в лексическом составе языка вообще и в специальной лексике (терминологии) в частности так называемых интернациональных элементов. Эта коллективная монография создана авторами, представляющими ряд стран Европы и имеющих во многом различные научные интересы. Здесь представлены слависты и русисты, романисты, германисты и востоковеды, специалисты в области терминологии, двуязычия, переводоведения, преподавания языков. Но всех авторов объединяет живой интерес к актуальнейшей проблеме социальной лингвистики — проблеме преодоления языкового барьера путем оптимизации преподавания языков, перевода, международной стандартизации научно-технической терминологии. Значение этого направления исследований и краткая история вопроса освещены И. К. Белодедом в предисловии к книге.

Первая часть монографии посвящена уточнению понятия интернациональных элементов в лексике, словообразовании, фразеологии языков, определению адекватных методов их синхронического, этимологического и диахронического изучения. Интернационализмы понимаются авторами книги как объективно существующая межъязыковая синхроническая категория, возникающая в любых группировках соприкасающихся языков. В то же время это относительное явление, что проявляется во всех параметрах сопоставляемых языков и в характеристиках языков, в которых представлены интернационализмы. Это обстоятельство подчеркивает В. В. Акуленко в первой главе книги, где убедительно показана диалектическая связь интернационального и национального: первое существует только во втором, в различных национальных реализациях. Здесь же приводится разработанная автором типология интернационализмов и указываются лингвотипологические и конкретно-исторические ограничения, стоящие на пути их распространения.

Интересен обзор новейших модификаций сопоставительного метода в применении к интернациональной лексике и фразеологии. Особенности этимологического анализа этой категории описаны А. Грауром (Румыния) во второй главе, где обосновывается предложенный этим ученым метод множественной этимологии и убедительно демонстрируется его применимость к анализу интернациональных элементов лексики.

В последующих главах первой части рассматривается роль интернациональной лексики и терминологии в ситуациях двуязычия, при преподавании иностранных языков и в процессах перевода. Ю. А. Жлуктенко показывает на материале украинско-английского двуязычия в условиях США и Канады, что несмотря на те или иные отличия, интернациональные элементы массово отожде-

ствляются в соприкасаемых языках, как правило, облегчая общение, хотя возникающие при этом интерференции ведут к частичным изменениям соответствующих лексико-семантических систем, увеличивая их изосемью. Произведенный А. Д. Швейцлером анализ процессов интернационализации лексики в терминах теории перевода позволяет установить семантические преобразования, которым при этом подвергаются лексические единицы: перераспределение семантических компонентов, добавления и опущения, генерализацию и конкретизацию, метонимические замены.

В главе, написанной Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым и использующей опыт преподавания русского языка как иностранного, анализируется фоновый национально-культурный компонент семантики, который может быть присущ как национально-специфическим, так и интернациональным терминам, чем еще раз доказывается диалектическое единство интернационального и национального.

Некоторые положения этой главы, прежде всего касающиеся противопоставления термина и общеупотребительного слова, с нашей точки зрения, являются дискуссионными. Так, утверждение о том, что «у термина нет своего лексического значения, оно ему более или менее произвольно приписывается» (с. 71), едва ли можно считать совершенно беспорочным. Если ставить вопрос о том, мотивирован (словообразовательно и семантически) термин или нет, то в подавляющем большинстве случаев на него следует ответить утвердительно: все номинации понятий, осуществленные морфологическим способом (префиксация, суффиксация, слово- и основосложение) и тем более — синтаксическим, — относятся к мотивированным, что свидетельствует не о произвольности знака понятия, а о его закономерности. А если еще учесть, что терминологии присуща достаточно определенная специализация терминообразующих средств при выражении конкретных значений, то едва ли правомочно утверждение о «произвольном приписывании» термину его значения. Другое дело, что того значения, которое выявляется из знака, недостаточно для раскрытия содержания понятия, но оно заключено в дефиниции, которая считается необходимым атрибутом термина.

Противопоставление семантических структур слова и термина на основе «дифференциации атрибута лексический или научный» (с. 72) также не представляется безупречным в силу того, что недостаточно обосновываются критерия классификации этих атрибутов. Если за термином стоит научное понятие (что не вызывает сомнений), то за общеупотребительным словом должно стоять «обыденное» (если можно так выразиться) понятие. Такое соотношение будет соответствовать разным уровням (а не «видам — общественному и групповому») сознания. Нельзя также не отметить досадной оплошности, допущенной авторами этой главы в ошибочном «приписывании» высказываний одного автора другому. Име-

ется в виду текст на с. 75, где говорится о том, что «Т. Л. Канделаки, подробно разбирая роль лексики терминологического происхождения в художественных произведениях, показывает, как она участвует в становлении общезыковой фразеологии». И далее дается ссылка на исследование «Русский язык и советское общество» (1968, с. 169). Все сказанное справедливо, кроме одного — автором этого утверждения и указанной коллективной монографии является не Т. Л. Канделаки, а Л. А. Капанадзе. То же относится и к рассуждениям на с. 76.

Вторая часть книги посвящена интернациональным словообразовательным элементам в лексике общего языка и в терминологии. Здесь устанавливаются методы их изучения, сходные с методами изучения интернациональной лексики или определяемые спецификой словообразовательной сферы языка. Эти вопросы рассматриваются на венгеро-русском материале М. Фогаша, на чешско-русском материале Й. Иврачка и, наконец, на материале немецкого и русского языков И. Хернс. Авторы этих глав показывают специфику статуса в языке интернациональных морфем иноязычного происхождения, сложность определения степени выделенности некоторых из них, закономерности их сочетаемости с другими морфемами. Сопоставительный анализ свидетельствует о том, что их характеристики полностью совпадают во всех языках, так что и здесь интернациональное взаимодействует с национально-специфическим. Это относится даже к научно-техническим подъязыкам, хотя в этих последних они особенно легко отождествляются благодаря существованию в этой сфере регулярно соотносительных словообразовательных моделей.

Главы третьей части посвящены особенностям интернациональной терминологии как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах. Большой интерес вызывает глава известного терминоведа, основателя Венской терминологической школы Э. Вюстера. В ней детально описаны принципы международной стандартизации научно-технических терминов, дается история работ по интернационализации терминологии в международных стандартизационных организациях.

В главе, написанной В. В. Акуленко, подчеркивается роль международного контекста при решении вопросов языкового планирования в наше время, важность ориентации прежде всего на мировые языки. Здесь обосновывается понятие подсистем в языке, важное для определения статуса интернациональных терминов и терминологических элементов.

В работе З. Стоберского об интернационализации терминологических систем в польском языке явно недостает информации по вопросу истории формирования польской терминологии в ракурсе соотношения интернационального, интеславянского и национального. Име-

ем в виду как лингвистическую терминологию, по словам автора, менее всего унифицированную, так и общесоветскую, развивающуюся в русле общественно-политической терминологии языков славянского ареала.

Глубоко представляется диахроническое исследование становления интернациональных элементов в современном армянском языке Э. Г. Тумаян. Тонко подмечена и достаточно точно аргументирована реализация интернациональных элементов габара (древнеармянского языка) в восточном и западном вариантах армянского языка, раскрыты пути интернационализации терминологических систем армянского языка (восточного варианта) Советской Армении.

Интересные наблюдения сделаны В. П. Берковым над интернационализмами в сфере терминологии исландского языка — наиболее пуристического среди языков европейского ареала. Автор исследования показывает, что сближение терминов исландского языка с терминами других европейских языков может проводиться путем унификации их внутренней формы на основе обязательной международной стандартизации понятий и согласования дефиниций. Учитывая лингвотипологические и традиционно-исторические причины отсутствия в исландском языке интернациональных греко-латинских элементов, на которых базируется общий терминологический фонд европейских языков, В. П. Берков главное внимание уделяет внешнеязыковой мотивированности исландских новосозданных терминов — соответствий интернациональных терминов, т. е. вопросу «скрытой» и «полускрытой» интернационализации.

Завершает рецензируемую книгу сопоставительный анализ лексики и терминологии китайского, корейского, японского и вьетнамского языков. Автор исследования Л. Б. Никольский высказывает достоверное предположение о возможности путем сознательных усилий нарушить традицию создания терминологических неологизмов в языках дальневосточного ареала исключительно из элементов иероглифической лексики.

В целом коллективная монография, выполненная крупными европейскими лингвистами, представляет собой вполне завершенное в пределах поставленных задач, логичное по композиции научное исследование.

Следует отметить большую работу редактора монографии В. В. Акуленко, сумевшего объединить в одной концепции — интернационализация словарей языков является одним из естественных и важнейших путей их самобытного развития — работы разных авторов и тем самым подвести итоги изучения интернационализмов в европейском языкознании, наметить перспективу их дальнейшего исследования в аспекте разработанной им методики.

Даниленко В. П., Панько Т. И.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Первый Зальцбургский коллоквиум по славистике (25—28 ноября 1982 г.), организованный Институтом славистики Зальцбургского университета, был посвящен актуальным проблемам болгарского языка и болгарской литературы. Основные участники встречи — ведущие болгаристы Австрии, НРБ, ФРГ. В работе принимали участие ученые Австралии, ПНР, СССР, Швеции, Западного Берлина. На коллоквиуме обсуждались также возможности сотрудничества болгаристов разных стран.

Было заслушано 10 литературоведческих докладов и более 20 докладов, посвященных вопросам болгарского языка и шире — проблемам славистики. Лингвистические доклады по проблемам болгарского языка и славистики были сгруппированы по четырем темам: 1) История болгарского языка; 2) Проблемы интерференции между болгарским и другими языками; 3) Современный болгарский язык и 4) Разное. Под общим названием «Разное» объединены доклады, посвященные некоторым проблемам славистики, в том числе проблемам болгарских и инославянских связей.

Научные заседания коллоквиума были открыты докладом О. Кронштейнера (Австрия, Зальцбург; организатор коллоквиума) на тему «Зальцбург и славяне». В центре внимания исследователя вопрос о местоположении Великой Моравии, области, где протекала деятельность славянских первоучителей. Автор решительно выступает против традиционной локализации Великой Моравии на Мораве — притоке Среднего Дуная — и приводит убедительные доводы в пользу того, что область, называемая Megale Moravia, находилась во внутренней части Паннонии. Одним из важных аргументов, по мысли автора, служит сообщение Константина Багрянородного о том, что Megale Moravia размещалась между Болгарией и Хорватией, южнее Венгрии, и упоминание в связи с этим рек Дунай, Тисса, Марош. Зальцбург, входивший в состав Паннонии, охарактеризован как важный центр духовной культуры, которому принадлежала немаловажная роль в распространении христианства.

1. Проблемам истории болгарского языка было посвящено пять докладов.

Х р. П ы р в о в (НРБ, София) в докладе «Основные моменты в истории болгарского литературного языка» выделил следующие вопросы, существенные для формирования и развития болгарского литературного языка: 1) «История» Паисия

Хилендарского, 2) Народная речь, 3) Дамаскины. Б. Велчева (НРБ, София) остановилась на особенностях графической структуры отдельных букв глаголицы в связи с проблемами фонетики и фонологии древнеболгарского языка («Глаголица как графическая система»). Докладчица обратила особое внимание на самобытность глаголицы, адекватно отражающей особенности славянской речи, затронула вопросы происхождения глаголицы и особенностей функционирования этой графической системы в древних памятниках письменности. Т. Б о я д ж и е в (НРБ, София) в докладе «Архаичные черты в болгарских диалектах» подчеркнул роль диалектных данных для создания истории болгарского языка. Автор особенно выделяет диалекты Родопской области, Солуни как области консервации наиболее архаичных черт болгарского языка на всех языковых уровнях (ср. трехчленная система местоимений, сохранение *у (ы), некоторые синтаксические конструкции и т.п.). Проблема постпозитивного члена в широком типологическом плане с привлечением данных вейндоевропейских языков (язык басков, семитские языки и т. д.) поставлена в докладе «Постпозитивный артикль в болгарском в свете типологии порядка слов» Х. П о л я (Австрия, Клагенфурт). Близкая проблема ставится в докладе Х. Х а н н и к а (ФРГ, Мюнстер) «Происхождение болгарского артикля в свете акцентных отношений в системе именного склонения», но освещается в плане акцентных отношений с учетом особенностей литургического пения.

2. На заседании по проблемам языковой интерференции большой интерес представил доклад известного тюрколога К. М е н г е с а (Австрия, Вена) «Вклад алтайского элемента в болгарский язык». Автор осветил в широкой исторической перспективе генетические отношения древних народов болгар, авар, печенегов, указав на необходимость разграничения разных хронологических слоев в составе алтайских заимствований и выделения болгарского вклада, определения степени воздействия болгарского субстрата на болгарский язык.

Одна из важных для славистики проблем — проблема славянских заимствований в венгерском и критерии их выделения стала темой доклада Р. Р и т т е р а (ФРГ, Регенсбург) «Критерии определения болгаризмов в венгерском».

А. М и н ч е в а (НРБ, София) в докладе «История болгарского языка и балкан-

ские языковые соответствия» показала на материале синтаксиса, что процесс балканизации охватил уже древнеболгарский язык, и в этом автор видит результат языковых контактов славян с другими этническими группами на протяжении трех столетий с момента освоения новой родины до появления первых письменных памятников.

Сходный аспект исследования нашел отражение в докладе Х. Ш а л л е р а (ФРГ Мюнхен) «Болгарский язык и его значение для балканской филологии».

В докладе М. П е т р о в о й (Австрия, Зальцбург) «Словесно-болгарские параллели» был представлен большой фактический материал из области фонетики, морфологии и синтаксиса, свидетельствующий о близости двух периферийных областей южнославянской языковой области.

3. В центре внимания исследователей современного болгарского языка стояла проблема времени и вида, времени и модальности. Особенности функционирования этих категорий в болгарском языке прослеживаются на основе сопоставления с типологически сходными конструкциями в других индоевропейских языках: ср. Б. П а н ц е р (ФРГ, Гейдельберг) «Темпоральные и модальные функции в болгарском»; С. Ф р и ц (Австрия, Вена) «Аспектуальным или темпоральным является болгарский язык?». Опыт общей характеристики аспектуальных и темпоральных особенностей так называемых «дефективных» болгарских глаголов предложен в докладе Н. Т э л и н а (Швеция, Олденбург) «Универсальные функции темпоральности и аспектуальности и болгарские так наз. „дефективные“ глаголы типа *налисвам*».

Проблема нормы современного болгарского языка и особенности болгарской орфографии получили освещение в двух докладах — в докладе В. М у р д а р о в а (НРБ, София) «Изменения в норме современного болгарского языка» и в докладе О. Б а к а (Австрия, Вена) «Замечания к болгарской орфографии».

На этом же заседании был заслушан доклад П. Х и л л а (Австралия, Сидней) «Диалект Каленика», в котором дано полное описание одного из болгарских диалектов в современной Австралии.

В докладе М. Т р у м е р а (Австрия, Грац) «Яканье в болгарском и славянском» проблема яканизма рассматривается в плане исторической фонологии как следствие определенной фонологической позиции и связывается с развитием корреляции по твердости/мягкости. В плане отражения этого явления оценивается противопоставление северно- и южнославянских языков.

Г. Ш у б е р т (Западный Берлин) осветила культурные и языковые аспекты функционирования синонимичных лексем *стая/одая/соба* в сходных культурно-исторических условиях Балканского п-ва («*Стая/одая/соба*. Языковые и культурные импликация»). К докладу был приложен большой иллюстративный материал.

4. Последнее заседание было открыто докладом Л. П. Ж у к о в с к о й (СССР, Москва) «О втором южнославянском влия-

нии». Докладчица показала, что явления в графике и орфографии, на основании которых А. И. Соболевский в 1894 г. выдвинул гипотезу о так называемом «втором южнославянском влиянии», не могут связываться ни с последствиями захвата Балкан турками, ни с деятельностью митрополита Киприана, умершего в 1406 г. Строгие древнерусские графические и орфографические нормы проводились на Руси вплоть до середины XV в. Ошибка Соболевского, датировавшего нововведения серединой XIV — серединой XV вв., обусловлена отсутствием в то время надежных пособий по филологической и орфографической терминологии. Свои выводы Л. П. Жуковская документировала статьями из списков Пролога разного времени.

Л. В. К у р к и н а (СССР, Москва) в докладе «Праславянский лексический фонд болгарского языка и его диалектная структура» отметила отличительные особенности древнейшего словарного состава болгарского языка на широком южнославянском фоне. В докладе обосновывается идея исконной диалектной противопоставленности двух областей на территории Болгарии — Юго-Запада и Востока. Генетическая диалектная неоднородность болгарского языка объясняется на основе миграционных процессов. Восточная часть Балканского п-ва заселялась несколькими миграционными потоками, которые двигались не только с востока, но и с севера и запада.

Я. С я т к о в с к и й (ПНР, Варшава) в докладе «Влияние древнеболгарского языка на старопольский» показал значение древнеболгарского в формировании не только южно- и восточнославянских языков, но и языков западной группы. Автор освещает пути проникновения церковнославянизмов в польский язык, особо останавливается на посредстве чешского и восточнославянских языков в этом процессе.

И. Ш ю т ц (ФРГ, Эрланген) в докладе «Примеры метатезы плавных в начале слова», перематрируя традиционное морфологическое членение ряда славянских слов с начальными сонорным и плавным, предлагает новую интерпретацию корневой структуры, в частности, для таких слов, как *лѣто* < *el-to, *рано* < *dr-nъ, и расширяет таким образом состав продолжений с начальными сочетаниями *elt*, *ort*. Автор рассматривает *elt-lolt*, *ert-lort* как корреляции функциональных морфолого-словообразовательных отношений в форме звуковых изменений, которые являются индивидуальным для каждого языка способом преодоления артикуляторных «трудностей». Случаи типа ст.-слав. *ал(ъ)диш* — *ладш*, *ал(ъ)кати* — *лакати* определяют как явления регрессивного характера, в которых отражаются или реставрируются причины и условия, вызвавшие изменения.

Х. М и к л а с (ФРГ, Фрейбург) дал лингвистический и филологический анализ одного из сложных в орфографическом отношении памятников XVI в. — «Берлинского сборника», не получившего однозначной интерпретации в филологической науке.

Все заседания проходили в деловой, научной и доброжелательной атмосфере.

Зальцбургский коллоквиум по славистике способствовал укреплению и развитию научных контактов болгаристов разных стран. Представленные на этом коллоквиуме доклады отражают уровень, состояние болгаристики на сегод-

нящий день. Результаты коллоквиума будут использованы в дальнейшей работе над древними рукописями и в исследовании древнеболгарской лексики и шире — проблем славянской лексикологии.

Жуковская Л. П., Куркина Л. В.
(Москва)

1—3 декабря 1982 г. в Институте востоковедения АН СССР прошла Всесоюзная конференция «Вариантность как свойство языковой системы», организованная в рамках деятельности двух Научных советов: «Теория советского языкознания» и «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». В конференции приняло участие более ста человек из Москвы, Ленинграда, Одессы, Баку, Кишинева, Тбилиси и других городов. Открывая конференцию, чл.-корр. АН СССР В. Н. Ярцева подчеркнула, что актуальность вопросов, выдвинутых на обсуждение, связана в первую очередь с возросшим интересом к изучению коммуникативной функции языка. Поскольку вариантность есть фактор, пронизывающий всю языковую систему, четкое функциональное разграничение инварианта, варианта и отдельной единицы необходимо при построении любой лингвистической дефиниции.

Дискуссии проводились в рамках пяти секций: «Общие вопросы языковой вариантности», «Социолингвистические проблемы вариантности», «Вариантность в морфологии и в синтаксисе», «Вариантность языковых значений и лексическая вариантность», «Вариантность в фонологии и в морфонологии».

Вариантность (вариативность) рассматривалась как фундаментальное свойство языковой системы, как форма существования языка. Обсуждались проблемы, связанные с выявлением основных критериев вариативности, с сущностью и формами проявления оппозиции «инвариант — вариант». Хотя предметом обсуждения являлась собственно языковая вариативность, подчеркивалась необходимость включить эту проблематику в более широкий контекст. В явном виде вопрос о том, каким образом в варьировании языковых единиц проявляются общие закономерности варьирования явлений, изучаемых другими науками, был поставлен в докладе В. Г. Гака «Языковая вариантность в свете общей теории вариантности».

Проблема языковой вариантности рассматривалась во взаимосвязи синхронического и диахронического аспектов. Было показано, что варьирование есть фактор, обуславливающий характер языковых изменений. Возникающий в процессе эволюции языковой феномен либо вытесняет существовавшие прежде варианты, либо детерминирует перераспределение функций между вариантами (докла-

ды Н. А. Сыромятникова «Вариативность в национальном японском языке», Г. П. Нещименко «О некоторых аспектах изучения словообразовательной вариантности» и др.). Задачу лингвистики в области прогнозирования языковой эволюции сформулировал Вяч. Вс. Иванов в докладе «Варьирование в языковой эволюции»: она состоит в определении стратегии выбора из вариантов, допускаемых языковой структурой.

Всесторонне обсуждалась на конференции социолингвистическая проблематика вариативности. Рассматривались различные типы варьирования в связи с существованием социальных и функциональных языковых подсистем, диалектная вариативность, характер соотношения вариантов употребления и языковой нормы, стилистическая вариативность и др. Л. Б. Никольский сформулировал важнейшее противопоставление: стратификационных языковых подсистем (выбор которых определяется принадлежностью говорящего к некоторой социальной общности) и ситуативных подсистем (выбор которых определяется социальными условиями общения). Существование стратификационных подсистем предполагает, в частности, диалектную вариативность. Этот вопрос ставился в докладах М. В. Софронова «Китайский национальный язык и диалекты северного Китая», Г. Ш. Шарбатова «Морфологическая вариативность в современной арабской диалектной речи» и др. Существование ситуативных подсистем предполагает функционально-стилистическое варьирование, что обсуждалось в докладах О. Б. Сиротининой «Межстилевая и внутрителивая вариантность языковой системы», М. А. Габинского «Диагностичность варьирования некоторых типов словоформ и их компонентов в молдавском языке», В. Я. Пинеса «Речевые регистры и вариативность временных форм азербайджанского глагола» и др.

Наиболее острую полемику вызвали вопросы, связанные с определением границ вариативности: соотношение вариативности при варьировании значения, вариативности и критерии отождествления единиц разных уровней. Решение этих проблем связывалось с разграничением двух типов варьирования: варьирование единиц в пределах одного уровня и так называемое «межуровневое» варьирование. Наиболее общие вопросы, связанные с варьированием первого типа, были поставлены в докладе В. М. Солнцева «Вариативность как общее свой-

ство языковой системы», где предлагалось считать инвариантом абстрактное предствление языковой единицы в отвлечении от ее конкретных модификаций, задающее класс ее вариантов. Очевидно, что корректное описание «внутриуровневого» варьирования может строиться только в языковой иерархии. Соотношению понятий «тождественность» и «вариативность» в пределах этой иерархии был посвящен доклад И. Ф. Вардуля «К вопросу о тождестве языковых единиц». Именно выводимость критериев варьирования из критериев отождествления языковых объектов позволяет разграничивать эмпирические и этические единицы, что является «апофеозом» внутриуровневого варьирования. При этом эмпирические единицы выделяются не только в фонологии и морфологии, но и на более высоких уровнях, например, в синтаксисе (М. И. Черемисина, «Инварианты и варианты моделей сложного предложения» и др.).

При межуровневом варьировании статус инварианта меняется. Инвариант предстает как метаязыковой конструкт, задающий такое разбиение языковых объектов на классы, при котором допускается объединение в один класс единиц разных уровней. Элементы класса суть варианты, манифестирующие данный инвариант в языке. Очевидно, что в рамках «межуровневого» подхода синонимические преобразования рассматриваются как частный случай варьирования (доклады В. И. Кодонова, С. Г. Бережана и др.). Межуровневое варьирование предполагает учет коммуникативных факторов. Так, Л. Г. Веденина рассмотрела коммуникативный аспект вариативности на базе экспериментального изучения французских и русских текстов с использованием вероятностных характеристик. В докладе В. С. Храковского «Соотношение понятий вариантность, синонимичность и эквивалентность» было показано, что возможность или невозможность межуровневой вариативности зависит от ориентации языковой динамики. Грамматика «для слушателя» предполагает варьирование единиц одного уровня. В грамматике «для говорящего» происходит расщепление уровней, т. е. синонимические преобразования задают отношение вариативности между единицами разных уровней. Отношение вариативности может устанавливаться, например, между несколькими способами выражения определенной грамматической категории. Так, в докладе В. Н. Ярцевой «Синтаксические условия реализации морфологической вариативности языка», рассматривалась возможность варьирования морфологических элементов (членов парадигмы), с одной стороны, и синтаксических средств — с другой, как двух способов выражения грамматической категории — синтетического и аналитического. Отношение вариативности может связывать способы манифестации определенного синтаксического отношения: в докладе И. Ш. Козинского «Вариативность кодирования дополнений и связанные с ней универсалии» обсужда-

лись закономерности варьирования двух способов оформления дополнений с одной и той же семантической ролью, противопоставленных по признаку наличие/отсутствие грамматического показателя.

Существенно, что допуская многоступенчатость в соотношении инварианта со своими вариантами. В докладе А. В. Бондарко «О семантической вариативности в грамматике (вариативность категориальных ситуаций)» были выявлены основные типы семантических структур высказывания, допускающие многоступенчатую вариантность. В докладе Н. Ю. Шведовой «Вариативность как всепроникающее явление (на примере лексического множества)» обсуждалась возможность последовательного сведения к семантическому инварианту значений заданного множества лексем, а именно, русских глаголов, называющих конечную фазу бытия — исчезновение (около 230 единиц). На этом примере демонстрировались основные типы варьирования, осуществляемые в семантически ограниченном участке лексической системы. Доклад Р. Г. Плотровского касался возможностей моделирования отношений «инвариант — вариант» и методологической значимости такого рода воспроизводящих инженерно-лингвистических моделей.

Проблемы «межуровневой» вариативности отчетливо проявились в дискуссии вокруг вариативности фразеологических единиц, поскольку фраземы — единицы, попадающие в пересечение сфер «деятельности» семантики, синтаксиса и лексикологии. Наиболее остро эти вопросы ставились в докладах В. Н. Телия «Семантическое варьирование в лексике и фразеологии», З. И. Будаговой «Фразеологическая активность в азербайджанском языке» и др.

В докладах и в ходе обсуждения был привлечен богатейший языковой материал, наглядно представлено огромное разнообразие конкретно-языкового проявления вариативности. В круг исследования были вовлечены данные генетически и типологически различных групп языков. В некоторых докладах привлекались материалы проведенных авторами полевых исследований: бесписьменных языков. Так, в докладе Т. С. Зевахиной «К вопросу о семантической правильности: система, вариативность, норма» использовался материал экспериментального полевого изучения дунганского и ваханского языков. Проблемы фонетического, фонологического и морфонологического варьирования на материале бесписьменных языков Индокитая ставились в докладах участников совместной советско-вьетнамской лингвистической экспедиции [Н. Ф. Алиева «Вариативность модели чямского языка и ее отношение к эволюции типологической структуры языка», Н. К. Соколова «Фонетическое варьирование в бесписьменном языке (на примере языка понг)», А. Ю. Ефимов «Вариативность и различные статусы языковых элементов на уровне фигур»].

Вариативность рассматривалась на конференции не только как фактор, дей-

ствующий внутри языковой системы, но и как межъязыковой фактор. Показательны в этом смысле доклады Г. П. Мельникова «Вариативное и инвариантное в составе и в процедуре выявления грамматических категорий типологически различающихся языков», Н. В. Солнцева «Вариативность морфем», в котором исследовалась вариативность так называемых морфологических способов (редупликация, аффиксация) как типологическая характеристика языка, Л. Г. Зубковой «Внутриязыковые факторы фонетической вариативности в типологическом освещении», где в качестве типологической характеристики рассматривались возможные пределы действия фонетических закономерностей.

Ход обсуждения показал, что все многообразие варьирования языковых объ-

ектов различной природы есть проявление универсального феномена вариативности.

На закрытии конференции председатель оргкомитета В. М. Солнцева, выражая единодушное мнение участников, подчеркнул, что актуальность поставленных проблем делает необходимым выделение особого направления в языкознании, изучающего общие вопросы вариативности и конкретные формы варьирования в отдельных языках. Нельзя утверждать, что такая отрасль, которую можно было бы назвать «вариологией» или «вариантологией», уже оформилась в самостоятельный раздел языкознания, однако конференция выявила ту предметную область, которая могла бы составить сферу рассмотрения такого раздела.

Подлесская В. И. (Москва)

18—19 ноября 1982 г. в Баку в Институте языкознания им. Насими АН АзербССР состоялась Республиканская научная конференция «Проблемы двуязычия», посвященная 60-летию образования СССР. В ней участвовали сотрудники Института языкознания им. Насими, преподаватели вузов республики, а также гости — представители языковедческих центров Армении, Грузии и Дагестана. В работе конференции приняли участие академик-секретарь Отделения литературы, языка и искусства АН АзербССР М. З. Джафар и председатель Республиканского Координационного совета по русскому языку М. Т. Тагиев.

Открывая конференцию, директор Института академ. АН АзербССР М. Ш. Ширалиев отметил важность ее проблематики и подчеркнул значительность проведения конференции в преддверии общенародного праздника — 60-летия образования СССР.

В докладе «60-летие образования СССР. Русский язык в Советском Азербайджане» ректор Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова Ф. Т. Султанзаде, дав экскурс в историю распространения русского языка и его научного изучения в Азербайджане, заострила внимание на современных проблемах русистики. Она подняла вопрос о повышении качества телепередачи «Русский язык» и максимальном использовании возможностей периодики для пропаганды и распространения русского языка в республике, о необходимости введения типологических исследований русского и азербайджанского языков, выпуска методических пособий, учебников, отвечающих требованиям сегодняшнего дня, перестройки учебных планов вузов, тесной связи отдела русского языка Института языкознания АН АзербССР с теоретическими и практическими кафедрами вузов города Баку. В докладе была затронута также проблема подго-

товки кадров для вузов республики путем стажировки и обучения в целевой аспирантуре в Москве, а также в местной аспирантуре при институтах и университетах. В докладе «Об исследовании вопросов контрастной типологии в отделе русского языка Института языкознания им. Насими АН АзербССР» зав. отделом А. К. Алекаперов пришел к выводу, что между двусторонним контрастно-типологическим исследованием, гармоничным билингвизмом и двуязычной лексикографией существуют теснейшие прямые и обратные связи, изучение которых весьма перспективно и полезно.

Вопросам повышения эффективности преподавания иностранных языков в условиях билингвизма был посвящен доклад ректора Азербайджанского педагогического института иностранных языков им. 50-летия СССР З. Н. Вердиевой, предложившей при обучении иностранным языкам опираться не только на родной язык студентов, но и на русский, которым студенты в той или иной степени владеют. Для этого необходимо провести широкомасштабное исследование азербайджанско-русского двуязычия с целью определения различных его типов и оптимизации на их основе учебного процесса. «Педагогический аспект азербайджанско-русского двуязычия» стал темой доклада Г. А. Яббарова (Баку), отметившего, что свободное владение русским языком зависит не только от лингвистического совершенствования программ и учебников, но и от четкой дифференциации задач, стоящих перед школой — знание языка (рецептивное обучение) и овладение речью (продуктивное обучение).

Несмотря на то, что доклады условно делились на «теоретические» и «практические», на конференции не было ни одного чисто теоретического исследования, которое в той или иной степени не имело бы выхода в практику, что объясняется спецификой самой поставленной проблемы — проблемы двуязычия. Так, И. Ю.

Б у р х а н о в (Баку) ознакомил 'слушателей со своими идеями создания специальных учебных словарей тезаурусного типа. Целесообразным в условиях национально-русского билингвизма представляется, по его мнению, выпуск параллельных, т. е. переводных однотомих словарей, содержащих эквивалентные лексические единицы азербайджанского, русского и изучаемого иностранного языка, организованных по тезаурусному (идеографическому) принципу. А. В. С е р г е е в (Баку) считает, что в учебных словарях, как и в учебных пособиях и учебниках, должны найти отражение как сопоставление фонетических и морфологических систем различных языков, так и сопоставление лексико-семантических групп эквивалентов в двух языках и синтактико-семантическое содержание языковых единиц, раскрываемое в предложении.

Л. Н. Т а и р б е к о в а (Баку) говорила о путях и способах заимствования галлорусизмов азербайджанским языком, о формах их функционирования в последнем в условиях азербайджанско-русского двуязычия, провела сопоставление форм слова в языке-источнике и в языке-приемнике.

Вопросу интерференции родного языка был посвящен доклад К. Б. Л е р н е р а (Тбилиси) «Переключение кода в условиях русско-национального двуязычия». Он выделяет 4 типа интерференции: парадигматическую, контекстуальную, семантико-коннотативную и синтагматическую. Исследовав третий тип интерференции, докладчик приходит к выводу, что в отличие от структурно-грамматических смещений и подстановок, которые характеризуют речь на втором языке и проявляются во всех ситуациях общения, заимствование смысла, отлича-

ясь достаточной устойчивостью, вместе с тем обнаруживает зависимость от конкретных коммуникативных условий (ситуация и тема общения) и характера собеседников, т. е. в постоянной ситуации речи можно говорить о сознательном переключении кодов, отличающемся от «смешения» кодов, обычного при двуязычии. Интерференция на морфологическом, синтаксическом и фразеологическом уровнях была освещена в докладе З. Р. А л е к п е р о в о й (Баку), в котором были рассмотрены национальные и интернациональные элементы на всех уровнях языка.

В развивающемся билингвизме значительный интерес представляют, помимо чисто лингвистических проблем, проблемы экстралингвистические, что и стало объектом исследования П. Б. М а д и е в о й (Махачкала), результаты которого были изложены в докладе «Из опыта изучения дагестанско-русского двуязычия» (социологический аспект).

На заключительном заседании было заслушано сообщение А. К. А л е к п е р о в а о важнейших результатах проведенных Координационным советом по русскому языку работ по проблемам национально-русского двуязычия. Подводя итоги конференции, М. Т. Т а г и е в подчеркнул необходимость обсуждения проблем двуязычия, перспектив дальнейших исследований, лучшей координации работы вузов и Академии наук Азерб. ССР. Он отметил также, что изучение проблем двуязычия предполагает изучение культуры речи не только русского, но и азербайджанского языка. В этой связи он напомнил о значении контрастного изучения обоих языков и создания двуязычных словарей.

Алекперова З. Р. (Баку)

CONTENTS

Articles: Perel'muter I. A. (Leningrad). Indo-European medium and reflexive (a tentative of functional analysis); Aksenov A. T. (Moscow). On the extralinguistic motivation of the grammatical category of gender; **Discussions:** Koneckaja V. P. (Moscow). The systemic character of the word-stock; Burt E. M. (Leningrad). Scientific notions as systems and their description in unilingual terminological dictionaries; Ulxanov I. S. (Moscow). The usual and occasional units of the derivational system; Sirjajev E. N. (Moscow). Principles of systemic description of asyndetic compound sentences; Panfilov V. S. (Leningrad). The main notions of Vietnamese syntax; **Materials and notes:** Jackevič L. G. (Gomel). Means of expressing substantivity in Russian; Kanonič S. I. (Moscow). On the typology of contextual grammatical categories; Vostokova G. V. (Moscow). Semantic motivation of compound words; Buxarin V. I. (Kaluga). Parenthetical words in the light of the functional perspective of the sentence; Antonova T. I. (Syktyvkar). Textual formulations of scientific definitions; **Reviews; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: Perel'muter I. A. (Leningrad). Le médium et le réflexif indo-européens (essai d'analyse fonctionnelle); Aksenov A. T. (Moscou). À propos de la motivation extralinguistique de la catégorie grammaticale du genre; **Discussions:** Koneckaja V. P. (Moscou). Sur le caractère systémique du vocabulaire; Burt E. M. (Leningrad). Notions scientifiques en tant que systèmes et leur description dans les dictionnaires terminologiques raisonnés; Ulxanov I. S. (Moscou). Unités usuelles et occasionnelles du système dérivationnel; Sirjajev E. N. (Moscou). Fondements d'une description systémique des propositions juxtaposées; Panfilov V. S. (Leningrad). Notions de base de la syntaxe vietnamienne; **Matériaux et notices:** Jackevič L. G. (Gomel). Moyens d'expression de la substantivité en russe; Kanonič S. I. (Moscou). Principes d'une typologie des catégories grammaticales contextuelles; Vostokova G. V. (Moscou). Motivation sémantique des mots composés; Buxarin V. I. (Kaluga). Mots intercalés sous l'aspect de la division actuelle; Antonova T. I. (Syktyvkar). Formulations textuelles de la définition scientifique; **Comptes rendus; Vie scientifique.**

Технический редактор *Радина Т. И.*

Сдано в набор 27.10.83. Подписано к печати 05.01.84 Т-02305 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 12,6 Усл. кр.-отт. 74,5 тыс. Уч.-изд. л. 15,4 Бум. л. 4,5
Тираж 5828 экз. Зак. 3316

Издательство «Наука», 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10